АЛЕКСАНДР КАЖДАН

ОТ ХРИСТА К КОНСТАНТИНУ

ЛУГДУН
ВИЕННА
МИЛАН
ВЕРОНА
РИМ
КАРФАГЕН
ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА
МЕНЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
СЛАБОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
ОКОЛО 300 Г Н Э
СИРМИЙ
КОНСТАНТИНО-
ПОЛЬ
НИКОМИДИЯ
СМИРНА
ЭФЕС
АФИНЫ
КОРИНФ
АНТИОХИЯ
ИЕРУ-
САЛИМ
АЛЕКСАНДРИЯ

Издательство
„ЗНАНИЕ"
Москва
1965

АЛЕКСАНДР
КАЖДАН

ОТ ХРИСТА К

КОНСТАНТИНУ

ГЛАВА I
"СИМ ПОБЕДИШИ!"

ПОХОД НА РИМ

Весной 312 года, едва сады иаполинялнсь ароматом бледио-розовых цветов, едва альпийские перевалы стали очищаться от сиега, правитель Запада кесарь Валерий Флавий Константнн отдал войскам приказ выступать. Шли легиоиеры, служившне еще его отцу, испытаииые воииы с рубцамн от гермаискнх мечей; шли германцы и брнты, недавиие враги, а ииые союзники, смеиившие сумрачиые леса своей родниы на виноградиики солиечиой Галлии; здесь были всадиики в железиых кольчугах, пехотиицы с большими круглыми щнтамн, вонны вспомогательных отрядов, простоволосые, вооружеиные однимн секнрамн. Войско Коистантнна насчитывало не более 40 тысяч человек; прншлось отказаться и от осадных механизмов, и от медлительиого обоза — впереди лежали Альпы и надо было торопиться, надо было застать врага врасплох.

Врагом был кесарь Максенций, правитель Италии и Африки, оспарнвавший у Константина власть над западной половииой Римской нмпернн. Подумать только — он посмел иазвать Констаитина убнйцей, хотя всем было нзвестио, что старик Максимиан, отец Максенция и тесть Коистаитииа, после неудачного покушения иа жизиь зятя сам иаложнл на себя руки: он повесился в одиом из дворцовых покоев. Зато Максенций-то хорош! Прндворные ораторы Константина давио открыли глаза иароду всей Галлни на злодеяния владыкн Рнма. Не было таких отвратнтельиых н бесстыдиых поступков, которых бы он не содеял: он отнимал нмущество у рнмскнх сеиаторов, а своим телохраиителям приказывал избивать горожан по пустячному поводу; темиый человек, он был весь во властн чародеев н полагал, что проиикиет в тайиы будущего, гадая по виутреииостям иоворождеиных младеицев и по трупам умерщвлеииых львов.

Боги — покровители Коистаитииа: Аполлои, солнечиый бог Гелиос и сама Виктория-Победа — сулилн торжество иад тнраном.

И вот уже Альпы пройдены, прорваиа передовая лнния обороны противника, Мнлан н Турин открывают перед Константнном ворота. Здесь можно реквизнровать провиант и коией, пополнить ряды новыми вониа-

ми — и снова вперед, без отдыха, к Вероне, к неприступной крепости, преграждавшей путь на юг. В Риме считали, что этот город, защищенный рекой и крепостными стенами, располагавший новейшими военными механизмами и большим гарнизоном, нельзя будет взять без долгой осады. Но Константин сразу приказывает идти на приступ, и сам, молодой и дерзкий, бесстрашно сбросивший шлем, возглавляет штурм. И тут совершается то, что, казалось, не могло совершиться: Верона взята, а вслед за ней сдаются и Равенна, и Аквилея; вся Северная Италия в руках нового Ганнибала, и путь к «вечному городу», к Риму открыт.

Максенций напуган успехами своего соперника. Он обращается к предсказателям, он строит планы обороны и стремительно меняет их. Сперва он рассчитывал выждать за неприступными стенами города и приказал разрушить Мильвийский мост через Тибр, чтобы затруднить продвижение Константина. Но придворные предсказатели сулили Максенцию, что враг Рима погибнет, если кесарь Италии перейдет Тибр в день своего рождения.

Вдохновленный щедрыми посулами, подгоняемый ропотом недовольных, Максенций отказывается от прежней осторожной тактики и решает принять бой в самых невыгодных для себя условиях: он приказывает, надежно скрепив речные суда, возвести вместо разрушенного Мильвийского моста понтонный и переправляет свои отряды на правый берег Тибра.

Уже не задержать было Константина в Апеннинских горах — он по Фламиниевой дороге вышел в долину Тибра, вблизи от Мильвийского моста. 28 октября 312 года н. э. войска сошлись. В небольшой долине полководцы Максенция не смогли использовать численное превосходство своих сил, а река, которая была у них в тылу, делала позицию защитников Рима ненадежной. К тому же не обошлось, видимо, и без предательства: когда отряды Константина устремились вперед, в многолюдном воинстве Максенция началась паника, толпы ринулись к понтонному мосту, составленному из связанных между собой кораблей; только гвардейские части и одетые в панцирь всадники еще сдерживали натиск противника. Сам полководец тоже бежал с поля брани, пытался переправиться на левый

берег Тибра, но в тот момент, когда он переходил с корабля на корабль, лопнули канаты, понтонный мост распался на части и недавний владыка полумира вместе со своей свитой стремительно пошел на дно Тибра. Вот, оказывается, что сулили предсказатели, вот какой «враг Рима» должен был погибнуть в битве!

ТРИУМФ КОНСТАНТИНА

На следующий день Константин торжественно въехал в Рим. От Фламиниевых ворот на прямой, как стрела, Виа Лата, ведущей к сердцу города, к Форуму, толпились мужчины и женщины, старики и дети, рабы и свободные, чтобы своими глазами увидеть победителя. Константин въехал в город не триумфатором, а освободителем: пленные шли не в цепях, как того требовал ритуал триумфального шествия, а свободно, словно будущие соратники; штандарты поверженных легионов не были вынесены на поругание — вместо того победители несли фигурки победоносных богов: Виктории и Гелиоса. И только окровавленная голова Максенция (его труп утром выловили в Тибре), выставленная на высоком шесте, напоминала о вчерашней битве.

Победоносные войска скоро свернули с Виа Лата вправо, на Марсово поле, а кесарь в сопровождении телохранителей направился к Форуму, где ждали его сенаторы, облаченные в праздничные тоги. Здесь Константин воздал хвалу богам, даровавшим ему победу, и произнес речь. Он объявил об отмене всех распоряжений тирана Максенция. Бюсты тирана подлежали уничтожению, его приговоры теряли силу, политические изгнанники и жертвы тирании восстанавливались в правах, могли возвратиться к семьям и получить назад конфискованное имущество. Константин не поскупился на обещания: конечно, он станет оплотом древней римской свободы и осыплет щедрыми дарами всех, кто намерен верно служить ему.

И сенаторы не остались в долгу перед Константином. Они учредили специальный праздник — день победы над Максенцием; они решили воздвигнуть Три-

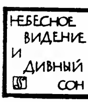
умфальиую арку в Риме, изобразнв на ней и осаду Вероны, н победу у Мильвийского моста; онн, наконец, поднесли Константину новый титул — августа, даже августа величайшего, признав его ие только правителем Запада, но н владыкой Востока, который, впрочем, еще предстояло завоевать.

Затем Константин поднялся на ростру — помост, украшениый остаткамн вражеских кораблей, когда-то захвачеииых рнмляиами. Здесь рнмскне граждане прнветствовалн его и восторженнымн крнкамн одобрнли сенатские постановлеиия. А ои возвестнл с трибуиы свободу от тираннн и наступление золотого века, прекращеиие междоусобиц и прочный мир. К тому же ои

обещал раздачу хлеба и устройство зрелищ — и слова нового августа утонули в возгласах неподдельного восхищения.

Победа у Мильвийского моста — один из многих эпизодов кровавой борьбы претендентов на власть над Римом и вселенной. Сколько раз рушились старые кумиры, и новые властители обещали мир и золотой век, чтобы уже назавтра взыскивать новые подати и гнать на убой легионы! Воздвигались мраморные статуи, чеканились памятные монеты, шли победители по Виа Лата, гремели трубы и клялись сенаторы, — но все оставалось без перемен: по-прежнему голодный раб запрягал поутру тощего вола в деревянный плуг, а его хозяин запивал заморскими винами соловьиные язычки, поданные на серебряном блюде; по-прежнему прикованные к скамьям гребцы-невольники мерно двигали веслами, не видя ни золотых песков, ни оливковых рощ на берегу, а воины, срываясь и падая, карабкались по приставным лестницам на стены осажденных крепостей.

Но среди многих других битв и переворотов победе у Мильвийского моста суждено было занять в истории особое место: христианская церковь связала с ней свое торжество над язычеством.



Вот что рассказывает современник событий христианский писатель Лактанций, воспитатель одного из сыновей Константина, написавший сочинение «О смерти гонителей».

Накануне битвы у Мильвийского моста Константину был вещий сон. Ему было приказано изобразить на щитах своего воинства знак креста. Кесарь, который до того поклонялся языческим богам и особенно чтил Аполлона, Гелиоса и Викторию, тем не менее повиновался, и на щитах появилась буква *X* — первая буква имени Христос. Осененные именем Христовым, воины Константина кинулись в битву и при поддержке христианского бога опрокинули неприятеля в Тибр. Мильвийская победа, по словам Лактанция, была не простой победой — нет, ее даровал Константину бог христиан

за то, что император обратил к нему свое сердце; это была победа христианства над ложной религией.

Лактанцию вторит и другой христианский писатель Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, один из ученейших людей первой половины IV столетия. Еще собираясь в поход (так повествует Евсевий), Константин задумался, к каким богам обратить ему свои молитвы: к тем ли многочисленным божествам, которым жрецы приносили кровавые жертвы, или к единому христианскому богу. Видел Константин, что поклонники языческих богов не раз бывали обмануты ложными пророчествами, что их предприятия имели постыдный конец — и он понял, по словам Евсевия, что было бы безумием держаться богов несуществующих. Тогда он избрал своим покровителем христианского бога и стал молить его о помощи против Максенция. Бог внял его словам и послал знамение.

На этом месте Евсевий прерывает свой рассказ и заявляет следующее: посланное Константину от бога знамение было настолько удивительным, что и поверить в него нелегко. Но, оказывается, сам победоносный август клятвенно заверял Евсевия, что знамение это было, — а кто позволит себе усомниться в истинности слов всемогущего императора?

Так что же все-таки увидел Константин?

Был полдень, солнце едва начало склоняться к западу, как вдруг на ясном небе явился сияющий знак креста с надписью: «Сим победиши!» (Это значило: «С крестным знамением победишь»). Не только Константин, но и все войско увидело крест и было охвачено ужасом, не понимая, что может означать чудесное видение. Когда же наступила ночь и Константин уснул, во сне ему явился Христос, повелев изготовить знамя, подобное небесному знаку. С наступлением дня Константин собрал искусных мастеров и распорядился сделать божественное знамя из золота и драгоценных камней.

Евсевий подробно описывает знамя Константина: на длинном золоченом древке была закреплена поперечная рея, отчего все сооружение приобретало форму креста. Древко увенчивалось венком из драгоценных камней и золота, на котором изображена была монограмма — две первые буквы имени Христа: X и P — слитые воедино. На поперечной рее висел белый квад-

ратый плат, расшитый золотом, а под ним помещалось из золота же изготовленное изображение августа и его сыновей.

И вот, призвав на помощь Христа и соорудив победную хоругвь, Константин выступил против Максенция, которого, оказывается, сам бог увлек далеко от городских ворот и низверг в глубины Тибра. Евсевий даже сравнивает гибель войск Максенция на понтонном мосту с чудом, описанным в библии: когда Моисей уводил евреев из египетского плена, перед ним, повествуется в библии, расступились воды Красного моря и дали беглецам пройти. Преследовавшие евреев всадники фараоновы ринулись вслед за Моисеем, но тут воды сомкнулись над их головами, и армия египетская осталась на морском дне.

После победы Константин вознес молитву богу и приказал воздвигнуть посреди Рима свою священную хоругвь. Когда же римляне вздумали поставить в городе статую императора, он распорядился, чтобы его изобразили держащим в руке крестное знамя. Он проявлял заботу обо всех и особое попечение — о церкви божьей...

ЧТО ЖЕ ВИДЕЛ КОНСТАНТИН?

Когда сравниваешь оба рассказа — Лактанция и Евсевия, сразу же бросается в глаза несходство их повествований. По Лактанцию, знамение было лишь один раз, да и то во время сна, по Евсевию, дважды, причем первый раз средь ясного дня его видело все войско. По Лактанцию, Константин приказал украсить щиты своих воинов буквой *Х*, начальной буквой Христова имени, по Евсевию, он изготовил золотую крестовидную хоругвь, где, кроме монограммы Христа, имелось изображение императора и его детей. Не будем уже говорить о том, что у Лактанция знамение предшествует обращению Константина к христианскому богу, а у Евсевия — следует за этим обращением, в ответ на молитвы кесаря, или о том, что Лактанций ничего не знает о статуе Константина с крестным знамением в руке...

Евсевий не один раз писал о Мильвийской битве:

и в сравнительно позднем сочинении, «Жизнеописании Константина», о котором мы только что говорили, и в «Церковной истории», законченной много раньше. Эта книга, написанная в назидание верующим, полна чудесных легенд и преданий о подвигах первых христиан, и важное место в ней отведено Константину. Отдельные эпизоды его похода на Рим описаны в «Церковной истории» прямо-таки теми же словами, что и в «Жизнеописании Константина».

Значит, когда Евсевий писал «Жизнеописание Константина», он не раз заглядывал в свою старую книгу и переписывал из нее целыми абзацами. И в этом, пожалуй, нет ничего удивительного — он не последний писатель, поступавший таким образом.

Удивительно и заслуживает самого пристального внимания другое обстоятельство: рассказ о знамениях и о священной хоругви в «Церковн•й истории» еще отсутствует.

Можно ли допустить, что Евсевий, когда он около 325 года заканчивал «Церковную историю», зная о чудесных знамениях, не включил рассказ о них в свое повествование? Конечно, нет — ведь это такой выигрышный эпизод, такое яркое обоснование его взглядов на божественность деяний Константина, что Евсевий вряд ли пренебрег бы им. И действительно, в написанном лет десять спустя «Жизнеописании Константина» знамения и хоругвь уже занимают центральное место.

Остается одно: около 325 года Евсевий еще ничего не знал о дивных знамениях.

Как это могло случиться? Как Евсевий мог остаться глухим к толкам целого войска, видевшего на небе сияющий крест и надпись: «Сим победиши!»? Как он мог остаться слепым и не увидеть хоругви, водруженной посреди Рима, и статуи Константина с крестным знамением в руке?

Но пойдем дальше.

Как вы помните, по рассказу Евсевия, на хоругви, ниже белого плата, помещались золотые изображения Константина и его сыновей. Однако в 312 году старшему из сыновей Константина Криспу было немногим больше десяти лет, и он не занимал и не мог занимать никакой официальной должности. По римским обычаям, рождение само по себе еще не давало прав на престол:

наследником не рождались, наследником провозглашались.

Только в 316 году, через четыре года после Мильвийской битвы, Крисп и его брат (Константин II) были провозглашены кесарями и заняли официальное место в государственной системе Римской империи. Следовательно, только после 316 года изображения Криспа и Константина II могли украсить государственное знамя.

Вот почему можно предполагать, что хоругвь, которую Евсевий так старательно описал, была изготовлена не накануне Мильвийской битвы, а много позднее — после 316 года или даже после 325 года, после завершения «Церковной истории»...

Есть в рассказе Евсевия еще одно бросающееся в глаза противоречие. Кому удалось видеть дивное знамение: только Константину или всему войску? Если верить Евсевию, чудесный крест на небе наблюдали тысячи солдат, но в таком случае, почему писатель вынужден ссылаться на клятвенное заявление самого августа?

Другое дело, когда бы речь шла только о сновидении, тут уж, конечно, кроме Константина, никто не мог быть свидетелем.

Вдумаемся во все только что рассказанное: противоречия и анахронизмы в рассказе Евсевия приводят к выводу, что большая часть деталей этого рассказа принадлежит самому писателю. Изготовление хоругви, крест среди ясного неба, тысячи солдат, которые, разинув рты, глазеют на крест, — все это созданная Евсевием легенда.

Но, может быть, все-таки Константин действительно видел какой-то загадочный сон и под его воздействием переменил религию? Не секрет, что в те времена люди нередко определяли свои действия предсказаниями жрецов, таинственными голосами, сновидениями. Если предсказания могли погнать трусливого Максенция на другой берег Тибра, почему бы сновидению не повлиять на его противника? Может быть, наконец, Константин просто после зрелых размышлений решил обратиться к христианскому богу и вести войну с Максенцием под защитой креста? Может быть, другие современники Константина знали об этом обращении императора к христианству?

СОВРЕМЕННИКИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Вскоре после торжественного вступления победителя в Рим оратор, имя которого осталось неизвестным, произнес в Трире речь, восхваляющую подвиги Константина.

Латинский оригинал этой довольно длинной речи дошел до нашего времени.

Подробно повествуя о победах в Северной Италии, о Мильвийской битве, о вступлении в Рим и о ликовании римлян, неизвестный автор, однако, ни словечком не обмолвился о том, что для Лактанция и Евсевия было самым существенным — об обращении Константина к новому божеству. Могло ли случиться, чтобы оратор, восхваляющий Константина словно живого бога, умолчал об изображении креста на щитах воинов, если бы сам кесарь действительно приписывал новому богу свой успех на берегах Тибра, если бы все победоносное войско видело сияющий крест на небе и сокрушало врагов именем Христа?

В 315 году, три года спустя после Мильвийской битвы, в Риме была воздвигнута Триумфальная арка в честь Константина Великого, победившего, как говорилось в надписи, «по воле божества». Но что это за божество, которому император приписывал победу? На рельефах Триумфальной арки мы видим воинов Константина, низвергающих противника в Тибр, марширующих, вступающих в Рим, но нигде нет и следа ни крестовидного знамени, ни первых букв имени Христа на щитах. Напротив, в медальонах, украшающих Триумфальную арку, — традиционное божество римлян — Непобедимое солнце, Гелиос, изображения которого чеканились на монетах Константина еще долгие годы.

(Совсем недавно была обнаружена монета Константина с изображением бога Солнца, выпущенная в Антиохии в 324—325 годах.)

Итак, современники не заметили, что битва у Мильвийского моста была победой христианского бога над богами предков, что борьба Константина и Максенция была войной христиан и язычников, как это представили в своих сочинениях Лактанций и особенно Евсевий.

Христиаиская церковь иазвала Констаитииа святым и равиоапостольным, поставив его, следовательио, в один ряд с апостолами, учениками самого Христа. Заслугу Коистантина оиа видела в том, что после Мильвийской победы ои издал Миланскнй эдикт, согласно которому христиане получили право свободно молиться своему богу.

Но предание о том, что Константин был первым императором, даровавшим равноправие христианам, оказывается, довольио сомнительио.

...Римская империя была одиим из самых могущественных государств древнего мира: от туманной Британии до берегов Евфрата тянулись ее владения. Рнмские легиоиы стояли в Севериой Африке н в Крыму, иа берегах Рейиа и Нила. Средиземиое море было по сути дела виутреииим озером Римского государства.

На рубеже III и IV веков Римской империей правил август Диоклетиан. 1 мая 305 года в своей столице, Никомидии, перед недоумеиио затихшими войсками ои сложил с себя пурпуриый плащ и отказался от власти. Своим преемииком, новым августом Римской империи, Диоклетиан оставил Галерия, зятя и давнего своего помощника, опытного полководца.

Если Галерию еще кое-как удавалось сохранять единство огромного государства, то после его смерти в 311 году оно распалось иа отдельные части: на Западе правил Константин, в Риме — Максенций, в Малой Азии — Ликиний, в восточиых провинциях — Максимин Даза.

По словам христианских писателей, и Диоклетнан, и Галерий, и Максенций, н Ликиний, н Максимин Даза были безжалостиыми извергами и гонителями христиан, и только Константин всегда сочувствовал христианам. Если верить Лактанцию, Галерий в своей злобе превзошел всех сквернейших государей. Самый облик его был страшен и отвратителен: Лактанций рисует Галерия человеком огромиого роста и необычайной толщины, с громовым голосом. Это он, еще будучи кесарем при Диоклетиане, возбуждал в государстве гнев против христиан, а когда сам сделался августом, измыслил невидаииые доселе казни и пытки: он вы-

кармливал свирепых медведей, которые прямо-таки глотали людей; он сжигал христиан на медленном огне и подвешивал их на дыбе. Если христианину при Галерии просто отрубали голову, это считалось великой милостью.

Максимина Дазу Евсевий называет «самым злым врагом христианской веры» и уверяет, что возбужденные им гонения были тяжелее предыдущих. С негодованием обрушивается он и на Ликиния, который «соревновал нечестивым тиранам в разврате и злонравии». Один только Константин был благочестивым и милосердным правителем, заботившимся о подданных и любившим христиан. И вот, назидательно замечают и Евсевий, и Лактанций, бог всегда поддерживал боголюбивого императора, всегда даровал успех его предприятиям, тогда как нечестивые тираны погибали жалкой смертью. Правда, о Диоклетиане церковные писатели не могли сказать, что он умер жалкой смертью: отказавшись от власти, старый император встретил спокойную кончину в тиши своего поместья. Но зато другие тираны — какое поучительное зрелище! Галерий погибает в муках от тяжкой болезни, Максенций находит смерть в речной пучине, Максимин Даза разбит в сражении, а затем поражен «бичом божиим»: иссох и ослеп; наконец, Ликиний, дважды потерпев поражение от войск Константина, должен сдаться на милость победителя.

Не являет ли их судьба наилучшим образом всемогущество христианского бога!

УКАЗ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Стройную концепцию создали церковные писатели, но приглядываешься к ней повнимательнее и постепенно обнаруживаются недомолвки, натяжки и противоречия. Прежде всего нет никакой уверенности в том, что когда-либо был опубликован знаменитый Миланский эдикт. Тот самый эдикт, которым будто бы Константин даровал после Мильвийской победы равноправие христианской религии. Тот самый эдикт, который принес Константину громкий титул равноапостольного...

Обратимся снова к свидетельствам современников.

Лактанций рассказывает, что Константин, приведя в порядок дела в Риме, отправился в Милан и встретился там с Лицинием, который в ту пору оставался еще союзником Константина. Здесь, в Милане, политический союз был скреплен брачным договором: Констанцию, юную сестру Константина, выдали замуж за старика Лициния. Вот и все, что знает Лактанций о миланской встрече императоров.

В отличие от Лактанция Евсевий сообщает, что Константин и Лициний издали закон в пользу христиан: «Сам Константин и соправитель его Лициний, еще не впавший тогда в безумие, которое впоследствии ослепило его разум (Евсевий намекает на гонения христиан при Лицинии), почитая бога источником всех ниспосланных им благ, оба единодушно и единогласно обнародовали в пользу христиан самый совершенный и обстоятельнейший закон и отправили к Максимину (Дазе) описание содеянных богом над ними чудес и одержанной над тираном (Максенцием) победы, а также и самый закон».

Как могло случиться, что Лактанций, пишущий историю христианской церкви, опустил столь важное событие? Неужели для него — современника и христианина — брак Констанции и Лициния казался достойным упоминания, а Миланский эдикт о веротерпимости — не заслуживающим даже словечка?

Присмотримся к свидетельству Евсевия: он приписывает Константину и Лицинию почитание христианского бога как источника всех благ. Но мы только что видели, что почитание христианского бога никак не засвидетельствовано изображениями на Триумфальной арке, тем более — почитание его как «источника всех благ».

Евсевий приводит и текст «самого совершенного и обстоятельнейшего закона» в переводе с латинского языка на греческий, но странным образом не в IX книге, где рассказывается о встрече в Милане, а в X книге, которая отсутствовала в первом издании «Церковной истории» и была присоединена к ней некоторое время спустя. Кроме того, текст этого закона имеется далеко не во всех рукописях X книги, и нам остается только гадать, был ли он исключен самим Евсевием после зрелого размышления или, наоборот, отсутствовал в

первоначальном варианте X книги и появился в ней со временем, добавленный самим Евсевием или даже каким-то редактором его сочинения.

Итак, резюмируем, Лактанций ничего не знает о Миланском эдикте, сообщение же Евсевия о нем оказывается весьма подозрительным.

Наши подозрения станут еще более оправданными, если мы обратим внимание на самый текст закона, который Евсевий называет Миланским эдиктом: приводимый Евсевием текст обнаружим мы и в книге Лактанция — только с очень существенным отличием: то, что у Евсевия названо совместным постановлением Константина и Лициния, изданным в Милане, у Лактанция фигурирует как рескрипт одного Лициния, адресованный правителю Никомидии, главного города Малой Азии.

Итак, известие Евсевия о Миланском эдикте не может не вызвать сомнений. Скорее всего, он просто приписал Константину указ, на самом деле изданный Лицинием.

ИЗВЕРГ ИЛИ БЛАГОДЕТЕЛЬ ХРИСТИАН?

Но самое неожиданное заключается не в этом: оказывается, и Никомидийский эдикт Лициния практически не вносил ничего нового в отношения империи с христианством. Права христианской церкви были к тому времени уже признаны Римской империей — были признаны и до миланской встречи, и даже до Мильвийской битвы. Первый закон, допускающий христианское богослужение, издал не кто иной, как август Галерий — тот самый великан с громоподобным голосом, который в изображении Лактанция оказывался наиболее злобным врагом христианской религии.

Закон августа Галерия был издан в 311 году — за год до Мильвийской битвы и за два года до миланского свидания Константина и Лициния. Текст этого закона включен Евсевием в его «Церковную историю». Закон гласит:

«Мы увидели, что большая часть христиан, пребывая в своем безумии, и небесным богам не приносит

должного поклонения, и (из-за гонений) отвлекается от бога христианского; посему руководствуясь нашим человеколюбием и всегдашним обыкновением снисходить ко всем людям, мы решили также оказать свое снисхождение и христианам, позволяя им оставаться христианами и строить дома для своих обычных собраний — с тем, чтобы они (христиане) не делали ничего противного общественному порядку».

Как же случилось, что Галерий, по словам Лактанция, самый рьяный гонитель новой религии, вдруг изменил свои взгляды и признал за христианами право строить храмы и возносить молитвы Иисусу Христу? Конечно, для Евсевия существует лишь одно объяснение: на то была божья воля. Это бог покарал Галерия, наслав на него болезнь: жирное тело императора покрылось нарывами, стало гнить, и тучи червей роились в кровоточащих ранах. Врачи не только не умели помочь страдальцу, но даже не в состоянии были переносить зловония — за что самодержец в бессильной ярости приказывал предавать их казни. Терзаемый нестерпимыми муками, Галерий в конце концов осознал греховность своих действий и повелел прекратить гонения — что, впрочем, не спасло его: автор первого закона о терпимости к христианам скончался в мучениях.

Оставим на совести Евсевия такое объяснение со всеми его натуралистическими подробностями. Для нас пока важен самый факт: первый эдикт, признающий христианство, был издан совсем не Константином, а Галерием.

КОНСТАНТИН ЗАНИМАЕТ ЧУЖОЕ МЕСТО

Вслед за эдиктом Галерия соответствующие постановления издаются в отдельных частях империи. Прежде всего сходное постановление за подписью префекта Сабина, одного из высших чиновников, появилось на Востоке, на территории, подвластной Максимину Дазе. Еще более решительно действовал правитель Рима Максенций; он не только полностью принял эдикт 311 года о терпимости, но и совершил дальнейший шаг: христианской церкви было возвращено

имущество, конфискованное у нее в пору гонений. Наконец, и Ликиний издал известный уже нам Никомидийский эдикт.

Выходит, что все «гонители христианства»: Галерий, Максимин Даза, Максенций, Ликиний, все противники Константина, на головы которых обрушивают гнев и ярость церковные писатели Лактанций и Евсевий, — все они еще до Константина смирились с новой религией, прекратили гонения, разрешили строить храмы. Им — а не Константину — принадлежат первые законы в пользу христиан. Но случилось так, что в ожесточенной борьбе за власть победил Константин, а Максенций, Максимин Даза и, наконец, Ликиний потерпели поражение. И тогда христианские писатели, кормившиеся при дворе Константина, сообразили, что враги Константина — это совсем не те люди, с которыми нужно связывать признание христианской религии. Историю нужно было исправить: ведь бог всегда с тем, кто победил. Победил Константин — значит, он и был первым из римских правителей, на кого с любовью взглянул бог. Так родилась легенда о небесном знамении накануне Мильвийского боя. Как это часто бывает, победитель отрекся от своих предшественников, представил их нечестивыми злодеями и приписал себе самому то, что было сделано другими.

Евсевий, приступая к «Жизнеописанию Константина», поставил своей задачей описывать одни богоугодные подвиги только что умершего императора. Нет нужды, говорил он, излагать дела постыдные и поступки, не ведущие к улучшению нравов; книги, в которых говорится о темных деяниях, могут увлечь читателей на ложный путь — не лучше ли оставить подобные дела во мраке и забвении?

Мы, однако ж, можем позволить себе взглянуть в глаза истине и представить, что за человек был святой и равноапостольный Константин, о котором языческий писатель Виктор Младший говорил: из тридцати лет своего царствования Константин десять лет правил как отличный государь, другие десять — как грабитель, а последние десять — как распущенный глупец. Отзыв, как видите, совсем не вызывающий в памяти образ святого...

С портретов смотрит на нас недвижное и грозное лицо: плотная шея, тяжелый подбородок, массивный

нос с горбинкой, резко очерченные скулы. Маленький рот не знает усмешки, как не знают сомнений глаза под нависшими, густыми бровями. Низко на лоб спускаются густые волосы. Медленно рождались мысли за этим лбом, но раз приняв решение, Константин шел напролом — ни дружба, ни родство не останавливали его. Отец его жены, Максимиан, был найден повесившимся во дворце Константина после того, как вздумал претендовать на власть, — кто знает, может быть, справедлива молва, возлагавшая на Константина ответственность за кончину тестя. Когда Лициний, зять Константина, муж его сестры, долгое время верный союзник, порвал с Константином, был разбит и попал в плен, то по распоряжению победителя его умертвили. Вслед за Лицинием погиб насильственной смертью и его малолетний сын. Старший сын самого императора, его любимец и соправитель Крисп, отравлен по приказу отца; жена Константина, Фауста, красавица с детским лицом, — утоплена в горячей ванне. Вот он каков, тринадцатый апостол христианского бога.

ИМПЕРИЯ ИДЁТ К ДИКТАТУРЕ

Константин родился в 285 году, в тот самый год, когда Диоклетиан сделался единовластным правителем Римского государства. Это были трудные времена. Империя, недавно еще могущественнейшая, переживала тяжкие бедствия: поля запустели, ирригационные механизмы остановились, цены неудержимо рвались ввысь. Земледельцы покидали деревни, уходили в горы, скрывались в болотах, не дожидаясь, когда явятся податные сборщики с длинными бичами из воловьей кожи. За голодом следовали болезни. Народ волновался: рабы и беднота все настойчивее требовали свободы и хлеба. По всей стране бродили отряды разбойников, нападали на виллы богачей, угоняли скот, сжигали постройки. В самом Риме восстали ремесленники, бои шли на улицах.

К тому же и на границах стало неспокойно. Северные варвары, светловолосые великаны, которые носили штаны, ели мясо руками и пили хлебное вино, прорвали оборонительные рубежи; их полчища заняли

Дакию — римскую провинцию за Дунаем — и грозили овладеть землями по Дунаю и Рейну. На утлых лодчонках варвары проникли на Эгейское море, грабили греческие и малоазийские гавани. На Востоке персидские всадники в железных кольчугах переходили Евфрат, и никто не мог остановить их натиск.

Римское правительство казалось жалкой игрушкой в руках могущественных стихий: императоры сменяли друг друга чуть ли не ежегодно — один находил конец в сражении с варварами, другой умирал в собственной спальне, задушенный ненадежными телохранителями. Страна готова была распасться на части: узурпаторы поднимали голову то на Западе, то на Востоке, надевали императорские венцы, чеканили собственную монету.

Но империя не рухнула, устояла.

Чтобы подавить восстания народных масс, чтобы приостановить натиск соседей, чтобы ликвидировать экономическую разруху, господствующий класс Римской империи пошел на создание диктатуры.

Это не значит, что управление страной взяли на себя несколько самых знатных, самых богатых сенаторов. Напротив, сенаторы предпочитали жить в роскошных виллах, где сотни рабов были к их услугам: искусные повара, массажисты, портные, сапожники, переписчики, садоводы. Аристократы любили охотиться, беседовать о философских проблемах, отдыхать на модных курортах; они даже не прочь были позлословить о тех, кто возглавлял правительство, — о неучах и грубых вояках, о бывших пастухах, о выходцах из провинциальной Иллирии, едва знающих греческий язык. Но эти вояки и пастухи, выскочки, занявшие важнейшие государственные посты, защищали в первую очередь интересы сенаторов-рабовладельцев: ведь они отстаивали самое существование рабовладельческой Римской империи.

Выходцы из народа, Диоклетиан и его ближайшие помощники, создали антинародный режим, зиждившийся на безжалостной эксплуатации рабов и свободной бедноты.

Опорой власти Диоклетиана стала армия и чиновничество. Войско было увеличено вдвое и насчитывало примерно полмиллиона — по тем временам колоссальная цифра. Чиновничий аппарат также достиг огром-

ных размеров. Но правительство не доверяло ни солдатам, ни чиновникам, оно создало целую систему взаимного контроля и слежки. Провинции были раздроблены, чтобы наместники не сосредоточили в своих руках слишком много власти и не сделались опасными соперниками римского императора. Больше того: гражданское управление в провинции поручалось одному лицу, президу, а стоявшие в той же провинции войска находились в подчинении у другого лица — дукса, и оба они — и презид, и дукс — обязаны были следить друг за другом. Несколько провинций объединялось в округ, так называемый диоцез, но наместник диоцеза, викарий, не имел власти не только над дуксами, но даже и над президами провинций: они должны были следить за викарием и доносить на него, а он в свою очередь следил за ними и доносил на них.

По всей стране шныряли тайные агенты, подчиненные непосредственно центральному правительству: они вынюхивали и высматривали, не готовится ли где-нибудь возмущение, не назревает ли государственная измена.

Император при жизни объявлялся божественной персоной, живым Юпитером. В торжественном одеянии, со скипетром в руках, в окружении толпы придворных он напоминал скорее персидского царя, нежели прежнего римского правителя. Подданные должны были склоняться перед ним, отбивая земные поклоны, а на портретах голову императора окружали божественным нимбом.

Хозяйственную разруху Диоклетиан рассчитывал победить с помощью законов и распоряжений. Деятельность ремесленников и торговцев была поставлена под строжайший контроль. Император издал эдикт о ценах, где попытался раз и навсегда установить, сколько должен стоить фунт баранины и как следует платить ткачу за штуку полотна. Нарушителям эдикта о ценах грозила смертная казнь.

Правительству Диоклетиана удалось упрочить положение империи. И хотя сам он избегал командовать войсками (Лактанций даже упрекает августа в трусости), его полководцы подавили народное восстание в Галлии, восстановили власть империи в отпавшей было Британии, разгромили мятеж в Египте. Племена, жившие за Рейном и Дунаем, вновь испытали тяжелую

руку римских легионеров. Один из ближайших помощников Диоклетиана, Галерий, одержал победу иад персидским царем, захватил его гарем и казну. Границы империи были раздвинуты далеко иа восток, вплоть до Тигра.

Огромиый чиновничий аппарат и беспрерывные войиы стоили дорого. К тому же Диоклетиан нуждался в деиьгах и на содержаиие пышного двора, и на строительство дворцов. Ои воздвигал высокие здания у себя иа родине, в далматинском городке Салоне, и в Никомидии, которую избрал резидеицией. Налоговый гнет ложился прежде всего на плечи сельского иаселения: бесчисленные коитролеры ездили по стране, вымеряя поля и виноградиики, подсчитывая мелкий и крупиый скот. Каждые пять лет составлялась иовая опись и устанавливалась иовая налоговая ставка. А если земледельцы, отчаявшись, покидали родиые деревни, искали спасеиия в лесах, уходили в многолюдиые города — что ж, и в этом случае казна не должиа была терпеть ущерб: иалог за покинутые участки возлагался иа владельцев соседиих иаделов. Страна стоиала. Вместе со сборщиками податей в деревию приходили войска. Чтобы взыскать налоги, чиновники приказывали пороть земледельцев, ио это не делало последних богаче, и недоимки росли.

Нужио было все больше и больше чииовников и воинов для взимания иалогов и подавления недовольства, ио чтобы содержать растущий чиновничий аппарат и армию, приходилось все увеличивать и увеличивать поборы. А чем больше росли поборы, тем больше требовалось чииовииков и солдат для выколачивания этих поборов.

Так создавался заколдованиый круг.

Диктатура Диоклетиана, укрепив империю, принесла народным массам новые бедствия.

Чтобы удобиее было управлять государством, Диоклетиаи создал коллегию четырех императоров, два из которых носили титулы августов, а два — кесарей. Кесари считались помощииками августов. Диоклетиан был первым августом и пользовался иаивысшим авторитетом, но все законы издавались от имени четырех императоров. Как мы уже знаем, в 305 году Диоклетиаи отказался от власти, передав ее Галерию, и очеиь скоро обиаружилась иепрочность воздвигнутого им зда-

иия: империя виовь была ввергиута в водоворот смут и междоусобиых войи, победителем из которых вышел Коистаитии.

ДИКТАТУРА И РЕЛИГИОЗНЫЕ РАСПРИ

Империя призиала христиаиство в ту пору, когда формировалась беспощадная диктатура. Это произошло ие сразу: Диоклетиаи, миивший себя восстаиовителем старых традиций Римской империи, объявивший себя живым Юпитером, ие доверял христиаиству и преследовал поклоииииков Христа. Галерий к коицу жизии оказался прозорливее: ои увидел, что религиозиые споры и преследоваиия христиаи лишь ослабляют государство — ослабляют его в то время, когда цеитрализация и диктатура казались едииствеиио возможиым средством для спасеиия расшатаииого рабовладельческого строя.

И тогда Галерий согласился отиестись терпимо к упрямым привержеицам иовой религии.

Иными словами, эдикт 311 года закоиомерио вытекал из всех мероприятий Диоклетиаиа, был одиим из звеиьев в той политике цеитрализации, которую проводили римские императоры в иачале IV века. Уиичтожить христиаиство ие удалось — зиачит, надо было дать ему место в государствеииой системе, иначе религиозиая розиь грозила иарушить с таким трудом создаииый «порядок».

Вот почему эдикт 311 года был без борьбы приият во всех частях империи — и в Риме, где правил Максеиций, и иа Востоке, во владеииях Максимииа Дазы После 311 года преследоваиия христиаи практически прекращаются; христиаиские писатели, правда, стремятся создать впечатлеиие, будто терпимость Максимииа Дазы и Ликиния оказалась иедолгой, времеииой и уступила место иовым гоиеииям на христиаи. Но это — лишь прием, рассчитаииый иа то, чтоб еще больше возвеличить своего героя, Коистаитииа. Из рассказа самого Евсевия видио, что при Максимиие Дазе гоиеиия исходили ие от императора, а от городских властей и сводились преимуществеиио к насмешкам иад христиаиами, к издаиию сочииеиий, осмеивавших

Христа; дети в училищах читали эти книги и повторяли оскорбительные для христиан вымыслы.

Остается признать, что это не самая страшная форма преследований — ведь христиане тоже осмеивали языческих богов.

Да и Ликиний, по словам самого Евсевия, только «задумал было наконец воздвигнуть гонение на всех христиан», но не успел этого сделать; мероприятия Ликиния были скорее мелкими уколами, раздражавшими самолюбие христиан, нежели серьезными гонениями: он приказал, например, чтобы в христианских храмах мужчины стояли отдельно от женщин; в своей столице, в Никомидии, Ликиний запретил христианам собираться в домах внутри города, но зато отвел им для собраний открытое поле, ибо, говорил он, многолюдному сборищу нужен чистый воздух. Если репрессии Ликиния коснулись отдельных христиан (заподозренных к тому же в сочувствии Константину) или отдельных христианских общин, то нельзя забывать, что отдельных христиан и отдельные общины карал подчас и сам покровитель Евсевия император Константин.

Некоторое время спустя, после поражения Ликиния, церковные деятели разбирали вопрос о тех, кто в правление этого императора оставил христианство и возвратился к язычеству. И хотя их сочли людьми «отступившими от веры не по принуждению, не по причине лишения имущества, без всякой опасности и тому подобных поводов», все-таки церковь решила оказать им снисхождение. Нужно ли лучшее доказательство того, что так называемых Ликиниевых гонений по сути дела не было, что христианам под его властью не угрожало ни лишение имущества, ни принуждение, ни опасности!

Примирение государства с христианством не явилось внезапным переворотом, плодом божественного просветления: Константин в отношении христиан продолжал ту политическую линию, которую наметили уже Галерий, Максенций, Максимин Даза и Ликиний. Признание христианства было вызвано стремлением сплотить все силы господствующего класса, терпимость к новой религии оказывалась одним из элементов создания новых форм государства — откровенной диктатуры класса рабовладельцев.

ЯЗЫЧНИК ВО ГЛАВЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Если следовать Евсевию, поневоле придешь к выводу, что Константин не только стал христианином, но и превратил христианство в господствующую, государственную церковь. В «Жизнеописании Константина» мы можем прочитать о том, что император преследовал язычников, уничтожал храмы и статуи языческих богов и даже сочинял христианские проповеди. Но нет ли преувеличения в словах Евсевия, не принимает ли он желаемое за действительное?

В IV столетии жило немало писателей, сохранивших верность отеческой религии, не принявших христианство, — и ни один из них не порицал религиозную политику Константина. Афинянин Праксагор прославил этого императора, называя его великим, а историк Евтропий даже утверждал, что Константин заслуживает быть причисленным к лику бессмертных.

Как не вспомнить в этой связи рассказ христианского историка IV века Филострогия о том, что после смерти Константина его статуе оказывали божеские почести: ей приносили жертвы, к ней обращались с молитвами. Неужели язычники просто-напросто не заметили события такой важности, как превращение христианства в государственную религию, а отеческой веры — в гонимую?

Нет, вопреки Евсевию, Константин не порвал с язычеством. На его монетах и после 313 года продолжали чеканить языческие символы, изображения старых божеств: Юпитера, Марса, Геркулеса, Солнца — тогда как христианские символы на них не встречаются. Правда, однажды на одном из монетных дворов империи попытались выпустить мелкие медные монеты с изображением Константина в шлеме, на котором можно рассмотреть монограмму имени Христа — X и P, но чеканка этих монет была тут же прекращена: видимо, в более высоких сферах подобное изображение сочли неуместным.

Константин продолжал оставаться языческим жрецом — великим понтификом (это значит буквально «строитель мостов»). Он не только не разрушал языческих храмов, но и сам строил новые, и даже приказал воздвигнуть в Умбрии (в Италии) святилище в

честь того рода Флавиев, к которому он сам принадлежал.

Только в начале V века, когда христианство действительно стало господствующей религией, один из последних языческих историков Зосим с нескрываемой злобой обрушился на религиозную политику Константина, высмеивая его приверженность к новой религии. Впрочем, и по словам Зосима, лишь после 326 года император окончательно склонился к христианству. Непосредственной причиной этого, утверждает Зосим, явились муки совести, терзавшие Константина после беспощадной расправы с Криспом и Фаустой; языческие философы и жрецы не находили средств, чтобы утешить государя, — христианство же обещало ему прощение грехов.

В 337 году, накануне смерти, измотанный неизлечимой болезнью, он согласился креститься и, облаченный в белые одежды, скончался вскоре после крещения. Живший в V веке церковный историк Феодорит Киррский с неодобрением отзывался об этой медлительности Константина. Кстати сказать, благочестивый Евсевий и в рассказе о кончине Константина остается верным себе: он не замечает, что смерть его героя была не менее мучительной, нежели кончина «нечестивцев» — Галерия и Максимина Дазы!

Итак, поддерживая римских, греческих, иудейских жрецов, Константин вместе с тем искал союза с христианами. Он приблизил к себе многих из них; он постоянно советовался с Евсевием, а Лактанций стал воспитателем его сына. Император раздавал привилегии христианским священникам, уравняв их в правах с языческими жрецами; церкви приобретали земли и движимое имущество, свободу от многих налогов, право получать завещания. Под страхом сожжения на костре император запретил преследовать тех, кто принимал христианство.

Но было бы неверно думать, что в своих отношениях с христианской церковью империя была той стороной, которая только давала, ничего не беря взамен. Константин видел в церкви сильную организацию, способную служить интересам империи. Деспотически управляя государством, он энергично вмешивался и в церковную жизнь. Он называл себя «епископом внешних дел церкви», и, еще не приняв христианства, ру-

ководил церковными съездами и выносил решения по богословским спорам. Он стремился сохранить единство церковных рядов и отправлял в ссылку тех епископов и священников, которые нарушали это единство.

Евсевий старается представить Константина последовательным приверженцем новой религии. «Жизнеописание Константина» сопровождается речью «К обществу святых», будто бы написанной императором, — настоящей проповедью, откровенным прославлением христианства. Однако неискусное нагромождение цитат и нестройное изложение мыслей в этой проповеди настолько резко отличает ее от подлинных речей и писем Константина, что ученые давно уже оценили ее как фальшивку. Нет, Константин не сочинял проповедей и до последних дней не относился к христианству как к единственной, истинной или лучшей религии.

Истинный преемник Диоклетиана, Константин важнейшей своей задачей считал упрочение Римского государства. Еще больше войск, еще больше чиновников, еще пышнее двор, еще выше императорский авторитет — вот чего он добивался. Все группировки господствующего класса должны объединиться вокруг августа, все споры и пререкания — прекратиться. Христианство — могущественная сила, оно пользуется огромным и все возрастающим влиянием, значит, надо привлечь его на свою сторону, вступить с ним в союз, объединиться.

В Риме недавно была раскопана построенная при Константине усыпальница знатного рода Юлиев, украшенная изображениями на сюжеты христианских преданий. Над всеми этими изображениями господствует мозаика: по краям вьется пышная виноградная лоза; ее ветви и листья, сплетаясь, оставляют в центре свободное восьмиугольное поле, а в этом восьмиугольнике на колеснице Гелиоса, солнечного бога, стоит Христос. Христос-Гелиос, языческое солнечное божество, слившееся с христианским богом, — это символ религиозной политики Константина. Единение — таков был его лозунг.

После победы над Лицинием в 324 году Константин издал два эдикта. Один был обращен к христианам и гарантировал им восстановление справедливости: освобождение сосланных в рудники, возвращение имущества, чинов и должностей. Другой эдикт, адре-

соваиный язычникам, обещал им полиую терпимость и равиоправие. Словио Христос-Гелиос нз усыпальиицы Юлиев, Коистаитин запрягал в свою колесицу и язычество н христиаиство.

КОНСТАНТИН ЗАЩИЩАЕТ ПАДШИХ

Но те привилегии, которые он раздавал, касались в первую очередь знатиых и влиятельиых лиц: имеиио их волиовало восстановлеиие в чинах, возвращеиие конфисковаииых вилл и городских домов. К иародиым массам, иезависимо от того, выступали ли оии под языческими или христианскими лозуигами, правительство Константииа ие склоиио было проявлять терпимость.

Острые схватки разгорелись в Севериой Африке, когда епископом Карфагеиа был выбраи Цецилиаи. Подумать только, епископом крупиейшего африканского города стал человек, ие проявивший стойкости во время гонеиий иа христиаи и послушио выдававший чииовиикам Диоклетиана богословские книги на сожжеиие. Его противиики ие призиали Цецилиаиа и выбрали другого епископа, Доиата. Коистаитин первоиачальио ие придал этому спору серьезиого значеиия, полагая, что просто два честолюбивых человека ие могут поделить епископской должиости. Надо было, одиако ж, успокоить страсти, н он поручил галльским епископам и главе римской христиаиской общииы разобраться в карфагеиском коифликте. Расследователи высказались в пользу Цецилиана — и ие удивительно: ведь во время гоиеиий имеиио богатые христиане, владельцы вилл и рабов, мастерских и кораблей, люди, заиимавшие посты в армин и государствеиიом аппарате, чаще всего сказывались нестойкими: оии боялись конфискаций и увольиеиий и предпочитали пожертвовать верой, а ие положеиием. После эдикта Галерия миогие из иих возвратились в лоио церкви, но встречеиы были здесь с иедоверием широкими слоями верующих из бедноты и рабов. Их иазывали с пренебрежеиием — «падшие».

Галльские епископы, высказавшись за Цецилиаиа, высказались по сути дела за «падших» н, следователь-

но, против требований демократических слоев христианской общины; Константин своим авторитетом поддержал решение епископов. Он обратился с посланием к Цецилиану, дал ему большие деньги, а противников его называл еретиками и лишал привилегий. Но Донат и его последователи не подчинились императорской воле. «Что общего у императора с церковью?» — дерзко спрашивали донатисты. Они готовы были снова перенести гонения — на этот раз от покровителя христиан Константина.

Дело дошло до рукопашной. Когда донатисты заняли несколько карфагенских церквей, Цецилиан обратился к наместнику Африки, и на помощь епископу пришли солдаты. По иронии судьбы воины-язычники отстаивали постановления галльских епископов и интересы Цецилиана. Они ворвались в церкви и стали выгонять оттуда донатистов. Под сводами церквей раздалась брань, засвистели стрелы...

Расправа в Карфагене вызвала возмущение во всей Северной Африке. Чем дальше, тем отчетливее проявлялся народный характер движения. Рабы из африканских поместий и сельская беднота подняли настоящее восстание: создавались вооруженные отряды, там и сям горели виллы рабовладельцев. Повстанцы нападали на богачей на дорогах, выпрягали мулов из повозок и под громкий смех заставляли кичливых аристократов тащить собственные экипажи.

Нетрудно представить себе возмущение Константина! В письме, адресованном викарию Африки Цельсу, Константин писал в начале 316 года, что он сам явится в Карфаген, чтобы «устранить заблуждения и глупости и установить во всем мире истинную религию». Впрочем, война с Лицинием помешала императору выполнить свою угрозу, но послушные власти, руководствуясь приказом, старательно принялись насаждать «истинную религию»: вожди донатистов были схвачены и отправлены в ссылку, церкви переданы сторонникам Цецилиана, войска хозяйничали в деревнях. Расправа Константина с донатистами превзошла по суровости гонения на христиан Лициния или Максимина Дазы, но напрасно мы бы стали искать у Евсевия хоть слово осуждения. Пять лет продолжались преследования, и только в 321 году Константин положил им конец.

РАЗОБЛАЧЁННАЯ ЛЕГЕНДА

Теперь нам ясно, что не божественное откровение, а трезвая политика привела к признанию христианства Римской империей, к отказу от политики гонений. Не было креста на небе накануне Мильвийской битвы — было зато стремление римских императоров вступить в союз с христианской церковью.

Рассматривая шаг за шагом историю признания христианства равноправной религией, мы с вами могли убедиться, как искажалась истинная картина событий под пером церковных историков. Искажения эти — не случайные ошибки и обмолвки, они подчинены одной задаче, одной ясной цели. Церковные историки стремились как можно выше вознести Константина и как можно больше унизить его предшественников. Сколько черной краски вылито ими на Галерия, Максенция, Ликиния, Максимина Дазу, но ведь на самом-то деле эти правители сыграли немалую роль в признании христианства. Константин был победителем — вот почему выбор Лактанция и Евсевия пал на Константина, вот почему осмеян и отвергнут был Галерий, автор первого эдикта о терпимости, а Константин превращен в святого и равноапостольного. В изображении церковных историков он оказывается сыном благочестивых родителей, он никогда не участвует в гонениях, он обращает взоры к христианскому богу, ему открывается видение на небе, он идет в бой с христианской хоругвью в руках, он издает Миланский эдикт о веротерпимости, он сам проповедует новую религию — легенда на легенде, выдумка на выдумке!

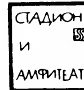
Конечно, Константин много сделал для признания христианства, но, во-первых, он был в этом деле продолжателем Галерия, а во-вторых, он до самой своей кончины оставался лишь политическим союзником христиан, не порывая окончательно с отцовской религией. Да и каких христиан — уже во всяком случае не демократически настроенных донатистов!

Эдикт Галерия от 311 года ознаменовал поворотный момент в истории христианства: на какое-то время новая религия сделалась одной из равноправных религий Римской империи.

Эдикт Галерия запретил преследования христиан. Если мы обратимся к «Церковной истории» Евсевия, то найдем там самое подробное описание бедствий, которые испытали христиане на протяжении трех столетий: от мученической кончины самого Христа и его учеников вплоть до гонений на христиан при Диоклетиане. Это тоже очень благочестивая повесть: действительно, гонимые могущественными императорами, то выдаваемые на казнь, то ссылаемые на каторгу, осмеиваемые, презираемые, христиане держались триста лет, терпели, проповедовали свою веру — и победили. Кто не удивится силе и мужеству новой религии!

Но мы уже знаем Евсевия. Мы видели, что для него благочестие выше истины и история — лишь творимая легенда. И вот мы должны спросить себя: а правда ли все то, что он и другие церковные писатели рассказали о христианских мучениках и о языческих гонителях первых трех веков нашей эры?

ГЛАВА II
НА РАСТЕРЗА-
НИЕ ЛЬВАМ



Необозримы были просторы Римской империи. И повсюду — в Британии и в Галлии, в Малой Азии и в Сирии, на Дунае и близ африканских песков — возникали римские города: две главные улицы, пересекающиеся под прямым углом, особняки богачей с мозаичными полами, храмы в честь отеческих богов и в честь императора, общественные бани, служившие настоящими клубами. И почти в каждом городе, большом или маленьком,— амфитеатр или стадион, куда в праздничные дни ранним утром, еще затемно, собирались толпы народа, жаждавшие увеселений и зрелищ.

Места для зрителей располагались на склонах холма: внизу — украшенные надписями мраморные кресла для почетных граждан, выше — деревянные скамьи для простого народа. Люди сидели здесь целый день, подложив набитые мочалой подушки, в жару надевали широкополые шляпы, в дождь закутывались в грубые плащи. Они забывали о жаре, о дожде, о голоде, когда начинались представления.

На стадионе можно было видеть бег колесниц. Когда распорядитель праздника бросал с балкона белый платок, одновременно раскрывалось несколько сводчатых ворот и колесницы вылетали на арену. Они были окрашены в разные цвета: белый, красный, голубой или зеленый. Возница в короткой рубашке без рукавов, в шлеме, закрывающем лоб и щеки, с бичом в руке гнал четверку коней по дорожке вокруг стадиона, а толпа кричала, махала платками, подбадривала своих любимцев.

В амфитеатре устраивались гладиаторские бои. Гладиаторами были обычно рабы или осужденные на казнь преступники, но иной раз и добровольцы из числа свободных граждан записывались в гладиаторскую школу. Опасная профессия сулила верный кусок хлеба, а нередко и славу: имена опытных бойцов, как и имена умелых возниц, были у всех на устах; им делали дорогие подарки, поэты писали о них стихи, их портреты можно было видеть на кувшинах и светильниках. Гладиаторов презирали — и вместе с тем восхищались их мужеством, их искусством.

Но сильнее презрения и восхищения был страх перед гладиаторами: рабы, опытные воины, люди, для которых убивать стало профессией, они могли восстать в любой момент и могли увлечь за собой тысячи сельских и городских невольников. Поэтому гладиаторов содержали в заточении, под охраной войск, и до самого выступления не давали им настоящего оружия. Непокорных заковывали в цепи, бросали в карцер, жгли раскаленным железом. Когда же приближался день сражения, на стенах домов специальные писцы краской писали имена бойцов и число выигранных ими боев, а для гладиаторов устраивали прощальный обед: они сидели за праздничным столом, уставленным дорогими яствами, а завтра им приходилось убивать друг друга...

Гладиаторские игры начинались парадным шествием, затем трубы и рожки подавали сигналы к бою. Пара за парой выступали гладиаторы: одни на колесницах, другие в пешем бою, одни с короткими кинжалами, другие с кривыми мечами. Раненый, отбросив щит, молил о пощаде, но если зрителям он показался трусом, со скамей раздавались крики: «Бей, секи, жги его!». Плетьми и раскаленным железом прислужники понуждали сражаться тех, кто сам шел недостаточно охотно.

Римские власти старались угодить зрителям, увеличивая число бойцов или придумывая всевозможные нововведения: то на арену выпускали женщин или карликов, то устраивали битву ночью, чтобы мечи бросали мрачный отблеск при свете факелов. Иной раз вместо гладиаторских боев показывали травлю диких зверей или бой человека со зверем.

Какие только звери не появлялись на арене римского амфитеатра! Львы, пантеры, медведи, слоны, даже носороги и крокодилы должны были развлекать римлян, жаждущих острых ощущений. Сперва укротители выводили дрессированных животных: быки ходили на задних ногах или неподвижно сидели в повозке, влекомой быстро бегущими лошадьми; львы ловили зайцев и, подержав их немного в зубах, выпускали, чтобы снова ловить; слоны играли на кимвалах, леопарды ходили под ярмом. Потом показывали бой животных, натравливая носорога на слона или медведя на быка; ловкие охотники травили зверей собаками.

Иногда в амфитеатре появлялись приговоренные к

смерти преступники. Безоружных людей привязывали к столбам, чтобы зрителям лучше было видно, как их станут пожирать специально приученные к человеческому мясу хищники. Подчас приговоренным давали оружие — они погибали, сопротивляясь, и их муки были более длительными. Жестокая казнь обставлялась пышными декорациями: преступник всходил на высокий помост, который внезапно распадался, и человек падал в клетку к диким зверям. Чтобы зрителям было интереснее, несчастных одевали в пышные платья, закутывали в звериные шкуры...

Кровавое веселье рабовладельческого мира, привыкшего к убийствам и страданиям. Удовольствие состояло в том, чтобы видеть, как колесницы налетали друг на друга и опрокидывались, как обезумевшие кони волочили через весь стадион поверженного возницу, как умирали на арене гладиаторы, как львы пожирали людей. Но эта книга — не о жестокости рабовладельческого мира. И если мы пришли на стадион и в амфитеатр, то не для того, чтобы задаваться вопросом, как возникли и зачем нужны были рабовладельцам такие жестокие и дорого стоящие зрелища. Нас привел на арену интерес к истории христианства.

ТРИ СТОЛЕТИЯ НЕПРЕРЫВНЫХ ГОНЕНИЙ!

Согласно христианскому преданию, подробно изложенному в «Церковной истории» Евсевия, первые три столетия нашей эры — это время непрерывных гонений на христиан. Стариков и детей, мужчин и женщин римские власти, оказывается, выводили на стадион и в амфитеатр на потеху разъяренной толпе и требовали отречения от христианской веры. Тем, кто упорствовал, грозила смерть: их отдавали на растерзание зверям, а если лев по воле божьей не трогал праведника и, лишь обнюхав его, отходил в сторону, — тем хуже, христианина сжигали заживо.

Читатели не поверят, что столь жестокая казнь могла ждать человека за одно то, что он был христианином? Евсевий приводит документы, подлинные свидетельства очевидцев. Вот два из них: письмо Смирнской церкви о мученической кончине епископа Поли-

карпа и письмо церквей Лугдунской и Виенской о массовой расправе над галльскими христианами.

Послание Смирнской церкви переносит нас во времена римского императора Марка Аврелия (161—180), полководца и философа, проповедовавшего терпимость к людям. Но какие суровые преследования обрушились в ту пору на христиан Смирны! «Изумлялись, говорят, стоявшие вокруг зрители, видя, как мученики рассекаемы были бичами до самых глубоких жил и артерий, так что уже открывались взору внутренности... Под них подстилали морские раковины и острые ракушки, их предавали всем родам пыток и мучений, отдавая под конец зверям на съедение». Особенно прославился тогда юноша Германик; сколько ни убеждал его римский наместник одуматься, отказаться от христианства, вернуться к отеческой религии, Германик пренебрег словами наместника и сам кинулся в пасть зверя.

Толпа, собравшаяся на стадионе, не насытилась, однако, зрелищем этой расправы. Повсюду слышался крик: «Взять безбожников, искать Поликарпа!». Слуги наместника кинулись искать Поликарпа.

В поисках Поликарпа

Поликарп был епископом, главой Смирнской церковной общины. По словам Евсевия, его поставили на этот пост ученики самого Христа. Видный церковный деятель, Поликарп пользовался уважением далеко за пределами своей церкви и даже ездил в Рим, чтобы проповедовать там слово божье. Еще бы! Ведь он знал о Христе почти из первых рук, от современников и слушателей основателя новой религии.

Поликарп, повествуется далее в послании Смирнской церкви, не собирался бежать из города, но друзья убедили его удалиться сперва в одну деревню, затем, когда пребывание там сделалось небезопасным, — в другую. Скрываясь на чердаке, почтенный старец проводил все дни в молитвах. Он просил бога даровать церкви мир. Однажды Поликарп увидел сон: ему приснилось, что изголовье его ложа внезапно было охвачено пламенем и сгорело. Пробудившись, он рас-

сказал окружающим о сновидении и раскрыл им тайный смысл увиденного: вещий сон сулил ему смерть от огня.

Слуги наместника тем временем не зевали. Они обшарили окрестные селения и, наконец, явились туда, где скрывался епископ. Они схватили какого-то мальчугана, выпороли его, и тот под розгами открыл, в каком доме нашел убежище Поликарп. Еще было время бежать, но старик отказался. «Да будет воля господня!» — смиренно воскликнул тот, кто еще недавно дважды пытался уйти от господней воли. Он отдался в руки преследователей.

Поликарп распорядился накрыть стол и обильно угостить сыщиков, а сам попросил разрешения помолиться. «Встал он и молился, и столько исполнился благодати господней, что присутствующие, внимая его молитве, были поражены, а многие из них начали уже раскаиваться, что готовили смерть такому почтенному и богоугодному старцу».

Но хоть они и раскаивались, однако посадили Поликарпа на осла и повезли в город. «Это происходило, — отмечает автор послания, — в великую субботу», то есть накануне пасхи. Запомним это обстоятельство, нам еще придется к нему возвращаться.

По пути подъехал к Поликарпу иринарх Ирод со своим отцом Никитой (иринарх — это чиновник, ведавший общественным порядком: его обязанность состояла в том, чтобы брать под стражу лиц, заподозренных в подготовке восстания). Ирод пригласил Поликарпа в свою коляску и принялся уговаривать его отречься от христианства. «Ну, разве есть что-нибудь дурное, — говорил он старцу, — в том, чтобы прославить императора как бога и принести жертву в его честь?» Но как раз это-то и отказывались делать христиане, и понятно, что Поликарп, некоторое время сидевший молча, вдруг сказал: «Не буду делать того, что вы мне советуете».

Разгневанный Ирод разразился бранью и вытолкнул епископа из коляски; столетний старик (а Поликарпу вряд ли могло быть много меньше ста лет, если его поставили епископом ученики Христа) упал, повредил себе голень, но как ни в чем не бывало быстро зашагал вперед и скоро достиг стадиона.

Стадион был уже полон. Толпа шумела в пред-

вкушении интересного зрелища. У входов, как обычно, шла бойкая торговля. Зрители толкались, судачили, выставляли напоказ новые платья.

Огонь несжигающий и костёр, потушенный кровью

Едва только Поликарп появился на стадионе, как с неба раздался глас: «Крепись, Поликарп, и мужайся!» Автор послания прибавляет при этом: «Сказавшего никто не видел, а голос слышали многие из наших». «Из наших» — это значит из христиан, язычники уж, конечно, не услышали голоса с неба. Видимо, нужно было крепко верить, чтобы разобрать в шуме и гомоне волнующейся толпы ободряющий возглас бога.

К Поликарпу подошел сам римский наместник (имя его здесь не названо — хотя автор послания знает имя не только мелкого полицейского чиновника-иринарха, но и его отца) и принялся увещевать епископа. «Постыдись своих седин, — говорил наместник, — поклянись счастьем императора, скажи: «Смерть безбожникам!». Престарелый епископ, ожидавший скорой и суровой расправы, несмотря на всю серьезность момента, не удержался от шутки. Он посмотрел на толпу, занимавшую скамьи стадиона, погрозил ей кулаком и воскликнул: «Смерть безбожникам!» «Хули Христа», — настаивал наместник, но Поликарп возразил: «Вот уже 86 лет я служу ему, и он ничем не обидел меня; да и как мне хулить своего царя, который спас меня?»

Так они препирались. Наместник грозил Поликарпу то дикими зверями, то костром, но не смутил старца, готового принять смерть. И вот, потеряв терпение, наместник посылает глашатая трижды возгласить на стадионе, что Поликарп признал себя христианином. Толпа была вне себя от ярости и кричала: «Он — учитель Азии, отец христиан, истребитель наших богов; он многих научил не приносить жертв и не поклоняться богам!». Так кричали в толпе и требовали, чтобы на Поликарпа выпустили льва.

Но Филипп, ведавший зрелищами чиновник, заявил, что он не может выпустить льва, потому что бой со зверями уже был показан. Наверное, Филипп не рас-

слышал, как еще совсем недавно сам наместник грозил Поликарпу зверями. Или, может быть, толпа не заметила, что бой со львами закончился? Впрочем, не лучше ли предположить, что Филипп уже знал о сне Поликарпа, предвещавшем епископу смерть от огня?

Как бы то ни было, после разъяснений Филиппа народ единодушно завопил: «Сжечь Поликарпа живым!». И автор послания благочестиво добавляет: «Ибо надлежало исполниться его видению об изголовье, которое во время молитвы видел он горящим; тогда, обратившись к бывшим с ним верным, пророчески сказал: «Мне суждено быть сожженным живому». Правда, мы еще не забыли, что Поликарп видел горящее изголовье не во время молитвы, а во сне, но не станем останавливаться на мелких противоречиях в послании.

Итак, народ требовал сжечь Поликарпа, и многие тут же бросились в бани и мастерские, чтобы принести дрова и хворост для костра. А епископ, не дрогнув, сбросил свои одежды и облачился в грубую рубаху, пропитанную смолой, — специальное одеяние для тех, кто обречен сгореть заживо.

Вот он произнес молитву, служители поднесли огонь, вспыхнул и затрещал хворост — и тут случилось чудо, которое «наши», увидев, «пересказали другим, будучи для того сохранены сами». Мы снова предоставим говорить автору послания: «Огонь принял форму шатра и, подобно корабельному парусу, надутому ветром, окружил тело мученика, так что, находясь в середине, оно казалось не плотью сожигаемой, а золотом и серебром, расплавляемым в горниле. При этом мы ощущали такое благоухание, будто курился ладан или какой-то иной драгоценный аромат».

Дивное чудо! Если бы лев, отвернувшись от тощего старика, ушел в другой конец арены и лег, махая хвостом, на песок — это ни в какое сравнение не пошло бы с чудом на стадионе в Смирне. Подумать только: в рубахе, пропитанной горючим составом, привязанный к деревянному столбу, полузасыпанный хворостом и дровами, Поликарп не горел, а пламя, словно сводом, окружало его.

Остается только удивляться, как наместник и его слуги не испугались столь явного божественного знамения и не поспешили отвязать Поликарпа. Они, од-

иако, закореиелые в беззакоини и безбожии людн, распорядились заколоть старца, которого не брал огонь. Один из прислужников воизнл в иего меч — и тут случнлось иовое чудо: кровь, обильиой струей хлыиув из раны, затушнла костер.

Затем, чтобы тело Поликарпа ие досталось его почитателям, труп предали огию. Но когда пламя догорело, христнаие «собрали его кости — сокровище драгоценнее дорогих камией и чнще золота — и положили их, где следовало».

«Вот обстоятельства смерти блажеиного Полнкарпа, пострадавшего в Смирие с двеиадцатью жителями города Филадельфин, — так завершает свой рассказ автор послания. — Из всех них он одии особеиио живет в памяти даже язычииков, которые везде говорят о нем».

СОВРЕМЕННИК, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ СОВРЕМЕННИКОМ

Какой благочестивый, какой трогательиый рассказ! Как назидательио обрисоваиа и стойкость столетнего старца, и чудотворное всемогущество господа: голос, раздающийся с иебес, огонь, щадящнй святого, кровь из раны, заливающая огромиый костер, — кто бы мог поверить в такне чудеса, если бы очевидцы не засвидетельствовалн их документально..

Но действительио ли перед намн подлниный документ, посланне Смирнской церквн, напнсаиое современииками по горячим следам событий? Давайте еще раз обратнмся к заключительиым словам рассказа о мученнчестве Полнкарпа: «Из всех них (то есть из пострадавших вместе с иим христиан) он однн особеиио живет в памяти даже язычииков, которые везде говорят о нем». Можио ли было написать такне слова сразу же после казин Поликарпа? Конечио иет — зато оии были бы естествеииы в сочннении, которое появилось длительное время спустя, когда память о пострадавших в Смирне стала уже забываться н только об одном Поликарпе еще продолжали говорнть.

И в самом деле, в послании Смнрнской церкви встречаются такне слова и выражения, которые никак ие моглн быть написаны во II веке, в правленне Марка

Аврелия. Несколько раз, например, автор послания говорит о кафолической, то есть весь мир охватывающей, вселенской церкви, но во II веке христианство еще не осознало себя вселенской церковью и термина этого не употребляло: он появляется впервые лишь в III веке.

Далее, вы помните, что после сожжения Поликарпа — так повествуется в послании — христиане положили его кости «где следовало». В этой связи автор послания добавляет: «Туда, как только можно будет, мы станем собираться с веселием и радостью — и господь соизволит нам праздновать день его мученического рождения (здесь имеется в виду «рождение для вечности», то есть кончина Поликарпа), как в память уже совершивших свой подвиг, так и в научение и утверждение будущих подвижников». Иначе говоря, автор послания определенным образом свидетельствует о существовании в его время обычая собираться на могиле мученика и торжественно отмечать его кончину. Но по этому поводу мы опять-таки должны сказать, что такого обычая при Марке Аврелии еще не было: он появляется лишь в III столетии.

Если мы допустим, что послание действительно сочинено в III веке, то многое сразу же станет ясным: и почему автор послания не знает, где именно положены кости Поликарпа (он говорит лишь: «где следовало»), и почему память о других мучениках уже забылась, и почему в послании допущены различные неточности и противоречия — помните, например, наместник грозит выпустить на Поликарпа зверей, тогда как некоторое время спустя оказывается, что зверей уже нельзя выпустить, травля зверей кончилась...

Значит, так называемое послание Смирнской церкви — не подлинный документ, составленный современниками, не отчет о мученической кончине епископа Поликарпа, а написанное уже в III веке литературное сочинение.

Для того чтобы этому литературному памятнику придать бо́льшую убедительность, автор облек его в форму документа — послания. Он снабдил свое сочинение и обращением, с которого всегда начинались письма тех лет («Церковь божия в Смирне церкви Филомелийской и всем повсюду святым и кафолическим церквам»), и датировкой. О том, что термин «кафоли-

ческий» не мог быть употреблен во II веке, мы уже знаем; что касается датировки, то она, оказывается, способна лишь внушить новые подозрения в подлинности послания.

Из датировки следует, что Поликарп пострадал при наместнике Стации Квадрате во 2-й день месяца ксанфика, в великую субботу. Между тем существование римского наместника Стация Квадрата никакими памятниками того времени не засвидетельствовано, впрочем, гораздо важнее другое обстоятельство. Ксанфик — месяц так называемого македонского календаря, который широко применялся в Малой Азии во II и III веках н. э; он начинался 21 февраля. Великая суббота (канун пасхи) приходилась, следовательно, в тот год на 22 февраля. Пасха — подвижный христианский праздник: ее справляют в весенние месяцы, то в апреле, то в марте, но она никогда не может прийтись на 23 февраля. Стало быть, Поликарп мог пострадать либо 22 февраля, либо в канун пасхи... Так когда же?

Если послание Смирнской церкви не документ, а литературный памятник III столетия, то возникает вопрос — откуда же его автор почерпнул те эпизоды, которые он так красочно рисует? Кое-какие, по-видимому, были просто продиктованы благочестивой фантазией, другие поразительным и подозрительным образом напоминают предания о Христе. Как и Христос, Поликарп едет на осле. При появлении старца на стадионе раздается голос с неба, как и при крещении Христа. В послании толпа шумно требует казни Поликарпа — подобно тому, как это рассказывается о Христе. Иринарх, полицейский чиновник, вытолкнувший Поликарпа из коляски, носит имя Ирода, а Ирод — мучитель и гонитель, о котором идет речь в истории Христа.

ГАЛЛЬСКИЕ СОБРАТЬЯ ПОЛИКАРПА

По красочности описания рассказу о мученичестве старца Поликарпа не уступает другое сохраненное Евсевием «свидетельство» — послание Лугдунской и Вьенской церквей.

Как и Смирнское послание, оно начинается обращением: «Рабы Христовы, жители Виенны и Лугдуна в

Галлии, — братьям в Азии и Фригии, имеющим одинаковую с нами веру». Евсевий по этому поводу замечает, что Лугдун и Виенна — знаменитейшие церкви Галлии, расположенные на реке Роне. Трудно удержаться от того, чтобы не возразить сразу же, что во II веке в Галлии существовала только одна церковная община — Лугдунская, а Виенская появилась позднее. Впрочем, после того, что мы узнали о мученичестве Поликарпа, такие ошибки нас не удивляют.

Согласно посланию галльских церквей, и здесь в правление Марка Аврелия начались гонения на христиан. Им запрещалось пользоваться общественными банями, появляться на площадях, но христиане мужественно перенесли поношения толпы и, будучи схвачены властями, не отреклись от своей веры, за что их тут же бросили в тюрьму. Каких только обвинений не возводили на христиан, каких только мучений они не испытали! Слабая и хрупкая женщина, Бландина, рабыня по своему происхождению, подвергалась пыткам с утра до вечера, так что сами палачи обессилели: тело ее было истерзано и исколото, а она все твердила: «Я христианка, ничего дурного мы не совершаем». Был подвергнут пыткам и побоям девяностолетний старец Потин, епископ Лугдунский: когда его, избитого и израненного, отнесли после допроса в темницу, он через два дня скончался.

Но вот настал день казни. Бландину и ее единоверцев вывели в амфитеатр: их бичевали, прижигали раскаленным железом, на них спускали зверей, однако мученики не отреклись от христианства. Бландина была отдана на съедение зверям; когда же ни один хищник не прикоснулся к мученице, ее вновь заключили в темницу. Другого мученика, Аттала, «обвели кругом по амфитеатру, неся перед ним дощечку, на которой было написано по-латыни: «Это Аттал-христианин». Толпа требовала его казни, но наместник, узнав (только теперь узнал он столь важную вещь!), что Аттал — римский гражданин, не решился выдать его зверям, а написал императору, спрашивая, как поступить. Некоторое время спустя пришло из императорской канцелярии предписание христиан казнить, а тех, кто отречется, отпустить на свободу. В соответствии с приказом наместник снова устроил судилище с театральной пышностью, на потеху шумящей толпе: тех

христиан, которые оказались римскими гражданами, он обезглавил, а остальных приказал бросить на съедение диким зверям. Был выведен в амфитеатр и Аттал, хотя он пользовался правами римского гражданина; его положили на железную скамью и принялись раскалять ее, так что тело его горело, но Аттал все же нашел в себе силы сказать по-латыни, обращаясь к толпе: «То, что вы с нами делаете, это людоедство, а мы, христиане, людей не едим и никакого зла не совершаем». Погибла, наконец, и Бландина: ее опутали сетью и бросили разъяренному быку.

Мучители издевались даже над телами погибших, не выдавая их на погребение; после шести дней поругания трупы были сожжены и пепел брошен в Рону.

Новые чудеса — новые сомнения

Как и Смирнское послание, письмо галльских церквей изобилует нелепостями и противоречиями. Наместник, видимо, не знал, что по римским законам римский гражданин не мог быть отдан на растерзание зверям, иначе зачем же он обращался к императору за разъяснением, как ему поступить с Атталом. Император, в свою очередь ничего не поняв из его письма, на вопрос о том, как быть с римскими гражданами, отвечает совершенно невпопад: «Христиан казнить, а отрекшихся от христианства — освободить». Палачи почему-то совершили над трупами мучеников почетный по римским обычаям обряд: их сожгли, пепел собрали и бросили в чистую речную стихию: такие действия над людьми, оскорбившими римскую религию, считались бы с точки зрения римлян кощунством.

Несколько раз на протяжении послания автор подчеркивает, что мученики обращались к толпе на латинском языке. Зачем нужно было уделять этому естественному обстоятельству особое внимание? Латинский язык — официальный язык Римской империи, во всяком случае — ее западной половины, и в городах Галлии все говорили по-латыни. Зато в восточной половине империи преобладал греческий язык и, кстати сказать, послание галльских церквей написано по-гречески. Конечно, человек, живущий далеко от Лугдуна и Виен-

ны, в городе, где объясняются по-гречески, вполне мог подчеркнуть, что мученик Аттал, поджариваемый на железной скамье, произносил латинские слова, что дощечка, которую несли перед ним, содержала латинскую надпись.

Не значит ли это, что послание галльских церквей не только не было написано очевидцем, но вообще появилось на свет далеко от долины Роны — там, где говорили и писали преимущественно по-гречески, скорее всего в Малой Азии?

К тому же послание галльских церквей во многом напоминает послание Смирнской церкви: и там, и здесь суд творит наместник в угоду озверевшей толпе, и там, и здесь язычники отказываются выдать тела убитых. Даже отдельные выражения часто повторяются в обоих письмах.

Весьма вероятно, что документы, приведенные у Евсевия, не подлинные: ни Смирнская, ни галльские церкви в конце II века не отправляли посланий с описанием мученичеств — много позднее, в III столетии, появились эти литературные памятники, где подвиги христианских мучеников уже обросли невероятными чудесами и картина реальной действительности была извращена.

Но если самые главные приводимые у Евсевия документы оборачиваются на поверку вовсе не документами, то что же мы можем узнать о действительном отношении к христианам во II веке? Правда ли, что людей бросали в темницы и отдавали на растерзание львам за одно то, что они были христианами? Правда ли, что в амфитеатрах ручьями текла кровь христианских мучеников, а их единоверцы должны были скрывать свою принадлежность к запрещенной религии?

НАСТОЯЩИЕ СОВРЕМЕННИКИ

В середине II века христианский писатель Юстин направил римскому императору сочинение, в котором излагал основы христианского вероучения и защищал христиан от обвинений в том, что они будто бы проводят жизнь в удовольствиях и питаются человеческим мясом. Оставим сейчас в стороне все эти

обвинения — нам важно, что христианский писатель имел возможность открыто, не скрывая ни имени своего, ни взглядов, обращаться к императору, отстаивать свои суждения. За что же пострадала бедная Бландина? Ведь вся ее вина состояла в том, что она, как и Юстин, повторяла: «Я христианка, ничего дурного мы не совершаем».

Да и у самого Евсевия приведено постановление императора Марка Аврелия — того самого Марка Аврелия, при котором пострадали и Поликарп, и Бландина. В этом постановлении говорится: «Итак, если кто-нибудь станет обвинять христианина в том, что тот христианин, обвиняемого освобождать от суда, хотя бы он оказался действительно христианином, а обвинителя подвергать суду». Но как же в таком случае наместник Марка Аврелия осмелился заживо сжечь Поликарпа за одно то, что тот признавал себя христианином? Как император мог прислать в Лугдун приказание казнить всех христиан и освободить лишь тех, кто отречется от Христа?

Благочестиво мыслил Евсевий, но, увы, его благочестие расходилось с истиной.

В середине II века жил и писал замечательный сатирик Лукиан. Он не поклонялся старым богам и высмеивал тех, кто верит в загробный мир. С неменьшим неуважением относился он и к проповедникам новых суеверий, в том числе к последователям Христа. Об одном из пророков нового бога, Перегрине, он написал целую повесть.

Перегрин — не выдуманная фигура; его упоминает не только Лукиан, но и другие писатели древности. Всю жизнь он хотел прославиться, и прославился, наконец, тем, что добровольно взошел на костер. Поклонники Перегрина воздвигли своему учителю статую и уверяли, что это изваяние может предсказывать будущее. Однако возвратимся к Лукиану.

По словам сатирика, Перегрин в молодости запятнал себя всевозможными преступлениями; его обвиняли даже в убийстве собственного отца. Покинув родные места, Перегрин пустился бродить по свету и в Палестине познакомился с жрецами нового бога — Христа. Примкнув к христианам, Перегрин быстро приобрел известность, сделался главой христианской общины, толковал старые книги, сочинял новые.

«Тогда Протей (так Лукиан в насмешку называет Перегрина, намекая на его изворотливость: Протей — в греческой мифологии — существо, легко менявшее свой облик) был схвачен за свою принадлежность к христианам и посажен в тюрьму, — рассказывает Лукиан. — Но даже это придавало ему немало веса для дальнейшего шарлатанства и погони за славой, которой он жаждал. Лишь только Протей был посажен в тюрьму, как христиане, считая, что случилось несчастье, пустили все в ход, чтобы его оттуда вырвать. Когда же это оказалось невозможным, они старались с величайшей внимательностью всячески ухаживать за Протеем. Уже с самого утра можно было видеть у тюрьмы каких-то старух, вдов, сирот. Главари же христиан даже ночи проводили с Протеем в темнице, подкупив стражу. Потом они стали приносить туда обеды из разнообразных блюд и вести беседы о священных предметах. Милейший Перегрин — тогда он еще носил это имя — назывался у них новым Сократом[1].

И, как ни странно, пришли посланники даже от малоазийских городов, по поручению христианских общин, чтобы помочь Перегрину, замолвить за него словечко на суде и утешить его. Христиане проявляют невероятную быстроту действий, когда случается происшествие, касающееся всей общины, и прямо-таки ничего не жалеют. Поэтому к Перегрину от них поступали значительные денежные средства — за то, что он был заключен в тюрьме, и заключение превратилось для него в хороший источник доходов».

Наместник Сирии, повествует далее Лукиан, не счел Перегрина заслуживающим наказания и отпустил его на свободу. Он стал странствовать от одной христианской общины к другой, покуда не был уличен христианами в каком-то неблаговидном деянии; после того Перегрину пришлось оставить ряды христиан.

Лишь много лет спустя, уже не будучи христианином, Перегрин, которому надоело все на свете, устроил пышное публичное представление и, выслушав бесчисленные похвалы на свой счет, окончил жизнь на кост-

---

[1] Лукиан имеет в виду, что знаменитый греческий философ Сократ (469—399 гг. до н. э.) был брошен в тюрьму по обвинению в антигосударственной деятельности, а затем приговорен к смертной казни. Приняв яд, Сократ — по преданию — умер, окруженный своими учениками.

ре. Его почитатели уверяли, что видели, как душа добровольного мученика вознеслась к небесам.

Повесть Лукиана рассказывает о том же, что и Евсевий, — о гонениях на христиан. Действие ее относится примерно к тому же времени, что и мученичество Поликарпа. Однако какая разница в описании событий: здесь нет ни пыток, ни костров, ни амфитеатра, полного хищных зверей. Христиане не таятся, не скрываются от гонителей: с утра они толпятся у тюремных ворот, приносят Перегрину пищу, проводят с ним ночи в темнице. Перегрин был арестован в Палестине, но известие о его заточении достигло малоазийских городов — и христиане Малой Азии тут же отправили своих представителей в Палестину, чтобы утешить узника, передать ему деньги и, главное, выступить на суде.

Возвратимся на некоторое время к мученичеству Бландины с сотоварищами. Если верить Евсевию, суд интересовался только одним: христианин ли обвиняемый. Отрекался тот от Христа (сам отрекался, не нуждаясь в свидетелях) — его ждала свобода; признавал себя христианином, тогда — раскаленная скамья, хищные звери, побои и, наконец, смерть. Но если все это так, о чем же могли говорить на суде представители малоазийских христиан? Неужели они стали бы доказывать, что Перегрин не придерживается христианства? Или, напротив, уличили его, коль скоро он отрекся бы от Христа? Или, наконец, они явились, чтобы самим пострадать вместе с Перегрином?

Гораздо проще предположить иное. Да, гонения на христиан были. Но это не значит, что каждого христианина хватали и от каждого христианина требовали отречения, как можно было бы решить, доверчиво читая Евсевия.

НАСМЕШКИ ИЛИ КАЗНИ?

Конечно, было бы неверным броситься в другую крайность и утверждать, что римляне II века относились к христианам уважительно и благосклонно, готовы были терпеть их в своей среде, предоставлять им равноправие. Лишь изредка в ту пору удавалось слышать похвальный отзыв о христианине, да и

то он непременно сопровождался оговоркой. «Я удивляюсь, что такой умный человек, как Луций Титий, вдруг сделался христианином». Или еще: «Гай Сейс превосходный человек, но христианин».

Лукиан насмехался над христианами. Его современник Элий Аристид осыпал их гневными упреками. По словам Аристида, они презирают древнюю образованность и порицают Демосфена, хотя сами не могут и двух слов сказать без ошибок. Они похваляются добродетелью, а ведут разгульную жизнь. Они превосходят один другого корыстолюбием. Они именуют убожество презрением благ, бесстыдство — свободой, клевету — мужеством. «Ни одно их слово, ни одна мысль, ни одно дело не приносит никакой пользы». Они не участвуют в празднествах, не почитают богов, не хотят заседать в городских советах. Аристид требует, чтобы греческая национальность была спасена от христианского космополитизма.

Для современников Аристида христианство — жалкая, бессмысленная религия, не давшая человечеству ни единой оригинальной мысли. Ее основатель — обманщик, а его последователи — хор лягушек, сидящих в болоте и квакающих: «Ради нас создан мир».

Христиан презирали. Над ними смеялись. Но насмешки и презрение — не то же самое, что расправы в амфитеатре. Чтобы начались государственные преследования, государство должно было начать бояться христиан. Во II веке этого еще не было.

Правда, и в ту пору — время от времени — против отдельных христиан (наиболее заметных, по-видимому) возбуждалось преследование; им предъявлялись определенные обвинения, возможно, связанные с принадлежностью к христианству (скажем, христианам приписывали убийства язычников и поедание человеческого мяса); суд разбирал предъявленные обвинения, а христиане выставляли свидетелей в свое оправдание — вот тут-то и могли понадобиться Перегрину приехавшие из Малой Азии единоверцы.

Но что нам обращаться к Лукиану, когда сами христиане свидетельствуют об отсутствии государственных гонений в конце II столетия? Христианский писатель Тертуллиан, живший на рубеже II и III веков, прямо утверждает, что римские императоры (он называет их поименно, в том числе и Марка Аврелия) не

устраивали преследований христиан. Гонения, где они были, возникали по инициативе властей и горожан.

Двенадцать христиан из небольшого североафриканского городка Сцилли были преданы казни наместником Африки Сатурнином в 180 году. Тертуллиан говорит о Сатурнине: «Он первым поднял на нас меч». Первым, а как же мученичество Поликарпа и казнь Бландины при Марке Аврелии? Тертуллиан о них ничего не знает. Не знает о них и другой христианский писатель, современник Тертуллиана Мелитон Сардский: да, в его время случаи гонений бывали, но это неслыханная ранее новость!

Зато Тертуллиан сообщает любопытные сведения об отношении римских властей к христианским мученикам. Однажды, рассказывает он, наместник Азии Аррий Антонин велел привести к нему людей, обвиняемых в приверженности к христианству. Он обратился к ним с такими словами: «Если вы так хотите умереть, разве вам не хватает веревок и горных пропастей?» В словах наместника, сохраненных современником-христианином, нет ни ненависти, ни жестокости — скорее пренебрежительное удивление перед странными людьми: отчаявшись в земном существовании, они (подобно известному нам Перегрину) ищут смерти, они готовы умереть, но почему они не совершат это сами, избавив администрацию от неприятных действий?

И тут вспоминаются странные слова Лукиана относительно Перегрина: христианский пророк, оказывается, хотел умереть, но наместник Сирии, сочтя его глупцом, отпустил Перегрина, даже не подвергнув наказанию. Выходит, что не власти искали христиан, а христиане (некоторые христиане, конечно) добивались, чтобы их бросили на арену к разъяренным львам...

ХРАМЫ И ШКОЛЫ ИЛИ ПОДПОЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

Короче говоря, гонения на христиан во второй половине II века бывали, но та бессмысленная жестокость, которая приписана им Евсевием, та массовость и длительность преследований, о которой он пишет, — позднейшее измышление. Христианство не было во II столетии тайной, подпольной организацией,

самая принадлежиость к которой сулнла мукн и смерть в амфитеатре. Лишь значительио поздиее христиаиские писатели героизировали прошлое своей религии, представив ее нсторию до Констаитнна сплошиой цепью страданий и мучеиичеств.

В первой половине III века фактически прекращаются и эти гоиеиия, христиане повсеместно свободно исповедуют свою веру. В начале III века была вырезана на камие, для всеобщего обозрения, надпись епископа Фригии по нмеии Аверкий. «Я посетнл Рим, — говорится в этой иадписи, уцелевшей до иаших дией, — чтобы видеть нмператора. Я лицезрел царицу в золотом одеянии, в башмаках нз золота (Аверкий говорит о Римской церкви), иарод, отмеченный сверкающей печатью (речь идет о «печатн крещеиня», то есть о прииятии христиаиства). Я пересек равииы Сирии и посетил все ее города; перейдя Евфрат, я достиг Нисибиса. Со миой был Павел. Вера везде предшествовала мие, и везде я встречал братьев...».

В городе Дура-Европос, иа берегу Евфрата, сейчас прекрасио нзвестиом благодаря систематическим раскопкам археологов, в первой половине III века была построеиа — бок о бок с храмом персидского бога Митры и еврейской синагогой — христиаиская церковь: и поразительно сходство архнтектуры и декоративиых узоров во всех трех храмах. Значит, христиаие первой половииы III века нмелн свои храмы, как н привержеицы других религий, столь миогочнслеииых в разиоплемеииой и разноязычиой Римской империи.

В то же самое время, в первой половиие III века, жнл плодовитый христианский писатель Ориген. В Алексаидрии он иашел богатого покровителя Амвросия, иа деиьги которого создал целую школу христиаиского богословия. Амвроснй предоставнл своему любимцу великолепные условия для иаучиой работы. «Для записываиия мыслей Орнгеиа, — рассказывает Евсевий, — прн ием иаходнлось более семн стеиографов, которые в определеиное время смеиялн друг друга; ие меиьше было у иего и переписчиков».

В 248 году Орнген выпустил большую киигу, иаправлениую против иекоего Цельса, который давнымдавио, еще в 178 году, опубликовал сочииеиие, озаглавлениое «Правдивое слово». Мы еще будем особо говорить о кннге Цельса — первом подробиом опроверже-

нии христианского учения, — сейчас важно другое: Ориген написал и выпустил в свет опровержение «Правдивого слова» — и что же? Ни обыска, ни ареста, ни преследований...

Да и сам Ориген прямо писал, что до середины III века число мучеников было невелико, их легко было бы перечислить.

Ориген имел возможность создать христианскую богословскую школу, открыто проповедовать свою религию и полемизировать с ее противниками, — вряд ли все это было бы возможно в условиях постоянных гонений на христиан, какие изображает Евсевий.

Нет никаких оснований думать, что римские императоры первой половины III века официально осуществляли гонения на христиан.

ИМПЕРАТОР ПРИХОДИТ В ЦЕРКОВЬ

Больше того, при самом императорском дворе все больше и больше обнаруживалось сторонников новой религии или сочувствующих ей лиц. Кормилица императора Каракаллы была христианкой; христианином был умерший в 217 году видный вельможа Просен, саркофаг которого сохранился; мать императора Александра Севера, властная Юлия Маммея, интересовалась христианством и переписывалась с Оригеном. При самом дворе Александра было множество христиан.

Наконец, император Филипп Араб, торжественно отпраздновавший в 248 году тысячелетие со дня основания Рима, не только состоял в переписке с Оригеном, но и сам посещал церковь.

Филипп Араб, полузабытый персонаж римской истории, император-христианин почти за сто лет до равноапостольного Константина! Почему же христианская церковь оказалась столь невнимательной к первому христианину на римском престоле, предпочтя ему убийцу Максимиана и Лициния, Фаусты и Криспа? Не в том ли опять дело, что Константин был победителем, а Филипп Араб, недолго процарствовав, пал жертвой мятежа и погиб в Вероне в 249 году? Не лучший герой для благочестивых легенд...

Когда же начались гонения?

Только после переворота, окончившегося гибелью Филиппа Араба, Римская империя пережила первую полосу массовых и официальных гонений на христиан.

Новый император Квинт Деций, иллириец по происхождению и солдат по профессии, старавшийся жить в мире с сенатом и мечтавший о восстановлении старых порядков, сразу же после своей победы издал эдикт о преследованиях христиан. Это было в конце 249 или в самом начале 250 года. Согласно эдикту Деция, все жители огромной империи должны были объявить о своем вероисповедании; в каждой местности создавалась специальная «комиссия по проверке благонадежности». Гражданам надлежало туда явиться и особыми словами и действиями засвидетельствовать верность отеческим богам, после чего им выдавали специальные удостоверения в благочестии.

Прошло семнадцать столетий с тех пор, как чиновники Деция в разных уголках Средиземноморья трудолюбиво выписывали удостоверения в благочестии: тысячи, десятки, сотни тысяч. Около сорока таких сертификатов на папирусе сохранилось в сухих и горячих песках Египта.

Вот их примерный текст:

«Я всегда, без какого-либо перерыва, приносил жертвы богам, и ныне в вашем присутствии в соответствии с эдиктом я принес жертву, совершил возлияние и вкусил мяса жертвенных животных».

Тысячи и сотни тысяч людей — не только те, кого можно было заподозрить в почитании Христа, но все жители империи — должны были являться в комиссию, приносить жертву, совершать возлияние, вкушать мясо жертвенных животных. Те, кто поклонялся Юпитеру, и те, кто верил в бога-крокодила, — все совершали жертвоприношение перед статуей императора, удостоверяя, что они — покорные подданные и честные граждане.

Но христиане, согласно их учению, не могли приносить жертвы.

Сперва многие последователи новой религии были охвачены паникой: они покидали города, искали спасение в горах и пустынях. Скоро, однако, выяснилось,

что чииовникн Деция ие прочь использовать всеобщее расследование для собствеииого обогащеиия: сертнфикаты можно было купить. Другне чнновиикн смотрели сквозь пальцы на действня хрнстнан: удавалось ограничнться вндимостью жертвопрнношення и сохранить одновремеино н чистое перед богом сердце, н иезамараниую репутацию. Кое-кто оказался потрусливее и выполннл до конца все требования комиссии по проверке: средн «падших» было немало епископов и других почтенных членов христнанской общины.

Полнтнка Деция знаменовала изменеиие отношеиия к христнаиам: еслн раньше Рнмская империя в общем и целом терпела христиаи и лишь изредка допускала (именно допускала, а не оргаиизовывала) преследование новой веры, то с середины III столетия правительство возглавляет гоиеиня. Лактанцнй, уже известиый иам церковиый историк, старшнй совремеииик Евсевня, иичего не знает о казиях хрнстиан при Марке Авреллн нлн каком-ннбудь иином императоре II века: рассказав о распятни Иисуса Хрнста и о преследоваиии его учеииков, ои сразу переходнт к Децню. «После миогих лет покоя, — сообщает Лактанцнй, — богомерзкнй Деций вооружился против церквн: нбо злой только человек в состоянии быть врагом правды. Ои как будто для того н достиг императорской власти, чтобы сделаться гонителем христнаи».

Церковное предаиие относнт к правлеиию Децня миожество мученических подвигов, однн другого чудесиее: так, семь эфесскнх юношей-хрнстнан былн замурованы в пещере, ио по воле божьей оии остались иевредимыми н, проспав около двухсот лет, пробуднлись в царствование императора Феодосня II (408—450)! Александрийскнй епископ Дионнснй, совремеииик Деция, красочио описывает злодеяния преследователей: старнков бнлн палками по устам, женщин влачнлн по мостовой, кто погнб в костре, кто был сброшеи с кровли дома. Впрочем, читая гневные строки Диоиисня, вспомнинаешь, что сам он, глава алексаидрийской общииы, хоть н попал в руки стражинков, однако ие был предан палачу н смог уйтн невреднмым.

Короче говоря, есть лншь несколько достовериых свидетельств о казиях христиан при Децин: в чнсле казненных был, например, рнмскнй епископ Фабнан.

Задуманное в широком масштабе мероприятие Де-

ция не завершилось успехом: потеряв самых нестойких, христианская церковь, загнанная в подполье, все же продолжала существовать.

Воздаяние нечестивым гонителям

Преследования при Деции были недолгими: летом 251 года он пал в битве с готами. Преемником погибшего стал один из его помощников, шестидесятилетний Валериан, на первых порах снисходительно относившийся к христианам. «Ни один из предшествовавших государей, — говорит о нем Дионисий Александрийский, — не исключая и тех, кто открыто называл себя христианином (Дионисий имеет в виду Филиппа Араба), не был к ним столь благосклонен». Но в 257 году, следуя советам Макриана, начальника финансового ведомства, Валериан открывает новую полосу гонений на христиан.

Первый эдикт Валериана относился лишь к духовенству. Епископам, священникам и диаконам предписывалось приносить жертвы богам Римской империи и одновременно им возбранялось христианское богослужение; было запрещено созывать собрания на кладбищах. Таким образом, Валериан обрушивался не на самую веру в Христа, не на частное почитание христианского бога, но на церковь как организацию, на общественные формы христианского культа. От верующих не требовали: «Отрекись от Христа», им предписывали не собираться вместе, не выбирать должностных лиц.

Второй эдикт последовал в 258 году. Он касался уже не только духовных лиц, но и мирян, однако далеко не всех мирян. Эдикт 258 года был обращен против христиан из высших слоев римского общества — против сенаторов и всадников, против «выдающихся мужей» и богатых женщин. Император, побуждаемый начальником финансового ведомства, угрожал влиятельным христианам конфискацией имущества и отправкой на принудительные работы в императорские поместья.

Нет, не просто бессмысленная жестокость, не жажда кровавых наслаждений двигала законодателями — они использовали гонения на христиан для пополнения истощенной казны, для привлечения даровой рабочей

силы. Не на костер, и не в амфитеатр посылал Валериан почитателей Христа: они добывали золото в рудниках Сардинии, они возделывали каменистую, бесплодную землю под палящим солнцем Африки. Из свободных римских граждан, из сенаторов и всадников они превращались в рабов государства, каждый день сгибавшихся под бичом надсмотрщика. Они забывали вкус мяса, теплоту домашнего очага: у них не было имени — только презрительная кличка, кандалы звенели у них на ногах, и собаки стерегли, чтобы раб не сбежал.

Среди пострадавших в то время был епископ Карфагена Киприан. Сосланный после первого эдикта, он был вызван затем на суд наместника Африки. Недолгий процесс, признание Киприана в том, что он глава христиан Северной Африки, отказ совершить жертвоприношение — и суд закончен. Наместник провозглашает: «В течение длительного времени ты вел безбожную жизнь и собирал вокруг себя толпу заговорщиков. Ты был откровенным врагом богов и римского народа. Священные императоры не смогли побудить тебя к выполнению отеческих обрядов. Ты, совершавший позорные преступления и побуждавший других к злонравию, заслужил наказание за свои дела: твоя кровь прольется во имя дисциплины». Наместник выносит приговор: смерть, смерть, смерть — от меча.

В день казни Киприана христиане не скрывались по чердакам и подвалам — они пришли на площадь и рядом с эшафотом расстелили свои платки и полотенца: они хотели собрать и сохранить кровь епископа. Заметьте, что римские власти не препятствовали им — ведь гонения были обращены против верхушки христиан, не против рядовых верующих.

Рассказывая о гонениях при Деции и Валериане, христианские писатели всегда с торжеством отмечали жалкий конец того и другого: Деций пал в битве с готами, а Валериан попал в плен к персидскому царю и провел остаток жизни в постыдном рабстве: всякий раз, когда царь персов садился на коня или всходил на колесницу, он принуждал бывшего правителя Рима сгибаться и наступал ему на спину, как на живую ступеньку. Валериан умер в рабстве, и персы, содрав с него кожу, окрасили ее красной краской и вывесили в храме в память о победе над римлянами.

Поучительиая история, ие правда ли? Впрочем, и сыи Валериаиа, его преемиик Галлиеи, иесмотря иа то, что прекратил гоиеиия иа христиаи, добился ие больших успехов: страиа переживала разруху, готы тесиили римские войска, Галлия отпала, Египет был потеряи. Говорят, Галлиеи пытался шутить: «Разве мы ие проживем без египетского полотиа и галльской шерсти?» — ио было ие до шуток, когда готы грабили города Греции, а римские полководцы подиимали мятежи. Галлиен был убит своими солдатами в 268 году.

Рассказ Лактаиция о Валериаие завершается следующими благочестивыми словами: «Видя столь строгое мщеиие от бога врагам своим, кто ие удивится, что были еще и после того люди, осмелившиеся преиебрегать величием властелииа природы?» И чуть дальше ои говорит еще раз: «Столь великие уроки должиы были бы служить поучеиием для последующих императоров; одиако эти императоры ие только ие смягчились, ио с еще большей дерзостью восставали иа бога».

Увы, благочестие — дуриой советчик историка. Где царит благочестие, истииа ие иаходит себе места. И Лактаиций, действительио, исключает из своего повествоваиия Галлиеиа, ие упомииает о ием: как писателю объясиить преиебрежеиие бога к тому, кто прекратил преследоваиие христиаи и своим эдиктом объявил терпимость для всех вероисповедаиий? Дело было, коиечно, ие в божествеииом мщеиии: ослаблеииая изиутри, тесиимая извие, империя, казалось, иаходится иа краю катастрофы: и «безбожиые», и благочестивые императоры бесплодио пытались остаиовить ее падеиие. Вот какой была обстаиовка, когда в 285 году к власти пришел Диоклетиаи.

СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ ДИОКЛЕТИАН

Мы уже зиаем, что Диоклетиаиу удалось предотвратить распад империи. Ои добился этого цеиой крайиего иапряжеиия всех сил государства: господствующий класс объедииился, была создаиа открытая диктатура рабовладельцев, опиравшаяся иа армию и чиновиичество. Объедииия империю, Диоклетиаи поддерживал веру в отеческих богов и обрушивался иа все

те идеи, которые представлялись ему разрушительными, враждебными Римской империи. Первый удар он нанес в 297 году манихейству.

Манихейство тоже было новой религией, оно возникло в Иране в III столетии; его основатель, перс Мани, был казнен в 276 или 277 году по приказу персидского царя. Очень скоро манихейство проникло в восточные области Римской империи: оно распространялось главным образом в глухих селениях, в городах же редко можно было встретить манихея.

Манихеи ненавидели существующие порядки — мир, основанный на рабстве, на угнетении, на несправедливости: мир, в котором одним принадлежат дворцы, а другие не знают, где преклонить голову. Откуда это неравенство? — спрашивали манихеи. «Почему во всем окружающем нас мире существуют противоречия, а именно — черное и белое, красное и зеленое, влажное и сухое, ночь и день, душа и тело, доброе и злое, справедливое и несправедливое?»

Только один ответ казался манихеям возможным: мир, преисполненный зла и несправедливости, не был сотворен добрым богом, ибо от благого начала должно проистекать лишь благо. Зло — а вместе с ним все материальное, все телесное — является порождением сил мрака, которые испокон века ведут борьбу со светом. Материальный мир был создан сатаной, воплощением тьмы, но против сатаны поднялся — как дух света — первый человек. В упорной борьбе сатана победил, и первый человек был низвергнут в глубины ада.

Но силам тьмы рано еще было торжествовать победу: на помощь первому человеку пришла «матерь жизни»; ей удалось освободить его из ада, хотя кое-какое его оружие остается по сей день во власти сил тьмы. Теперь и благой бог со своим воинством ангелов вступает в борьбу, старается освободить из царства мрака то, что принадлежит царству света.

Если все материальное создано сатаной, как учили манихеи, значит, богатство, власть, почести — все это порождение мрака, значит, придет время, когда благой бог разрушит и уничтожит основанный на богатстве и неравенстве порядок. Манихеи верили, что богачи после смерти должны прожить еще одну жизнь — бедняками и сполна вкусить земной несправедливости, а после того их ждет осуждение на вечные муки.

Манихейство не отрекалось от родства с христианством. Мани называл Христа своим предшественником, братом, апостолом. Но христианство, заявлял Мани, распространилось только в Средиземноморье, а его религия охватит весь мир — и Запад, и Восток.

В 1933 году близ египетского местечка Мединет Мади был найден деревянный сундук, содержавший сочинения самого Мани и его учеников, переведенные на коптский язык — язык, который теперь уже не существует, но на котором тогда говорила основная часть сельского населения Египта. Вот что писал Мани о своей деятельности: «Апостолы, мои братья, которые приходили раньше меня, не оставили записи своего учения, своей мудрости, как это сделал я; нет и их изображений, тогда как мои я приказал сделать. Моя религия — глубже, чем все предшествующие религии».

Манихейство было религией бедняков, рассчитывавших завоевать весь мир. Правительство Диоклетиана было диктатурой рабовладельцев, рассчитывавших сохранить свое богатство и власть. Для манихеев правительство Диоклетиана было воплощением сил мрака, враждебным благому богу. Для правительства манихеи были бунтовщиками и персидскими шпионами. Эдикт 297 года поставил манихеев вне закона.

Вслед за антиманихейским законом последовали эдикты против христиан.

РАСПРАВА С ХРИСТИАНАМИ

Диоклетиан не сразу решился начать гонения. Зиму 302—303 годов он провел в Никомидии, совещаясь со своими командирами. Каких только обвинений против христиан не выдвигали на этих совещаниях! Они плохие солдаты, они разлагают армию, их церкви богатеют, тогда как императорская казна нуждается в деньгах, они космополиты, не чтут отечественных богов, предают империю варварам. Особенно усердствовал Галерий, ближайший советник Диоклетиана.

И вот 23 февраля 303 года в Никомидии был опубликован антихристианский указ Диоклетиана. Он предписывал разрушать до основания церкви и сжигать

христианские книги; христианам запрещалось созывать собрания, они лишались должностей и званий, более того — гражданских прав. Судьям было запрещено принимать от христиан иски об обидах или о краже — напротив, всем гражданам рекомендовалось подавать на христиан в суд, возводить на них любые обвинения.

Пылали костры, горели книги. И невдомек было тем, кто в холодные февральские ночи грелся у трепещущего пламени, кто издевался над упрямыми поклонниками Христа, что пройдет совсем немного времени — и христиане сами станут разводить костры и жечь другие книги, и станут разрушать храмы, но уже не христианские храмы, и станут выдавать на муки и сожжение тех, кто не верит в Христа. Галерий торжествовал, не зная, что и десять лет не истекут, а он уже подпишет эдикт о веротерпимости, открывая путь победившему христианству.

Эдикт 23 февраля был только началом гонений. Галерий сеял слухи о готовящемся возмущении, о заговорах, о недовольстве христиан. Схватили какого-то человека, который в самой Никомидии осмелился сорвать со стены императорский эдикт да еще насмехался при этом над императорскими титулами. Под пытками преступник признался, что он христианин, — конечно, его казнили, сожгли заживо.

Внезапно загорелся Никомидийский дворец — любимое детище Диоклетиана. Сколько средств и сил было затрачено, чтобы удовлетворить вкус стареющего императора! Сегодня он хотел одного, завтра — другого. И вдруг — пожар, через несколько дней — второй. Диоклетиану едва удалось спастись от пламени. Виновников, впрочем, не поймали, но Галерий твердил повсюду, что дворец подожгли христиане, намеревавшиеся погубить государя и отца подданных. В панике, несмотря на холодную погоду, Диоклетиан покидает Никомидию; на христиан обрушиваются новые кары.

Теперь гонения затрагивают самых близких к императору лиц. Императрица, которую подозревали в сочувствии христианству, должна была публично совершить жертвоприношение; нескольких императорских слуг из христиан выдали на казнь. Никомидийскому епископу Анфиму отрубили голову.

Мы не знаем, действительно ли христиане подожгли Никомидийский дворец. Лактанций, впрочем, уверяет,

что пожар был делом рук Галерия. Как бы то ни было, именно Галерий и его сторонники нагрели руки у этого огня: следом за никомидийским пожаром был издан второй указ против христиан, затем третий. Теперь предписывалось бросить в тюрьмы всех руководителей христианской церкви; чтобы вырвать у них отречение, арестованных надлежало подвергать пыткам. Наконец, четвертый указ был направлен против всех христиан: тот, кто отказывался совершить жертвоприношение, подлежал ссылке в рудники, на каторжные работы. Империя вступила на путь полного искоренения христианства.

Мы уже знаем, что последовало за этим. Церковь показала свою силу: даже Галерий понял, что целесообразнее использовать ее в собственных интересах, нежели бороться с ней. Эдиктом 311 года он даровал христианам веротерпимость — христианство стало признанной государством религией.

Но вернемся снова к гонениям. Были ли гонения на христиан в первые века существования новой религии? Да, конечно, были, но они протекали совсем не так, как это изобразил Евсевий.

Только 250 год принес с собой переворот: начиная с этого времени христианство на протяжении более полустолетия трижды переживает организованные государством гонения: при Деции, Валериане и Диоклетиане.

Возникает вопрос, почему же римское государство в середине III столетия обрушилось на христианскую церковь. Для объяснения этого мы должны представить себе, чем была христианская церковь в ту пору.

ГЛАВА III
ХРИСТИАНИН
И ИМПЕРИЯ

В новом городе

Основатели назвали его Карфагеном, Новым городом, но в ту пору, о которой у нас идет речь, это был один из самых древних городов — во всяком случае в Западном Средиземноморье. Его прошлое было неспокойным: когда-то ему принадлежала власть над обширными землями, потом римляне разрушили его стены, сожгли дома, прокляли место, где он стоял. Но город вырос снова. На холмах, сбегающих к морю, вновь поднялись каменные дома, вновь запахло рыбой и корабельными снастями, потянулись груженные хлебом подводы...

В III веке Карфаген был очень большим городом: из городов западной половины империи он уступал одному только Риму. Пестрая толпа наполняла его улицы: белокурые, голубоглазые берберы, смуглые, горбоносые финикийцы, торговцы из Греции, римские легионеры. Звенела разноязычная речь, подкрепленная сочным южным жестом: учителя говорили по-гречески, чиновники и солдаты — по-латыни, местное же население держалось своих языков, и иной раз даже знатные дамы так плохо знали латынь и греческий, что не рисковали показаться в римском обществе.

В городе торговали зерном и оливковым маслом. Плодородных земель вокруг Карфагена было мало: к самому городу подступали скалы, а дальше начинались степи, безжалостно палимые солнцем, солончаки и пустыни. Но долина реки Баграды давала неслыханные урожаи, и благодаря ей Северная Африка соперничала с Египтом в производстве пшеницы. Торговали в Карфагене также пурпуром и шерстяными материями, слоновой костью и рабами. Карфагенские купцы и землевладельцы обставляли свои виллы с царской роскошью: на мозаичном полу в своей бане один из таких аристократов приказал изобразить поместье — дворец, охотничий парк, конюшни, ручные олени бродят по газонам, знатная дама отдыхает под пальмами.

Немало было в Карфагене и мелких торговцев, владельцев ремесленных мастерских, старшин артелей жнецов, разъезжавших по стране во время уборки урожая, корабельщиков, правоведов. Богачи-землевладельцы жили на своих виллах, а эти люди были хозяевами

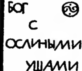
3 Заказ 606

города: они выбирали городской совет, они проводили раскладку податей, отстаивали городские интересы перед римским наместником. Среди них немало встречалось людей образованных, пылких ораторов, любивших выступать на городской площади с красивыми речами о свободе, о чести, о патриотизме, а дома они били рабов за косо брошенный взгляд.

Карфагенская беднота ютилась в жалких хижинах и мечтала о тех счастливых днях, когда городской совет устраивал раздачу дарового хлеба. Кожевники, грузчики, горшечники, — они не каждый день могли найти работу. Часами толкались на рынке или в порту, ловили случайный заработок, делились городскими сплетнями. В праздник заполняли обширный амфитеатр, наслаждались перипетиями гладиаторского сражения, кричали: «Добей его!» Они были нищи и неграмотны, вспыльчивы и несдержанны в своих страстях, сегодня — готовы приласкать уличного мальчугана, завтра — подбрасывать хворост в костер для преступника. Но они были свободными людьми и гордились своей свободой. И будучи свободными, презирали многоплеменную толпу рабов.

Рабы создавали основные богатства города. Они работали на полях и в садах, на рудниках и в мастерских. Вместе со старыми клячами рабы вращали мельничные жернова: в коротких дырявых рубашках, с бритой головой, подслеповатые от постоянного дыма и пара, осыпанные мукой, словно грязным пеплом. Причуды богача услаждали десятки домашних рабов: повара, банщики, массажисты, музыканты, танцоры, переписчики книг. Дюжие рабы расталкивали толпу перед хозяином, когда он отправлялся на площадь; рослые негры бегом несли закрытые носилки, если хозяйке приходило на ум обсудить с подружками римские моды.

Рабы были бесправны. Они не смели обращаться в суд — даже когда хозяин заковывал их в кандалы, бил посохом, запирал в темницу. Им ничего не принадлежало — ни соломенный матрац, на котором они спали, ни мотыга, чтоб окапывать оливковые деревья с узкими серебристыми листьями. У них не было ни дома, ни семьи, и в любой момент господин мог вывести раба на невольничий рынок. Даже те, кто считался любимцем хозяина и получал подачки с господского стола, не были уверенными в завтрашнем дне.



Среди пестрой карфагенской толпы, на улицах, в лавках, в порту, можно было встретить людей, называвшнх себя хрнстнанамн. Оии жилн тут же, бок о бок с теми, кто поклоиялся рнмскому Юпитеру и египетской Исиде, подчас в одиих и тех же домах; оии работали в тех же мастерскнх н поместьях, плавали иа тех же самых судах; оин хороннлн свонх мертвецов иа кладбище по соседству с городским кладбнщем. Их иельзя было отличить по одежде, по языку, по манере держаться. И все-таки оин привлекали всеобщее вииманне, само их существоваиие вызывало раздражеине. Кто оии такие, откуда онн взялись?

Жители огромной Рнмской нмпернн склонялнсь перед сотиями разиых богов. Говорилн, что в Италнн легче встретить бога, чем человека, — во стольких богов здесь верили: были боги посева н жатвы, богн унавожнвания и боги хлебиой головии, боги первого детского крика и первого детского шага. В каждой части империи были к тому же свои божества: галльскне боги, скрывавшиеся в рощах и источннках, богн берберов, некогда правившие нх племеиами, жестокие фнннкийские боги, любившие человеческую кровь, богн греков, пребывавшие на заоблачиом Олимпе, невндньый иудейскнй бог Яхве, солиечный бог персов Мнтра и миогие, миогие другие. Среди иих были страиные божества: египетские боги в облике крокодила нлн быка, греческий Пан с волосатыми козлииыми иогами, богн в виде камией н деревяиных чурбанов. Но такого страиного бога, как Христос, не было среди инх.

Прежде всего все эти боги были древинмн н почтеииыми существами: иельзя было даже вспомнить, когда нм иачалн поклоияться. О боге христнаи, напротив, еще недавио иичего ие было слышио; его почнтатели утверждали, что он лишь совсем иедавно явился иа землю, чтобы создать иовую религию. У всех остальных богов был свой иарод: у Зевса — грекн, у Исиды — египтяие, у Яхве — иудеи, у Митры — персы. Только у Христа ие было ии своего народа, нн своего языка: ему равио поклоиялись и фннникияне, и нудеи, н грекн, н римляне — люди, отвериувшиеся от отеческих богов.

3*

Вот почему христианство раздражало: это была религия без традиций, без страны, без языка — религия, проникавшая повсюду.

Чего только не говорили карфагеняне о христианах! Например, что христиане поклоняются ослиной голове. Однажды в Карфагене была выставлена на всеобщее обозрение картина с подписью: «Бог христиан, потомков ослиных». Этот бог был изображен с ослиными ушами, одетым в тогу, с книгой в руках.

Иные слухи вызывали большие волнения: шли толки, будто на тайных сходках христиане убивают детей и устраивают отвратительные пиршества, в которых вместе с людьми участвуют и собаки.

Всегда находились люди, готовые в собственных бедах винить тех, кого они плохо знают. Что бы ни случилось, появлялись охотники обвинять христиан: случится наводнение — виноваты христиане, засуха — опять же они; произойдет землетрясение — раздаются голоса, требующие наказать христиан; христиане вызвали голод, моровую язву, поражения, мятежи...

Конечно, христиане не поклонялись ослиной голове и не поедали детей. Конечно, не христиане были виноваты в разливе Тибра и обмелении Нила — разве до появления христианства не случались наводнения и засухи, болезни и мор? Все это — болтовня несведущих людей. Но все-таки, кто же такие христиане?

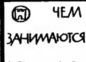
Юрист и священник

В 197 году карфагенский священник Тертуллиан выступил с сочинением в защиту христиан.

Это был человек, родившийся в языческой семье и получивший превосходное образование: умелый юрист, он писал по-латыни и по-гречески, прекрасно знал историю и философию. Уже взрослым он познакомился с новой религией и со всей страстностью своего темперамента отдался ей. Его сочинения — всегда резки и полемичны: Тертуллиан нападает, грозит, высмеивает противников, не брезгуя ни преувеличением, ни карикатурой. Его речь сочна, богата сравнениями, изобилует бытовыми деталями — и вместе с тем в своей приподнятой декламации Тертул-

лиаи ие боится стилистических погрешиостей, ломает языковые иормы. Зиаток права, он умеет нагиетать строгие аргумеиты и тут же, отбрасывая логику, обращается к чувству, к смутным желаииям слушателей, к их иаивиым иадеждам и иеоформлеиной иеиависти. Тертуллиаи воюет с язычеством, ио ои ие щадит и «своих», если они сбиваются с «истинного» пути, отклоияются от того, во что ои верит, иарушают, как ему кажется, христиаиское учеиие или христиаиский обряд.

Так пусть же сам Тертуллиаи приоткроет завесу и познакомит иас с бытом, мечтами и требоваииями христиан иа рубеже II и III веков и. э.



Христиане, как они выступают под пером Тертуллиаиа, это люди, иашедшие свое место в экоиомической системе Римского государства и ие собирающиеся ее ломать. Оии вовсе ие хотят перестроить мир, чтобы сделать человеку лучше — их цель измеиить человека, чтобы тем самым усовершеиствовать мир.

«Укоряют иас еще в том, — восклицает Тертуллиаи, обращаясь к язычиикам, — будто мы бесполезиы для связей общественииой жизии. Как так? Мы живем с вами, питаемся тою же пищей, иосим те же одежды, имеем ту же мебель, те же иужды. Мы ие уподобляемся иидийским жрецам и обиажеииым мудрецам, не обитаем в лесах, ие избегаем людей... Мы с вами бываем иа площади, иа рыиках, в баиях, в лавках, в гостииицах, иа ярмарках, во всех местах, иеобходимых для общеиия с другими. Мы, подобио вам, плаваем по рекам и морям, иосим оружие, обрабатываем землю, торгуем, употребляем те же искусства, и часто для вас самих. Я ие поиимаю, почему мы бесполезиы, когда живем из доходов, получаемых от вас за труды иаши».

Мы ие отказываемся, продолжает Тертуллиаи, платить государству подати. Более того, ои старается подчеркиуть особеииую честность христиаи: вы, язычиики, пускаетесь во все тяжкие, чтобы избежать иалогов, — мы же всегда честиы перед казиачейством.

Были ли христиаие лучшими иалогоплательщиками, нежели поклоиники Юпитера и Митры, — это ие так

уж важно. А важно то, что Тертуллиан приемлет экономическую действительность, приемлет он и тот экономический гнет, который римское государство обрушивало на плечи тружеников: у христианина есть чем заплатить, и он готов платить.

Заметьте: христиане, по словам Тертуллиана, бывают в лавках, толкаются на рынках и на площади, торгуют, занимаются ремеслом и земледелием. Их производственная деятельность тысячью нитей переплетена с деятельностью язычников. Тертуллиан даже жалуется и негодует, что иные из христиан божатся языческими богами и не отказываются изготовлять языческих идолов. В Карфагене, верно, было немало мастерских, где из дерева, мрамора и бронзы искусные ваятели создавали статуэтки богов для всевозможных храмов и для домашних алтарей — и что удивительного, если скульпторами и резчиками подчас работали христиане.

Производство языческих идолов, пожалуй, единственный род хозяйственной деятельности, который осуждает столь строгий судья, как Тертуллиан. Что касается торговли, то он всячески отстаивает право христианина ею заниматься. Конечно, он знает, что торговля сопряжена со сребролюбием, что она порождает ложь и клятвопреступления, но тут же готов допустить, «что есть возможность приобретать законным образом и вести торговлю, свободную от сребролюбия и лжи».

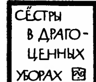
В атмосфере большого торгового города жил и писал Тертуллиан и, конечно, вопрос о денежных ссудах, кредите не мог остаться у него не затронутым. И опять-таки христианский писатель не отрицает самой возможности ссудных операций, — он только предостерегает христиан от сделок с язычниками, дабы не приходилось клясться богами при составлении долговой расписки. Пусть лучше господь избавит нас от необходимости в займе, но уж если беды не избежать, христианину следует искать помощи у братьев-единоверцев.

Одно из самых позорных учреждений римского мира — рабство, превращавшее сотни тысяч людей в бесправные существа, в «говорящие орудия», в «человеконогих», если пользоваться терминологией того времени. У страстного карфагенянина Тертуллиана, охотно и гневно обличающего пороки римского общества, мы напрасно бы стали искать осуждение рабства. Посмотрите на себя, обращается он к язычникам, приглядитесь

к развращеииости ваших иравов, к роскошиым пирам, к серебряиой утвари, к пьяиству, — ио где же ярость проповедиика, встающего иа защиту людей, ежедиевио пытаемых, людей, чье человеческое достоинство попраио, людей, иедоедающих и иедосыпающих, тех бесчислеииых тружеииков, кто создавал возможиость для роскошиого безделия богачей? Может быть, Тертуллиаи ие заметил рабов? Нет, коиечио, ои ие раз упомииает о иих. Одиако карфагеиский юрист ие видел и ие хотел видеть, что бесправие рабов — страшнейшая язва совремеиного ему строя. Рабство было привычиым для Тертуллиаиа иистптутом, и проповедиик христианства ие помышлял о его уничтожении. Рабству — вместе с торговлей, вместе со ссудиыми операциями — отводил он свое место в христиаиском обществе.

Больше того. Тертуллиаи, упомииая о рабах, ие может удержаться от преиебрежительиой усмешки. Подумать только, ие одии сеиаторы пируют иа серебре (это уж куда ии шло!), но вместе с иими вчерашиие рабы, едва освободившиеся от цепей. «Рабы по врождеииой злобе своего сословия, — восклицает ои, — вседиевио иас преследуют, всединевио иам измеияют, весьма часто вторгаются в иаши собраиия иасильствеииым образом!» Рабы по самой своей природе — иаши враги, повторяет Тертуллиан. Природиая враждебиость рабов к христиаиам, врождеииая злоба рабского сословия — ярче трудио выразить свое отношение к рабам!

Коиечио, и среди рабов есть христиаие. Иные из иих оказываются под властью язычииков-господ. В такой ситуации Тертуллиаи готов сказать доброе слово о рабе, ио ои сострождет не рабу, а единоверцу, ие бесправие иевольиика, а муки христиаиина остаиавливают иа себе виимаиие Тертуллиана.



Среди сочииеиий Тертуллиаиа два специальио адресоваиы жеищииам-христиаикам. Одио иазывается «О жеиских украшеииях», другое — «Об одеяиии жеищии». Тертуллиаиа беспокоит интерес сестер-христиаиок к собствеииой иаружиости, пристрастие к золотым кольцам и ярким тканям, забота о прическах. Вы ма-

жете свои волосы, чтобы сделать нх белокурыми, словио у гермаиских жеищин, негодует Тертуллиаи, ио, наснлуя природу, только становнтесь безобразнее. «Хрнстиаика делает нз головы своей подобие жертвеииика, на который возливает миожество благовоиий. Не подобие ли это жертвы иечистому духу? Не лучше ли было бы обратить вещества сии иа употребление благочестнвое, полезиое и иужиое, для которого оии сотворены богом?» Жеищнны облачаются в пестрые ткаии и кощунствеино утверждают, будто бог сам создал краски н научил людей окрашивать полотио и шерсть. Тертуллиаи издевается иад иелепостью этих утверждений: «Видимо, бог в иачале мира позабыл сотворнть овец красиых нли голубых и потому впоследствнн открыл тайну, как придавать различиые цвета ткаиям, чтобы еще большую цениость приобрела их тоикость и легкость!» Сказаио со страстью, хотя и не очеиь убедительно: как много вещей бог «позабыл» создать «в начале мнра», и людям своим трудом пришлось восполнять эту оплошиость. Одиако ие будем полемнзировать с Тертуллиаиом — вернемся к его рассуждеииям.

Особеииый его гиев вызывает изобилне золотых и серебряиых украшенній иа руках, в ушах, иа шее хрнстиаиок. Ои дает себе волю, ои нздевается, ои высмеивает безделушки, создаииые с огромным трудом из материалов, которые сами по себе ии иа что ие пригодиы. «Пусть люди, привязаииые к золоту и серебру, покажут мие, какое можно сделать нз иих полезиое и нужиое употреблеиие... Никогда земля не была обработана золотом и корабли ие строились из серебра. Никогда золотой меч ие защитил иичьей жизии и серебряиые стеиы не служили для людей оплотом ии против иепогод, ии против иеприятельских иападений». А что говорить о драгоцеииых камиях, которые ие годятся ии под фуидамеит здаиия, ии для крепостных валов, ии для устройства террас, а служат только одиому — удовлетвореиию женского честолюбия.

Не справедливо ли, продолжает Тертуллиаи, что многие иароды с преиебрежеиием отиосятся к этим бесполезиым материалам, а парфяие и мидяие куют нз золота цепи для рабов и преступников? У парфяи и мндяи те иесчастиые, чье миимое богатство больше, отягчены более тяжкими оковамн.

Огромиые богатства растрачиваются зря. «Мы вн-

дим разорение знатнейших фамилий от приобретения каких-нибудь ящиков и шкатулок; видим вуали, стоящие до двадцати пяти тысяч золотых монет; видим стоимость целых лесов и островов, украшающих нежную головку, видим несметные доходы, висящие в ушах честолюбивой красавицы». Разве нет для них лучшего употребления?

Давайте остановимся и спросим себя: к кому, к какой аудитории обращал свои гневные слова Тертуллиан? Кто эти женщины-христианки, сооружающие жертвенник из своих волос, одетые в голубые и красные ткани, женщины, украшающие себя золотом, серебром, драгоценными камнями? Кто они — может быть, рабыни, целый день торопливо снующие в кухонном чаду? Или крестьянки, вместе с мужьями возделывающие крохотный садик? Жены грузчиков и сапожников, каждый день ломающие себе голову, где бы раздобыть ячменную лепешку для оравы голодных детей?

Смешные и нелепые вопросы. Конечно, не рабыни и не жены ремесленников появлялись на молитвенных собраниях в жемчугах и бесценных вуалях, не они стремились превзойти подруг обилием золотых браслетов и ожерелий. Те, к кому обращался Тертуллиан, были состоятельными людьми.

Пусть в обращенных к женщинам сочинениях Тертуллиан ради декламации допускал значительные преувеличения. Пусть не 25 тысяч золотых монет стоили вуали, в которых шествовали по улицам Карфагена нарядные христианки. Самая злободневность вопроса о женских украшениях немыслима, если не допустить, что какая-то часть христианской общины Карфагена состояла из имущих.

Конечно — лишь часть общины. «В церкви нашей немного богатых», — писал Тертуллиан. Но эти состоятельные люди сумели распространить свое влияние на всю общину, и идеи самого Тертуллиана отвечают интересам тех, чье экономическое положение устойчиво. Нам уже известно и безразличие Тертуллиана к рабской доле, и его забота о поддержании традиционных хозяйственных отношений, и готовность платить налоги. Нет, Тертуллиан отнюдь не радикал, не ниспровергатель устоев: за страстной несдержанностью его речей не гремит набат революции!

Больше того, Тертуллиан боится народа. Ему ка-

жется, что главный враг хрнстиаи — языческая чернь. Оиа в любой момент готова подняться протнв приверженцев новой релнгии, готова крнчать: «На растерзанне львам!»

КАКОЙ ⊛ БОГАЧ СПАСЁТСЯ ?

Современником Тертуллиана был александрийскнй священник Климеит. Как и Тертуллиан, он вышел из семьи язычников, получил первоклассиое образоваиие и после долгих размышлеиий и сомиеиий сделался приверженцем иовой религин. Он поучал своих слушателей, что́ нужно есть н пить христианнну, какой обзаводиться мебелью и посудой, что́ надевать, как стрнчь бороду. Из советов Клнмеита Александрийского, как н нз речей Тертуллиана, можио заключить, что средн его единоверцев былн н богатые люди. Их имел в внду Климент, иазывая поварское искусство самым вредиым, порицая тех, кто живет только для того, чтобы есть, а не ест для того, чтобы жить. Эти люди сумелн даже вечера братской любви превратить в пнрушкн, где наслаждаются изысканными яствами, где столы заставлеиы горшками и нзмараиы кухоииой копотью.

В домах христиан полно стекляииой посуды, украшенной серебром; нм подают иа серебряиых блюдах; оин облачаются в пропнтаииые духами одежды зелеиого, розового, алого, оливкового цвета.

Бессмысленная роскошь возмущает Климента, ио не думайте, что сам он поборник всеобщего равенства, враг богатства. Неужели Христос требует, спрашнвает Климеит, чтобы каждый оставил свое имущество, отказался от своего богатства? И тут же отвечает: отиюдь иет. «Господь ие осуждает богатства н не лишает людей небесного наследня за одно то, что оии богаты, особеиио когда онн ревностны в нсполненнн его заповедей. В самом деле, чем вниоват тот, кто еще прежде прнннятия веры трудом н бережлнвостью собрал себе достаток для обеспечения своей жизни? Равиым образом, можно лн вииить того, кто самнм рожденнем своим поставлен средн могущества, богатства н почестей, помимо собственной воли»?

Разве не сам бог, продолжает Климент, дает блага временные, которыми так хорошо можно пользоваться, соблюдая скромность и целомудрие. Нет, не богачи вызывают ненависть Климента, а нищие лизоблюды, жалкие льстецы, вымаливающие у них подачки. Богач, правильно использующий свое имущество, непременно спасется.

Климент, как и Тертуллиан, обращался к состоятельной аудитории.

Но тут мы в недоумении: если христианство начала III века оказывается движением, не требующим общественного переустройства, движением, далеким от рабов и сторонящимся городской бедноты, движением, где важную роль играют всякого рода торговцы, владельцы мастерских, собственники поместий и кораблей, — если все это так, то что же могло вызвать к жизни антихристианские гонения при Деции и Валериане?

Дело заключается в том, что христианство III века, хотя оно и было движением по преимуществу зажиточных слоев римского общества, все-таки являлось враждебным римскому государству.

Римская империя была огромным государственным механизмом, подчинившим себе сотни мелких и крупных городов во всем Средиземноморье. Этот механизм действовал в интересах сравнительно небольшой кучки сенаторов — богатых рабовладельцев, собственников огромных поместий, самых высших должностных лиц. Конечно, время от времени внутри сенаторского сословия возникала свара, одна группировка набрасывалась на другую, потерпевших поражение казнили, ссылали, лишали имущества. Бывало и так, что римское правительство, боясь народного гнева или трепеща перед солдатскими требованиями, жертвовало кем-нибудь из сенаторов, сумевших навлечь на себя особенно сильную ярость. Но то были лишь отдельные передвижки, незначительные изменения, не касавшиеся существа строя: богатство и власть в Римской империи продолжали принадлежать сенаторскому сословию.

Помимо армии и чиновничества, сенаторы пользовались поддержкой значительной части горожан, и это не удивительно: многие ремесленники обслуживали потребности знати, сенаторы устраивали зрелища на стадионе и в амфитеатре, сенаторы тратили большие средства на подкармливание бедноты.

И вместе с тем немало горожан (и в том числе зажиточных купцов, владельцев мастерских и полей) отчетливо ощущали тягость гнета римского государства. Это были люди, вполне удовлетворенные экономическими условиями рабовладельческого общества, но возмущавшиеся государственным гнетом: это были люди, в хозяйственном отношении независимые, но все же недостаточно богатые и влиятельные, чтобы мечтать о сенаторском звании. Это была, короче говоря, аудитория Тертуллиана и Климента.

Чего же они хотели? Независимости от государства.

Тертуллиан обрисовывает политическую программу своих единоверцев. Церковь должна стать независимой общиной, отношения которой с государством сводятся преимущественно к аккуратной уплате податей. Христианину не подобает служить в армии, ему следует уклоняться и от гражданской государственной службы. Тертуллиан оправдывает воина-христианина, нарушившего воинскую дисциплину, когда она вступила в противоречие с его религией. Оставьте нас в покое, не вмешивайтесь в наши дела, — вот что он требует от государства для христиан.

Особенно отчетливо стремление христианской общины к обособлению выражалось в отказе поклоняться императору. Римское правительство терпело любые религии, но на одном условии: ты мог считать своим богом Зевса Олимпийского или плещущегося в Ниле крокодила, но как подданный империи ты обязан был совершать жертвоприношения в честь императора. Все религии так или иначе смирились с этим требованием — христианство упорно отказывалось воздавать правителю божественные почести. Император оставался для христиан человеком, богом был Христос.

ОБЩИНА ИЗБРАННЫХ

Христианская община должна быть сплоченной. «У нас все общее», — утверждает Тертуллиан. Это не значит, конечно, что христианская церковь установила общность имуществ, покончила с частной собственностью. Тертуллиан имеет в виду нечто совсем иное — развернутую и гибкую взаимопомощь, поддерж-

ку единоверцев, щедрую милостыню, помощь беднякам. «Мы считаем за долг давать просящим, — заявляет Тертуллиан и добавляет иронически. — Пусть Юпитер протянет руку, мы и ему подадим».

Христиане собирались на совместные трапезы, на так называемые агапы — вечера братской любви. Они молились сообща, обсуждали свои дела, а вместе с тем такие вечера были поддержкой для беднейших, даровыми обедами. Христиане активно помогали единоверцам, попавшим в беду, — история Перегрина-Протея, рассказанная Лукианом (о ней у нас шла речь в предыдущей главе), — прекрасное свидетельство сплоченности христианской общины.

Об этой сплоченности, стойкости, единстве христианской церкви всего более и хлопочет Тертуллиан.

Единство общины должно зиждиться прежде всего на высоком моральном уровне ее сочленов. Христиане, спешит заверить Тертуллиан, обращаясь к римскому наместнику, «никогда не утаивают вверенного им залога» — честность в делах ставит карфагенский правовед на первое место среди христианских добродетелей. Но это — не единственное достоинство его единоверцев: христиане всегда покровительствуют сиротам, питают бедных, никогда не воздают злом за зло. Он утверждает, что среди христиан вообще нет преступников. «Бывает ли между подобными злодеями, — патетически вопрошает Тертуллиан у язычников, — христианин или между приводимыми к вам христианами хоть один бывает ли обвинен в подобных преступлениях?» Конечно, нет, отвечает он сам и обосновывает свой ответ хитроумным аргументом, достойным римского адвоката: «Если же человек виновен в каком-нибудь преступлении, то он, конечно, не христианин». Христианская община представляется Тертуллиану светочем добродетели среди моря зла и нечестия.

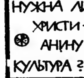
Впрочем, этот высокий моральный уровень христиан — лишь мечта Тертуллиана. О честности и невинности своих единоверцев он говорит в сочинениях, направленных, так сказать, на внешний рынок, — обращенных к язычникам, к римским властям. Когда же Тертуллиан адресуется к собратьям, в его голосе звучат иные нотки: они, которым не следовало бы и помышлять о завтрашнем дне, кому надлежит освободить свою душу от суетных устремлений, — они (подумать только!) за-

ботятся о богатстве и почете, горюют, увидев в зеркале свои седые волосы, украшают себя драгоценными камнями и смакуют изысканные блюда. «Изнуряй свою плоть, — требует Тертуллиан от «брата возлюбленного», — и ты обогатишь дух свой». Для тебя желудок является богом, повар — священнослужителем, а отрыжка — пророчеством, тогда как христианину надлежит поститься. Одевайтесь скромнее, без устали повторяет Тертуллиан...

Видимо, реальное положение в карфагенской общине заметно отличалось от идеала Тертуллиана, представлявшего в своих мечтах христианскую церковь маленькой сплоченной сектой добродетельных аскетов.

Важнейшее достоинство христиан, согласно Тертуллиану, это стойкость. Христианская церковь должна стать воинством, где для трусов нет места. Христианину следует терпеть поношения, насмешки, преследования. Если ему суждена мученическая смерть, — пусть он примет ее. Бегство от мучений недопустимо. Аскеты в жизни, христиане остаются стойкими перед угрозой гонений.

И опять-таки идеал Тертуллиана разбивается о предательскую действительность! Стоило только начаться массовым гонениям, как среди «наших», среди «верных», среди «братьев» оказалось множество людей, готовых бежать, скрываться, покупать сертификаты, приносить жертвы, даже хулить Христа — лишь бы не конфискация имущества, не каторжные работы, не смерть.



Обособляя христиан от империи, Тертуллиан порывает и с языческой культурой. Сам он прошел хорошую школу, начитан, спокойно оперирует бесчисленными фактами римской истории, помнит наизусть греческих авторов, но все эти знания кажутся ему столь же ничтожными, как и развлечения языческого мира.

Тертуллиан отвергает все, что связано со стадионом и амфитеатром; бег колесниц, выступления актеров, гладиаторские бои — для него лишь непотребные бесовские игрища. Тертуллиана пугает та накаленная

атмосфера представлеиий, когда зритель забывает о себе, о дисцнплнне, о морали — н остается только жажда победы, только запах лошадииого пота, только вопль толпы, сгустившнйся иад беговой дорожкой. Тертуллнан, впрочем, вообще боится толпы, бонтся массовых действнй — его протест комнатный, его ндеал — не бунт, а терпенне. Не только стадион, ио всякне народные сборнща, празднества, пляски вызывают паннку н презреиие в душе Тертуллиаиа.

Неиавнсть хрнстиаиина к стадиону понятна, ибо иа стадиоие не раз распаленная страстью толпа крнчала: «На растерзанне львам!» Но вместе с гладнаторскимн боями, вместе с иародиыми плясками н игр根н, вместе с бегом колесннц Тертуллнан отвергает н все создаиное человеческнм гением.

Учеине Христа раз н навсегда установнло сумму знанй н норм, необходнмых человеку. Зачем знать больше, чем зналн апостолы — ученнкн Христа? Твердо знать его заповедь, беспрекословио вернть в нее, руководствоваться ею, и только ею, в каждом практнческом вопросе — вот прямой долг христианнна. Коиечио, в таком случае не остается места нн для любознательиостн, нн для самостоятельного мышления — да, впрочем, к чему онн в общине подчннившихся еднной воле аскетов? Любознательиость н самостоятельиость немннуемо прнведут к ереси, к заблуждению, к отходу от нстнниной веры.

«Нет ереси, — заявляет Тертуллнан, — которая бы ие нмела начала в фнлософнн». Ои проклннает дналектнку Аристотеля, которой пользовались еретнки, отстанвая свон заблуждеиия. Он с радостью ожидает страшиого суда, когда философы вместе со свонми учеинкамн будут ннзвергнуты в пламеиь, когда поэты будут трепетать перед суднлнщем Хрнста, когда сочииители трагеднй оплачут собствеиные страдаиия. Вот иаграда, которая ждет творцов языческой культуры.

Пусть величайшне мудрецы древиости создавали нзощренные фнлософские системы, ио все это было бесплодиым, нбо онн ие познали бога. Простой ремесленник, если ои хрнстнаннн, стонт выше Платона, потому что ему открыта нстина. Так на что же быть мудрым, как Платои?

Разум оказывается беспомощным, и только вера, ие нщущая ин виутренией связи, ни обоснований, откры-

вает путь к богу, а следовательно, — к блаженству. «Верю, ибо абсурдно», — провозглашает Тертуллиан, подчеркивая, что вера лежит за пределами доступных рассудку явлений.

Тертуллиан отвергает и изобразительное искусство. Оно было создано диаволом, уверяет Тертуллиан, и послужило основой для идолопоклонства, для одного из самых страшных грехов. Безразлично, сделано ли изображение скульптором или гравером, из мрамора или бронзы, — оно всегда идол, и всякая помощь в изготовлении изображений — есть идолопоклонство.

Если Тертуллиан еще готов с уважением отозваться о великих мастерах древности, например о Фидии, то современные ему живописцы вызывают лишь гнев и насмешку: некто Гермоген, «человек нашего времени», изображает языческих богов — и это представляется христианскому проповеднику преступлением едва ли меньшим, нежели ересь того же Гермогена, утверждавшего, что материя не сотворена богом.

Мы наблюдаем примечательное явление: исчезла вера в творческую силу человеческого гения. Ни мастерство, ни веселье, ни разум не нужны христианской общине: некоторое количество прописных истин — вот и весь умственный багаж, необходимый и достаточный для подлинного счастья. Верующему следует прежде всего «изучить истину, приобрести настоящую науку» — тогда он с презрением отвергнет все прочее.

ЗА ЧТО ЖЕ ПРЕСЛЕДУЮТ ХРИСТИАН?

Итак, христианская община в Карфагене к началу III века была довольно значительной и экономически устойчивой организацией. Среди ее сочленов, видимо, большим влиянием пользовались состоятельные люди. Интерес, проявляемый Тертуллианом к торговле, к ремеслу, к финансовой деятельности — существенный признак этого: недаром верность своим денежным обязательствам он объявляет первейшей христианской добродетелью.

Христианская церковь начала III века не требовала социального переворота: мир, основанный на рабстве и частной собственности, вполне устраивал Тертуллиа-

на. Едниствеииое, что «честиые купцы» готовы были выделить хрнстиаиской бедиоте, — участие в совместных трапезах и милостыню.

С Римской империей христиаие соглашались примириться и быть достойиыми гражданами, аккуратно уплачнвающими иалогн. Больше иичего нх ие иитересовало: пусть государство живет само по себе и позволит нм жить самим по себе; выражеиием этой иезависимости и являлся отказ христиаи поклоияться императору. Церковь еще ие мечтала о завоевании мира: идеал Тертуллиаиа — аскетическая община избраиных, свободиая от вмешательства государства.

Отгораживаясь от нмперии, христиаие противопоставляли свою веру антнчиой культуре. Им ие иадо было ии философии, ии поэзии, ии скульптуры — им все замеияла божествеиная проповедь, вера в Христа.

И тут мы приблнжаемся к ответу на вопрос, поставлеииый в коице прошлой главы. Конечио, чисто фннаисовые соображеиия сыграли иемаловажиую роль в оргаинзации гоиеиий иа христиаи при Деции и его преемниках. Эти соображения во всяком случае определили те формы, в которые вылились преследоваиия, — коифискация имущества состоятельиых христиаи была заманчнва для оскудевшей казиы. Однако враждебиость Рнмской империи к христианам имела более глубокие причины.

Христианство в иачале III века представляло собой снльную оргаиизацию, оказывавшуюся вие государствеиного коитроля. Не помышляя об уничтожеиии экономических устоев, христиаиство было живым протестом против политнческого гиета. Сотни и тысячи горожан собирались в христиаиских общииах, демонстративно объявляя о своем преиебрежеиии отеческой религней, государствениой службой, традициоииой культурой.

Чем дальше, тем больше римское государство стремилось вмешиваться в частиую жнзиь граждаи, регламентнруя отиошення в семье, веру, образоваиие — христнане же отгораживались от государства, создавали свой культ, свою мораль, свое милосердие. Римское государство давно уже использовало политику «хлеба и зрелищ» (раздачу дешевого пропитания и устройство даровых развлечеиий) для подкупа значительных слоев городской бедноты — христнаиство осмеивало зре-

лища и вместо государственного хлеба предлагало церковную милостыню беднякам. Римское государство нуждалось в войсках — церковь формировала собственное «воинство Христово», не желавшее повиноваться солдатской дисциплине.

На первых порах христианство вызывало насмешки, случайные вспышки и расправы в отдельных местах — к середине III века государство почувствовало силу церкви и сделало попытку ее уничтожить. Но было уже поздно.

Мы помним, что начало гонениям положил Деций, поклонник сената и почитатель римской старины; что одним из наиболее жестоких гонителей новой религии был Диоклетиан — тот император, который сознательно стремился к восстановлению обветшалых римских традиций и вместе с тем полагал, что лучшим средством к этому был бы мелочный контроль за всей хозяйственной деятельностью, за всем поведением граждан.

Теперь становится понятным, почему осуществление политической программы Диоклетиана переплелось с гонениями на христиан, отстаивавших свою независимость и враждебных римским традициям.

Но ирония судьбы заключалась в том, что к моменту больших гонений в середине III века влиятельные слои в христианской церкви все настойчивее начинали искать примирения и союза с государством.

ФАНАТИК И УЧЁНЫЙ

В ту пору, когда Тертуллиан писал свое первое сочинение, Оригену было чуть больше десяти лет; когда Тертуллиан скончался, Ориген находился в расцвете славы. Они были современниками и вместе с тем принадлежали к разным поколениям.

Трудно представить себе двух более разных людей, чем Тертуллиан и Ориген. Тертуллиан вырос язычником и выстрадал свой путь в христианскую общину — Ориген, напротив, родился в христианской семье, учился у Климента Александрийского и воспринял новое учение как само собой разумеющееся. Тертуллиан был оратором и бойцом, он постоянно нападал и обличал, он ненавидел толпу, но он не мог бы жить без толпы,

без ее гневных возгласов н одобрнтельных клнков, его влекла людская давка, толкотия сборищ, показная роскошь жеиских туалетов — он боялся пестроты н шума, ио ие мог нн на минуту забыть о ннх. В отлнчне от иего Ориген был человеком науки: ои читал кннгн и писал кинги. Тертуллнаи требовал от другнх аскетнзма, преиебрежеиия к плоти — Оригеиу достаточио было того, что скудость его пищн н простота одежд не мешала научным заиятням. Тертуллиан всегда кнпел, Оригеи оставался спокойным, Тертуллиаи рвался спасти других, Оригеи довольствовался собствеииым спасением.

Впрочем, кабииетиая замкиутость Оригеиа не помешала ии славе его, ии завистн к нему. Его уважали не одни христиаие, но и язычникн — высшая арнстократня, члеиы императорской семьи. Его трудолюбие поражало. Ои ие зиал отдыха ни дием, ни ночью: то слнчал, то исправлял рукописн, то изучал языки, то разъяснял темиые места священиых кинг. Говорили, что он напнсал 6 тысяч киин — больше, чем другой успеет прочитать за всю жизнь. Можно было бы сравнить его с хорошо смазаииой машиной, но в Древнем Рнме не было машни.

Орнгеи жил в Александрни, в большом торговом городе Востока; его прнглашали повсюду — и он много путешествовал, побывал в Грецни н Аравии, в Малой Азии и Палестиие. Слава Оригеиа раздражала алексаидрийского епнскопа: ои ие дал Оригену стать свящеиииком, дважды прнзывал его к епископскому суду н вынудил в коице концов покииуть Александрию.

Ориген дожил до гоиенний прн Децин, от христнанства ие отрекся и был брошен в темницу. Он пробыл в тюрьме недолго, ио здоровье его было подорваио: вскоре после освобождеиия он умер.

И в своих сочиiеииях Орнген был совсем не похож иа Тертуллиаиа. Карфагеняииia интересовала практика церкви, мораль христиан. Он доказывал, что хрнстиаие иравствеииее и честиее язычников, ои обличал тех христиан, которые ие подходилн под устаиовленные им моральиые иормы. Ориген писал о другом: о боге, о сотвореиии мнра, об аигелах н падшнх душах. Но различие между обоими состояло ие только в занимавших их предметах — главиое было в том, что Тертуллнану

свойственна категоричность, узость, нетерпимость, воинственность, Оригену же — примирение.

Вы помните, что Тертуллиан отметал античную науку, античную культуру вообще. Для книголюба Оригена такой нигилизм был невозможен: конечно, и он признает христианскую веру высшей истиной, но готов допустить в греческой философии элементы приближения к богу. Более того, Ориген в самой христианской религии усматривал завершение развития греческой философской мысли.

Даже отношение к христианским догматам было у них различным. Для Тертуллиана написанное в священных книгах — это начало и конец знаний. У него нет сомнений, что для человеческого счастья большего и не нужно. У него нет сомнений и в том, что в священных книгах все изложено с предельной ясностью, что в христианских догматах нет противоречий. Дело человека — запомнить и твердо верить. Кто начинает рассуждать, впадает в ересь.

Ориген был ученым и не мог смириться с подобным ниспровержением творческих прав человека. Конечно, и для него священные книги христианской веры — объект глубочайшего почтения. Ориген без конца излагает и цитирует их: в одном только его опровержении взглядов язычника Цельса — свыше 1500 цитат из священных книг!

И все-таки можно ли относиться к священным книгам как к истине в последней инстанции, как к альфе и омеге человеческих знаний, как к пределу, которого не перейдешь? Ориген отвечает на этот вопрос отрицательно.

Прежде всего Оригена заботит, действительно ли точно изложение учения церкви в священных книгах. Этот тезис нуждается в пояснении. Дело в том, что значительная часть священных книг христианской церкви была написана на древнееврейском языке и переведена затем на древнегреческий. И вот Ориген составляет колоссальную сводку — шесть параллельных столбцов: еврейский текст священных книг,

греческая его транскрипция и несколько разных греческих переводов. Он собирает старые рукописи, сверяет, сравнивает их тексты и с научной одержимостью пытается установить подлинное звучание священных книг.

Но установление текста — еще полдела. Важно, как понять этот текст.

Ориген утверждает, что высшая мудрость, выраженная в священных книгах, не всегда открывается при буквальном понимании. Иногда мысль слишком глубока, и ее можно уразуметь с помощью аллегорического толкования. Допустим, христианские догмы обещали верующим воскресение после смерти, воскресение во плоти в прежнем облике. Язычники не раз указывали на смехотворность этого обещания: и впрямь, как это душа через долгие годы сможет обрести свое сгнившее на кладбище тело? Но для Тертуллиана нет никаких сомнений в реальности грядущего воскресения: раз об этом сказано в священных книгах, значит так оно и есть на самом деле.

Однако Ориген не может удовлетвориться таким простым решением. Нет, конечно, воскресение в старом, сгнившем, исчезнувшем теле — немыслимо, но это не значит, что священные книги нелепы. Просто соответствующие места священных книг следует понимать в переносном смысле. При воскресении, полагает Ориген, человек обретет не свое материальное тело — нестойкое, вечно менявшееся и при его жизни, росшее, старевшее, болевшее и выздоравливавшее, — но какой-то «образ» этого тела, его идеальную сущность, пребывавшую неизменной во время роста, болезней, старения...

Наконец, Ориген идет дальше и утверждает, что священные книги, установив ряд общеобязательных для верующего истин (например, вера в единого бога), тем не менее множество вопросов не осветили до конца, предоставив мудрецам решать их по-своему. Да, христианские догматы устанавливают существование души человеческой, но тщетно было бы искать в священных книгах сведения о происхождении души. Священные книги устанавливают существование диавола, но о природе диавола, о способе его действий молчат. Обо всех этих вопросах (и о многих иных), не решенных в священных книгах, мудрец имеет право рассуждать и высказывать собственное мнение.

Еще отчетлнвее терпнмость Оригена проявнлась в его ученнн о мнрозданнн.

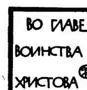
Согласно Орнгену, бог задолго до сотворення нашего матернального мнра создал разумы, наделенные свободой волн, свободой выбора. Позднее одни нз этнх разумов былн охвачены страстной любовью к богу, устремнлнсь к нему н сталн его ангелами. Другне, наоборот, нспользовалн свою свободу для того, чтобы отпасть от бога, н онн превратнлнсь в злых демонов, главный средн которых — днавол. Те же разумы, которые колебалнсь между любовью к богу н ненавнстью, сталн человеческнмн душамн. Охладевшне к богу, они перестали быть чнсто духовными сущностямн, прнобрелн плоть, занялн свое место в земном, матернальном мнре, сотворенном богом.

Вся дальнейшая нсторня вселенной заключается в борьбе за возвращенне к богу всех колеблющнхся н отпавшнх. Богу, воплощенню блага н справедлнвостн, абсолютно чуждо наснлие, он может лншь убеждать, наставлять, поучать душн — поэтому борьба, которую он ведет, нескоро завершится, но она завершнтся непременно победой бога. Все созданные нм разумы, не исключая н днавола, рано нлн поздно возвратятся к нстнне, к богу. Тогда перестанет существовать матернальный мнр, возннкший как результат охлаждення душ к божеству.

Сочннення Тертуллнана дышат борьбой н ненавнстью — ученне Орнгена обещает прнмнренне. В его воображеннн нет двух враждебных мнров: аскетов-праведннков н грешных язычннков, все — н хрнстнане, н язычннкн, н сам днавол — в свое время найдут путь к богу.

Бог Орнгена не знает наснлня, своим творениям он предоставляет свободу волн — вплоть до отпадення от божества. Этот бог ннтеллнгентный, как н его создатель, вндимо, настолько убежден в справедлнвостн свонх нстнн, что верит в самостоятельное возвращенне грешннков в его лоно. Бог Орнгена не ведет войны с днаволом, он терпелнво выжндает.

Прнзнанне антнчной культуры, щедрое дарование надежды всем — даже стоящнм вне хрнстнанской общнны — разве это не отчетлнвые прнзнакн стремлення не просто к мнру с нмперней, но н к тесному союзу с ней?



Пожалуй, еще яснее перемены, совершившиеся в христианской церкви на протяжении первой половины III века, обнаруживаются по сочинениям карфагенского епископа Киприана. Мы уже упоминали о нем в предыдущей главе: он был казнен во время гонений на христиан при императоре Валериане.

Киприан происходил из семьи крупных землевладельцев. Когда он принял христианство, то часть своих земель продал, а деньги роздал беднякам, но и после того у Киприана оставались сады возле Карфагена и средства, чтобы постоянно помогать церкви. Может быть, его богатство послужило одной из причин, почему в 248 году Киприана, «нового человека» в христианской общине, только еще принявшего веру, избрали епископом.

Тертуллиан был по преимуществу проповедником. Ориген — ученым богословом, Киприан — организатором и полководцем «воинства Христова». Он действовал в пору гонений Деция и Валериана, и его задача состояла не в том, чтобы доказывать преимущество новой веры перед отеческой религией, а в том, чтобы сохранить церковь как организацию.

В обширной переписке Киприана настойчиво проводится одна идея — церковь должна быть единой и слепо подчиненной своему епископу. Епископа поставил господь, кто не с епископом, тот не в церкви, не устает повторять Киприан. «Ереси возникают и расколы рождаются только тогда, когда не повинуются епископу и забывают, что один в церкви на время священник и один на время судья, наместник Христа». Идеал Киприана — не община равных, объединенных одной верой, а дисциплинированная организация, подчиненная единой воле своего вождя — епископа.

В соответствии с этим Киприан по-иному относился к мученичеству, нежели его предшественники.

Тертуллиан сталкивался со случайными гонениями, с изолированными вспышками ненависти к христианам — и он восхвалял мученичество как образец поведения. Христианин должен терпеть и не смеет бежать мученического венца, так полагал Тертуллиан. При Киприане меч навис над церковью и казнь грозила

каждому более или менее заметному члену христианской общины: добровольно идти на смерть в этих условиях означало бы погубить всю организацию.

Поэтому Киприан держался иной линии поведения. Конечно, тот, кто был схвачен, сослан, выдан палачам, должен держаться твердо, не отрекаясь от веры, не предавая Христа. В послании к христианам, отправленным на каторжные работы, карфагенский епископ заклинал их оставаться стойкими: «Тела не нежит в рудниках постель и перина, но его подкрепляет Христос своею прохладой и утешением. Утробы, изнуренные трудами, лежат на голой земле, но лежать с Христом — не наказание. Обезображенные и измаранные, немытые члены не знают бани, но духовно омывается внутри то, что вовне осквернено телесно. Мало там хлеба, однако не единым хлебом жив человек, но и словом божиим»...

И все же страдания не самоцель, и лучше бежать, чем отдаться в руки гонителей. «Господь заповедал скрываться и убегать во время гонения, — наставлял Киприан. — Так он учил и так сам поступал».

Не только стремление сохранить церковь заставляло карфагенского епископа призывать к бегству: он всячески подчеркивает свое нежелание вызвать недовольство государства. Ему не нравится неумеренная смелость иных христиан, их «бесстыдная кичливость», раздражавшая власти. Оправдывая собственное бегство из Карфагена, Киприан заявлял, что поступил так не из стремления сохранить свою жизнь, но боясь, как бы его присутствие в городе не привело к еще большему накалу страстей.

Когда первая волна гонений спала и указы Деция были отменены, Киприан обрушился на падших, на дрогнувших, на тех, кто согласился пожертвовать Христом. Для него нет сомнений, что причина слабости — «слепая любовь к наследственному достоянию», что предателями оказались «рабы своего богатства», «невольники своих денег».

Богатые не вынесли преследований, отреклись от веры, — впрочем, мы помним, что удар-то как раз и был нанесен по имущей части христиан, по богатым и чиновным из их среды.

Но одно дело — порицать нестойких, другое дело — отсечь их от церкви, когда пора гонений прошла и когда падшие вновь хотят быть принятыми в лоно хри-

стианства. Как поступить с падшими? Можно ли их вновь принять в общину? Церковь была охвачена волнениями, спорами: одним казалось, что общение с падшими загрязнит праведников, другие боялись, что, отвергнув нестойких, церковь потеряет массовость, лишится притока богатств, напугает колеблющихся.

В спорах тех лет отчетливо вырисовывались политические идеалы карфагенского епископа.

К сожалению, мы знаем об этих спорах главным образом по письмам самого Киприана, а он не стесняется со своими противниками, обвиняет во всевозможных грехах, называет грабителями и обманщиками.

О чем же шел спор?

ОБЩИНА ИЗБРАННЫХ ИЛИ БОГАТАЯ ЦЕРКОВЬ?

Во-первых, спор шел о том, кто может даровать прощение падшим — мученики ли, те, кто во время гонений был брошен в темницу, сослан, кто страдал и не отрекся от Христа, или же епископ, нашедший безопасное пристанище и посылавший оттуда наставления и поучения своей пастве? Киприан безоговорочно высказался в пользу епископа, но он столкнулся с серьезным сопротивлением. Одним из вождей оппозиции в Карфагене оказался некто Лукиан, «давно уже (по словам Киприана) поставивший себя руководителем несведущего простонародья»; его поддерживали работница Павла и погонщик мулов Солиас.

Иначе говоря, оппозиция Киприану и его идее о сильной дисциплинированной церкви, руководимой епископом, исходила из демократических кругов, где мученики вызывали восхищение, а сам Киприан, бежавший и бросивший свою паству, — насмешки.

Во-вторых, спор шел о том, сколь строго надо обходиться с падшими. Наиболее радикальное решение этого вопроса отстаивал римлянин Новатиан, образованный христианин, философ и оратор. Если верить Киприану, Новатиан выступил исключительно потому, что провалился на выборах: вместо него римским епископом избрали Корнелия, который, кстати сказать, сам не устоял во время гонений и теперь энергично ратовал за дарование мира падшим. Впрочем, какие бы

личные мотивы ин руководнли Новатианом, его поддержали шнрокне круги.

Новатнан продолжал по существу линию Тертуллиана, утверждая, что церковь — это общество святых, «чнстых»; она не может поэтому легко прощать тех, кто совершил тяжкнй грех, н, следовательно, не может отворить свон двери для падшнх — ведь общенне с грешниками лншит чистых нх святостн.

Такое последовательное решение вопроса казалось для многих прнемлемым, но не для Кипрнана. Конечно, он не склонен был допускать снова в церковь всех н каждого, даже не требуя покаяння, по простому решению кого-то нз «верных», но он не хотел согласнться н с Новатианом: церковь Киприан не рассматривал как общнну немногочисленных аскетов, готовых безрассудно на любую жертву, — он стремился к созданию сильной и гибкой организации, умеющей выстоять, но умеющей также н отступить, не боящейся борьбы и не боящейся компромнссов.

Для Кнпрнана важна была не «чнстота» церкви, а ее снла, гнбкость н дисцнплиннрованность.

Откуда же появилась гнбкость, нежелание чрезмерно раздражать власти, склонность к компромнссу?

Христианская церковь на протяженин первой половины III века осознала, что у нее есть что́ терять. Как Кнпрнан ни осуждает «невольников своих денег», нельзя не видеть, что церковь в середине III века была сильна своим богатством. В ее ряды влилось немало состоятельных людей, ее кассы распоряжались солидными суммами. Тертуллиан боялся внешних проявлений богатства: роскошных украшений, соблазнительных одежд — теперь появнлись гораздо более грозные симптомы. «Весьма многие епископы, — жалуется Киприан, — которые должны бы увещевать других н быть для них примером, на самом деле, забросив божественное, стали заботиться о мирском; оставив кафедру, покинув народ, они скитаются по чужим областям, стараясь не пропустить торговых дней ради корыстиой прибыли, н покуда братья в церкви голодают, они, увлекаемые любостяжанием, коварно завладевают братскими доходами н, давая взаймы, увеличивают свои барыши».

Киприан может метать громы н молнии в адрес любостяжателей, но его собственная деятельность немыс-

лиша без сильной церковной организации, без хорошо налаженной переписки, без регулярно собираемых совещаний епископов, без щедрых раздач милостыни, — на все это нужны деньги. Деньги нужны для строительства храмов, для организации школ, для переписывания священных книг!

И вот создается положение, из которого только два выхода: либо назад, к общине «чистых», как предлагал Новатиан, — к общине, которая готова погибнуть, но не в состоянии победить, либо же — к мощной, влиятельной, разветвленной организации, к гибкой и богатой церкви. Киприан избрал второй выход и — может быть, вопреки собственному характеру — оказался перед необходимостью компромиссов.

Пусть сам он кончил жизнь на плахе: создание богатой и гибкой церкви подготавливало эдикт Галерия.

Но не только тактические причины порождали стремление Киприана к компромиссу с империей.

Тертуллиан верил, что с утверждением христианства мир стал лучше. «Вспоминая о несчастиях, постигавших землю в прежние времена (так рассуждает Тертуллиан), мы видим, что с тех пор, как существуют христиане, люди наказываются с меньшей строгостью; с того времени невинность уравновешивается с преступлением — земля нашла ходатаев перед богом». Если случается засуха, христиане постом и молитвой склоняют бога простить согрешившее человечество.

Киприан живет в трудные для империи времена. Обострились социальные противоречия; всюду кипит то скрытая, то явная борьба; варвары прорвали границы государства и захлестнули окраинные провинции. Киприану кажется, что мир одряхлел, прежние основания его расшатались, в нем нет той крепости и устойчивости, какая была когда-то. Нет более обильных дождей, питающих семена, нет летнего жара для созревания плодов; исчерпаны запасы мрамора, истощились рудники, не хватает земледельцев, матросов, солдат. Мир стоит на краю гибели — «так солнце перед своим закатом бросает уже менее яркий и горячий свет».

О, сколько раз в трудную пору появлялись подобные пророки, предсказывавшие близкий конец света, а мир все еще цел, и обильные дожди питают брошенные в землю семена, и летний жар согревает растущие плоды!

Киприан полагал, что придет час, когда этот мир погибнет, когда христиане воскресиут для вечного блаженства, а язычников будет терзать неугасимый огонь, но как жить теперь, пока дряхлый мир еще существует, пока кругом творятся беззакония? Киприана страшит нарастание социальной борьбы: дороги стали непроезжими из-за разбойников, на морях тиранствуют грабители, от злодейств и грабежей граждане терпят больше, чем от варварских вторжений. В самой церкви поднимает голову «несведущее простонародье». Кто даст покой истерзанной и обессиленной стране?

Киприан еще не решается сказать то, что было ясным для Лактанция и Евсевия: только прочный союз с империей может защитить богатую церковь. Но уже его современник Павел Самосатский, епископ крупнейшего из сирийских городов — Антиохии, осуществляет на деле союз церкви и государства.

ЕПИСКОП НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Павел стал антиохийским епископом около 260 года, когда восточные области империи на короткое время обособились и создалось независимое царство со столицей в Пальмире. Энергичный и образованный епископ Антиохии пользовался настолько большим авторитетом у пальмирских правителей, что вскоре получил и светскую власть в родном городе. Павел носил роскошные одежды, его сопровождала свита телохранителей, и всем своим образом жизни он напоминал богатого и культурного римлянина, а не христианского епископа. Даже читая проповеди, Павел подражал приемам светских ораторов: топал ногами, хлопал себя по бедрам.

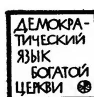
Вступая в тесный союз со светской властью, Павел Самосатский смело обращался с церковными обычаями: дерзко отзывался об умерших учителях, отменил церковные песнопения и вводил новые гимны, прославляв-

шне его самого. Он был не слишком строг к прегрешениям христиан, хотя сам отличался безупречной нравственностью.

Много было у него сторонников, утверждавших, что антиохийский епископ — это ангел, сошедший с небес, но все же Павел слишком обгонял свое время. Час союза церкви с империей еще не настал. Враги Павла обвинили его в нарушении церковного учения, осудили и отлучили от церкви. К тому же римские войска, разгромив Пальмиру, вступили в Антиохию. Потеряв и светскую и церковную должность, Павел оставил город, где долгое время пользовался невиданным почетом. Он исчез с исторической сцены, а церковные писатели объявили его еретиком.

Как видим, до середины III века Римская империя не проводила организованных гонений на христиан — она не считала христианство опасным. Но к тому моменту, как церковь из тертуллиановской общины избранных стала превращаться в мощную организацию, к тому моменту, как государство обрушило на нее серию запретительных законов, церковь, оказывается, внутренне уже подготовилась к союзу с государством: она отсекла последователей Новатиана с их негибкой непримиримостью, она возлюбила богатство, она готова была к компромиссам — и к каким компромиссам!

Что же мешало Римской империи сразу же заключить союз с церковью?



И вот тут обнаруживается одно противоречие: у богатой христианской церкви III столетия был очень демократический язык.

Мы уже знакомы с Тертуллианом. Мы знаем, что он не любил рабов, боялся городской бедноты, высоко ценил торговлю и гордился финансовой честностью своих единоверцев. Но время от времени Тертуллиан забывает о своих симпатиях и восклицает: «Царство божие не принадлежит богатым — бедные должны иметь его своим уделом!» И Киприан, видный землевладелец, сохранявший дружеские связи с карфагенской знатью, боявшийся социальной борьбы

и очень много сделавший для упрочения епископской власти и богатой церкви, — Киприан тем не менее не раз выставлял себя защитником бедняков от людей его собственного сословия. Он порицает дерзких богачей, которые присоединяют поместья к поместью и, изгнав бедных своих соседей, безгранично расширяют владения. Он порицает и властолюбие рабовладельца, который бьет своего раба, сечет его, изнуряет голодом, заковывает в цепи и бросает в тюрьму, и скупость богача, запирающего житницу перед умирающим с голода бедняком.

Современником карфагенского епископа был христианский поэт Коммодиан. Коммодиан бесконечно далек от терпимости Оригена, от политических компромиссов Киприана — он яростно обличает, он призывает гибель на голову врагов.

В фантазии Коммодиана проходят одна за другой картины будущего, которое кажется ему близким: царь беззаконный, как он именует Деция, потерпит поражение, Рим падет, и сенаторы в плену у варваров станут рыдать и проклинать своих богов. Полчища христиан поднимутся на борьбу и довершат начатое варварами: в трепете кинутся бежать нечестивые воинства, а их начальники и вожди по воле господа будут обращены в рабов. Христиане изгонят язычников, разрушат города, захватят Рим, присвоят богатства нечестивых...

Так, по Коммодиану, в огне и крови должен родиться золотой век, когда праведники воскреснут, язычники будут гореть в огне, а знатным и богатым тысячу лет предстоит влачить рабское ярмо и служить победителям.

Праведники, которым суждена победа, это христиане, но не просто христиане — это труженики, работающие в поте лица своего. Если богатый христианин хочет спастись и найти свое место в царстве божьем, пусть он сперва разделит богатство с нищим, оденет нагого, насытит голодного. Божьим гневом грозит Коммодиан богачам, вечное счастье сулит он трудящимся.

Понадобилось много лет, прежде чем властители Римской империи убедились, что угрозы христиан не опасны, что они сами не принимают всерьез собственные призывы к равенству и вовсе не жаждут социального переворота. Понадобилось много лет, прежде чем властители Римской империи убедились, что христиан-

ские епископы чтят и богатство, и рабство, являющееся источником этого богатства, и власть, охраняющую богатство.

Но на первых порах и Децию, и Валериану, и Диоклетиану в христианских призывах чудился стук мечей, пламя над виллами рабовладельцев, избиение римских граждан. Значит, не просто богатство церкви III века вызвало к жизни гонения, а гораздо более сложные причины: христианство к середине III столетия превратилось в мощную организацию, и, хотя в действительности церковь не мечтала о социальном перевороте, об уничтожении рабства и неравенства, в ее языке звучала революционная медь: угрозы богачам, прославление равенства. Пусть на самом деле одни из христиан облачались в пестрые ткани, покрывали руки золотыми браслетами, а другие питались подаянием, пусть одни из христиан были рабами, а другие владели десятками рабов, пусть одни от зари до зари трудились в мастерских и на полях, а другие отправляли за тридевять земель груженные хлебом корабли, христиане твердили: «Царство божие — удел бедняков», и грозили начальствующим и знатным вечным огнем и тысячелетним рабством.

И тут мы оказываемся перед новой загадкой: как могло случиться, что христианство, которое в III веке выступало как религия богатых, вместе с тем проповедовало равенство?

ГЛАВА IV
ЧТО ТАКОЕ
ЦАРСТВО
БОЖЬЕ?

ЧЕСАЛЬЩИКИ ШЕРСТИ, КОЖЕВНИКИ И ШЕРСТОБИТЫ

Странны и своеобразны судьбы книг! Одни, едва только появятся в свет, уже окружены прославлениями и хвалой, а глядишь, через несколько десятилетий о них никто и не вспомнит. Другие сперва не находят читателя, кажутся скучными и ненужными, и только через века вдруг приковывают общее внимание, переживают второе рождение и начинают новую жизнь. Как и люди, книги бывают гонимы: их разрывают на клочки, их бросают в костер; даже те, кто когда-то любил их, перестают читать, прячут в тайники, выбрасывают. Но книги — не люди: как часто они умирают, чтобы потом воскреснуть; казалось бы, вовсе уничтоженные, они вновь и вновь возрождаются, словно дивная птица Феникс, возрождавшаяся из пепла.

Римлянин Цельс, один из советников императора Марка Аврелия, написал, как вы помните, книгу, которой он дал гордое имя — «Правдивое слово». Это была книга о христианстве, о новой религии, которую Цельс считал нелепой. Шаг за шагом разбирая учение христиан, Цельс отвергал и высмеивал его.

Книга Цельса не пользовалась популярностью, и уже в начале следующего столетия экземпляр ее можно было добыть с немалым трудом. Когда христианство победило, его горячие приверженцы уничтожили много старых книг, и в числе других — «Правдивое слово». И все-таки книга Цельса не умерла — и помогли ее второму рождению те, кто уничтожил ее, — сами христиане.

Александрийский богослов Ориген внимательно читал «Правдивое слово» Цельса и написал пространное его опровержение. Ориген был по-своему честным ученым, и его критика не ограничивалась только бранью в адрес Цельса (так поступал, как вы помните, Киприан, полемизируя со своими противниками, а после Киприана многие другие христианские и нехристианские писатели), он всякий раз выписывал слова Цельса и уже после этого приводил свои возражения. И вот оказалось, что из отдельных цитат, разбросанных по пухлому опровержению, можно составить почти полный текст «Правдивого слова». Книга Цельса, однажды умершая, обрела вторую жизнь.

4 Заказ 606

Цельс недоволен тем, что появилась «новая порода людей» — христиане. Они объединились против всех существующих религиозных и гражданских установлений, они сходятся тайно на недозволенные собрания, они тесно сплочены, они пренебрегают и ненавистью всех порядочных людей, и судебными преследованиями. Кто же эти люди?

Христос, по словам Цельса, «собрал вокруг себя людей из простонародья, нравственно испорченных и грубых, какие обычно составляют свиту подобных знахарей и обманщиков» В свою веру, продолжает он, христиане обращают «бестолковое и низкое простонародье, рабов, женщин и малых детишек». Они раскладывают свой сомнительный товар в затхлых лавчонках, перед невежественными ремесленниками и чернорабочими, они городят свои басни перед рабами и пользуются успехом среди чесальщиков шерсти, кожевников и шерстобитов.

Цельсу вторит римский юрист и оратор Фронтон, живший в середине II века. Как и Цельс, он написал сочинение против христиан, и его сочинение, как и «Правдивое слово», было истреблено христианами. Впрочем, и книга Фронтона исчезла не бесследно: в начале III века христианский писатель Минуций Феликс сочинил диалог «Октавий», где намеревался доказать преимущество христианской веры перед язычеством. В диалоге Минуция Феликса христианин Октавий побивает язычника Цецилия, выдвигая против него примерно те же аргументы, которые выдвигал в защиту христианства и Тертуллиан; Цецилий же, как это прямо сказано в диалоге, излагает содержание трактата Фронтона. И вот мы снова можем воспользоваться сочинением христианского писателя, чтобы представить себе взгляды образованного римлянина на последователей новой религии.

Цецилий-Фронтон — защитник отеческих богов, его возмущают люди, которые дерзко восстают против старых культов, люди, составившие жалкую, отверженную, презренную секту, к которой примкнули выходцы «из самой грязи народной».

Как непохожи христиане Фронтона и Цельса на аудиторию Тертуллиана и Киприана, на «сестер», напомаженных и надушенных, на «честных купцов», на епископов, разъезжающих по ярмаркам, на «невольни-

ков своего богатства»! Христиане II века, которых наблюдали Фронтон и Цельс, собираются втайне, у них нет своих храмов — да и откуда им быть у бедняков и рабов? «Почему они не имеют никаких храмов?» — возмущается Цецилий-Фронтон; Цельс же заявляет еще решительнее: «Христиане не выносят самого вида храмов». А современники Киприана уже воздвигали церкви, имели специальные училища, собирались на съезды.

Но может быть, Фронтон и Цельс, враги христианства, неверно изобразили поклонников нового бога? Может быть, они ничего не знали о христианах — или, напротив, знали, но нарочно старались принизить их? Нельзя ли узнать, что говорили о себе сами христиане II века нашей эры?

Ветхий и завет

Мы обратимся теперь к священным книгам христиан, которые они называют библией. Библия — греческое слово, в переводе на русский язык оно означает просто «книги». Библия состоит из двух частей, первая из них называется Ветхий завет, вторая — Новый завет.

Обе эти части возникли в разное время и даже написаны были на разных языках.

Ветхий завет — сборник преданий еврейского народа. В него вошли древние легенды о том, как бог сотворил мир и поселил в райском саду первых людей — Адама и Еву. И легенды о благочестивых патриархах — Аврааме, Исааке и многих других, об их женах и рабах, об их обильных стадах и о благожелательном отношении бога к ним. И легенды о Моисее, который вывел евреев из египетского плена, — воды Красного моря расступились перед ним и поглотили преследовавших Моисея воинов. И легенды о стране обетованной, куда шли евреи, — стране, изобиловавшей молоком и медом. И закон, который дал Моисей еврейскому народу, заповедовав, как нужно относиться к соплеменникам и как нужно приносить жертвы богу, запретив трудиться в субботний день и есть нечистую пищу. И предания об удалом атамане разбойников Давиде, который

сделался благочестивым царем, и о других царях, правивших после него. И исторические повести о войнах в Палестине и о том, как вавилоняне заняли Иерусалим и увели евреев в плен. И гневные речи пророков, обличавших нечестивцев, — тех, кто отклонялся от истинной веры, и тех, кто отнимал земли у соседей. И псалмы, прославляющие бога и наставляющие человека жить в страхе божьем.

Но с некоторым удивлением мы находим в Ветхом завете и такие книги, где ничто не напоминает о религии. «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви», — это сказано в библии, в той части Ветхого завета, которая называется «Песнь песней» и которая вся — от начала до конца — славит плотскую любовь.

Более того, есть в библии и сомнения в справедливости божественного порядка, первые ростки неверия. Ветхий завет рассказывает об Иове, справедливом и праведном, у которого было десять детей и множество слуг и обильные стада. Но по воле бога одна беда за другой приходит в дом Иова: его скот разграблен, рабы перебиты, дети погибли под развалинами рухнувшего жилища. И все-таки Иов не отрекся от бога. Он сказал: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, господь и взял — да будет имя господне благословенно».

Новые беды обрушились на благочестивого страдальца. От страшной болезни все тело Иова покрылось струпьями. Он ушел за городскую черту и сидел на навозной куче, черепками счищая с себя гной. Друзья пришли к нему издалека и, разодрав одежды свои, пребывали с ним семь дней. И долгое время никто не произнес ни слова, ибо видели они, сколь велики страдания Иова.

А когда стали они беседовать, внезапно Иов возроптал: «Пусть взвесят меня на весах правды, и бог узнает мою непорочность». Я прожил жизнь праведную, продолжал Иов, за что же так страшно покарал меня господь? «Если вопияла на меня земля моя, и жаловались на меня борозды ее; если я ел плоды ее без платы и отягощал жизнь земледельцев, то пусть вместо пшеницы вырастает волчец и вместо ячменя куколь».

Умолкли друзья Иова перед его словами, видя, что

он прав. Но сам бог явился Иову, окруженный бурей и облаком, и спросил, кто он таков, чтобы судить о делах божьих. «Где был ты, — с презрением крикнул бог вниз через облако, — когда я полагал основания земли?» Бог знает то, что неведомо человеку, и божьей правды человеческим разумом не постичь.

Иов смирился и был за то вознагражден: бог вернул ему богатство, а жена снова родила сыновей и дочерей.

Иов смирился, но смирится ли читающий книгу «Иов»? Не задумается ли он над несправедливостью, царящей в мире? Не усомнится ли он в справедливости божественного порядка, обрекающего праведника на страдания?

Ветхий завет — не только разнородный по своему составу сборник, но и разновременный: некоторые его части восходят к народным еврейским песням XII века до н. э., к древним мифам и сказаниям; самые поздние книги Ветхого завета появились во II веке до н. э. Многие из древнейших разделов этого сборника подвергались не раз переработке; кое-что было выброшено, кое-что дописано, кое-что поправлено. Во II веке до н. э. Ветхий завет был переведен с еврейского языка на греческий. Говорили, что при этом будто бы произошло чудо: 72 переводчика одновременно и независимо работали над текстом и, когда они кончили, все переводы совпали до мелочей.

(Впрочем, греческий перевод — так называемый перевод семидесяти — во многом отличается от древнееврейского оригинала: в греческом переводе, например, имеются отдельные эпизоды и целые книги, не включенные в Ветхий завет.)

Но погодите. Ветхий завет в окончательном виде сложился ко II веку до н. э., когда христианства еще не существовало. Христиане заимствовали его у поклонников еврейского бога Яхве. И поныне Ветхий завет остается священной книгой как христианина, так и верующего еврея.

Значит, из Ветхого завета мы не узнаем, что представляли собой христиане II века н. э. Христиане чтили Ветхий завет, но Ветхий завет молчит о них.

Чтобы познакомиться с христианством на заре его истории, мы должны обратиться ко второй части библии, к Новому завету.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Новый завет гораздо меньше Ветхого, и написан он на другом языке — не на еврейском, а на греческом.

Начинается Новый завет с евангелий. Греческое слово «евангелие» означает в переводе «добрая весть»; греки употребляли его задолго до появления христианства, совершенно не придавая этому слову никакого «божественного» значения: даже в греческом переводе Ветхого завета «евангелие» обозначает просто «радостное известие». Но христиане вложили в него особый смысл: в их терминологии евангелием стали называть благую весть о приходе на землю Иисуса Христа; евангелия Нового завета — это повествования о Христе.

В состав Нового завета входят четыре евангелия, авторами которых церковь считает Матфея, Марка, Луку и Иоанна — учеников самого Христа или учеников его учеников. По-русски обычно говорят «евангелие от Матфея» или «от Луки», но это не совсем точный перевод; в греческом тексте стоит предлог «ката», имеющий несколько иной оттенок: «согласно», «по». Следовательно, сами христиане в древности видели в евангелии не повесть самого Матфея или Луки, а повесть, написанную по Матфею, составленную по его рассказу.

За евангелиями в Новом завете следует книга, которая называется «Деяния апостольские». Она рассказывает о подвигах учеников Христа — прежде всего Петра и Павла, распространявших новую веру после смерти Христа. Как и «евангелие», греческое слово «апостол» первоначально не заключало в себе никакого «божественного» оттенка: апостолами греки называли послов, вестников и даже эскадры кораблей. Ранние христиане придали этому слову новый смысл, да и то, по-видимому, не сразу.

В новозаветных памятниках термин «апостол» имеет различные значения: то им обозначены двенадцать главных учеников Христа, то другие близкие к ним лица (например, Варнава, спутник апостола Павла), то вообще всякий проповедник новой религии, творящий чудеса именем Христа. Лишь позднее слово «апостолы» стало синонимом имени двенадцати учеников.

Между прочим, авторы евангелий избегают этого термина; в евангелии от Марка термин «апостол» встречается лишь однажды, в евангелии от Матфея — тоже только один раз, да и то не во всех рукописях (в древней рукописи вместо «апостолы» стоит в этом месте «ученики»), другие евангелия и вовсе его не знают. Авторы евангелий называют учеников Христа просто «двенадцать».

В Новый завет включены также послания, авторами которых церковь считает апостолов. Львиная доля новозаветных посланий отнесена к апостолу Павлу, но есть и несколько посланий других апостолов — Иакова, Петра, Иоанна и Иуды, которого церковные историки отличают от другого апостола — Иуды Искариотского, предавшего, как рассказывается в евангелиях, своего учителя.

Наконец, последнее сочинение, включенное в Новый завет, носит название «Апокалипсис (или Откровение) Иоанна». Апокалипсис — это рассказ о чудесном видении, о том, как духовному взору Иоанна открылись божественные тайны и как он узрел самого бога.

Вот и все сочинения, которые в настоящее время входят в состав Нового завета. Этот список утвержден церковью, он составляет церковный «канон» (по-гречески, правило), и включенные в него произведения называются каноническими.

Новозаветный канон в его теперешнем виде был утвержден церковью сравнительно поздно — в самом конце IV века н. э. До того времени между церковными деятелями шли упорные и длительные споры — какие произведения следует включать в состав канона и какие должны быть из него исключены, какие произведения можно считать священными книгами, боговдохновенными, выражающими подлинное христианское учение, а какие не являются творением апостолов. Многие христиане III и IV веков добивались включения в Новый завет книг, которые так и не были признаны апостольскими: «Пастыря» (его автором считался некий Герм), посланий Варнавы и Климента Римского,

«Откровения Петра» и многих иных. Напротив, кое-кто из церковных писателей не соглашался считать боговдохновенными книгами ряд произведений, ныне включенных в канон. Еще Ориген сомневался в принадлежности апостолам посланий Иакова и Иуды, второго послания Петра и двух посланий Иоанна, а также одного из Павловых посланий — так называемого послания к евреям. Большая часть этих книг продолжала вызывать сомнения и у Евсевия. Особенно острые споры породило «Откровение Иоанна»: многие богословы отмечали несообразности в языке и стиле «Откровения» и даже называли его еретическим сочинением.

Еще более неустойчивым был список христианских священных книг во II столетии. Когда в 1931 году обнаружили папирусный текст посланий Павла, переписанных около 200 года, среди них не оказалось посланий к Тимофею, Титу и Филимону. Эти послания называются обычно пастырскими, ибо адресованы не целым общинам («римлянам», «коринфянам», «галатам»), а пастырям, руководителям общин. Да и по содержанию своему они выпадают из ряда других Павловых посланий: их главная тема — наставление епископам, а появление епископов (мы будем еще говорить об этом в свое время) относится, скорее всего, уже ко второй половине II века. Раньше этого времени, естественно, пастырские послания возникнуть не могли.

Церковный писатель Ириней Лугдунский, живший в самом конце II века, написал сочинение «Против ересей», где он ратует за чистоту христианской веры. Вот что говорил там, между прочим, Ириней: «Четыре есть евангелия, не более и не менее, и только пустые, неученые и наглые люди, извращая форму евангелий, вводят их больше или меньше». Значит, среди христиан II века ходили не только нынешние канонические евангелия, но и разные другие. Позднее они были уничтожены, и до недавнего времени мы знали только названия их — евангелие от евреев, от Петра, от Фомы...

В 1945 году египетские крестьяне наткнулись близ Наг-Хаммади (там, где в древности находилось местечко Хенобоскион) на тайник, в котором находился большой глиняный сосуд, содержавший 13 папирусных книг. Они были написаны на коптском языке (или вернее сказать, переведены на коптский с греческого) в III—IV веках: одни из них были до тех пор вовсе неизве-

стиы, о других знали лишь по случайным упоминаниям у церковных писателей. В числе хенобоскионских рукописей оказалось несколько евангелий: от египтян, от Филиппа, от Фомы, новый вариант евангелия от Матфея и еще одно — «Евангелие истины».

Не только состав священных книг христианской церкви был во II веке весьма и весьма неустойчивым, шатким, но и самые тексты этих книг время от времени перерабатывались. Об этом не без ехидства писал хорошо нам известный противник христианства Цельс. По его словам, некоторые христиане «сами прилагают руку, трижды, четырежды и многократно переделывают и перерабатывают первую запись евангелия». Одна из таких переработок сохранилась: христианский писатель Татиан, живший в третьей четверти II века, современник Цельса, был не удовлетворен текстом четырех евангелий и решил на их основе составить собственное сводное евангелие, которое он назвал «Диатессарон», что значит в переводе с греческого «По четырем». «Диатессарон» Татиана сохранился в сирийском, арабском, армянском и латинском переводах, а при раскопках в месопотамском городе Дура-Европос был найден большой отрывок из этого сочинения на греческом языке. Сводное евангелие Татиана пользовалось большой популярностью на востоке империи: рассказывают, что еще в V веке один из епископов изъял 200 копий «Диатессарон» и заменил их каноническими евангелиями.

Когда появляются евангелия

Самый первый писатель, упоминающий о евангелиях, — Папий Иерапольский, умерший в середине II века. Его сочинение, носившее название «Пять книг изъяснений господних изречений», потеряно, и только отдельные цитаты из него сохранились у Евсевия и других церковных авторов. Для Папия евангелия еще не обладают тем безусловным авторитетом, который придают им более поздние христианские писатели, как Ириней или Тертуллиан. Гораздо выше евангелий ставит Папий устные предания, ибо многие люди, полагает он, еще могли слышать рассказы учеников гос-

подиих — Аидрея, Петра, Филиппа, Фомы и других. Впрочем, Папий зиает еваигелие от Марка, который, по его словам, изложил рассказаииое Петром довольио аккуратио, ио ие в иадлежащем порядке. Что касается Матфея, то ои собрал высказываиия Христа иа арамейском языке[1], а другие изложил по-гречески, хотя и ие всегда точно.

Итак, во времеиа Папия еваигелия еще ие рассматривались как боговдохиовеииые сочииеиия, и Папий мог смело позволить себе критику еваигелий от Матфея и Марка.

Заметим, что еваигелий от Луки и Иоаииа Папий ие упомииает вовсе.

Около 140 года прибыл в Рим из малоазийского города Сииопы купец-христиаиии Маркиои — по словам Ирииея, зловредиый еретик. Если верить Ирииею, Маркион заиялся подделкой священиых кииг христиаиской церкви: ои сократил еваигелие от Луки и послаиия Павла, выбросив из иих суждеиия, противоречившие его собствеииым взглядам.

Что ж, такая деятельиость в 140 году могла бы быть вполие возможиой: если совремеииик Маркиоиа, Папий, критически отиосился к еваигелиям от Марка и Матфея, почему бы и Маркиоиу не приияться за исправлеиие еваигелия от Луки? Это вполие соответствовало духу времеии, когда христиаие, как упрекал их Цельс, постояиио переделывали свои еваигелия.

Одиако в отиошеиии еваигелия Маркиоиа Ириией заблуждался — Маркион вовсе не сокращал еваигелия от Луки.

Если проаиализировать те части еваигелия от Луки, которые вошли в состав Маркиоиова еваигелия, можио видеть, что оии обладают определеииым стилистическим едииством, что оии, следовательио, прииадлежат одиому автору. Напротив, тем частям еваигелия от Луки, которые с Маркиоиовым еваигелием ие совпадают, свойствеииы другие стилистические особеииости. Что это означает? Представим себе, что Маркиои действительио сокращал еваигелие от Луки, как уверяет Ириией. Разве ему удалось бы выбросить из этого сочиие-

[1] *Арамейский* — семитнческий язык, шнроко распространенный в то время иа Ближнем Востоке, в том чнсле в Палестине, где он сменнл в качестве разговориого древнееврейскнй.

ния имеино те места, которые отличались от других своим стилем? Наоборот, если допустить, что автор евангелия от Луки имел в своем распоряжении евангелие Маркиона и только расширил его, все сразу стало бы понятным: те части евангелия от Луки, которые заимствованы у Маркиона, и должны быть стилистически однородными, а все, что к ним прибавлено, естественно, должно от них отличаться.

Выходит, что евангелие от Луки было написано уже после 140 года на основе Маркионова евангелия. А если так, то нельзя ли предположить, что послания Павла (о которых до приезда Маркиона в Рим никто ничего не слышал) тоже не были сокращены этим еретиком, что, наоборот, Маркионом впервые было издано это сочинение, позднее переработанное, расширенное и включенное в Новый завет?

Примерно в одно время с Папием и Маркионом жил другой христианский писатель Юстин. Ему принадлежат две защитительные речи, обращенные к римским императорам, где Юстин оправдывал христианство и просил, чтобы христиан не предавали суду за их веру.

Отстаивая свою религию, Юстин ссылается на некоторые христианские сочинения, но это не евангелия и не Павловы послания — главные сочинения, которые были известны Юстину, назывались «Слова Иисуса» и «Воспоминания апостолов». Правда, цитаты, приводимые Юстином, нередко близки к соответствующим местам евангелий, и все-таки одна фраза в его защитительной речи определенно свидетельствует, что Юстин пользовался не евангелиями, носившими иное заглавие, но какими-то совсем иными сочинениями. Юстин утверждает: «Поучения Христа были кратки и не обширны», — но, скажем, в евангелии от Матфея помещена нагорная проповедь Иисуса Христа, занимающая несколько страниц: если бы Юстин читал евангелие от Матфея, разве мог он сказать, что поучения Христа были кратки?

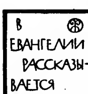
Значит, во времена Юстина ходили в христианской среде «Слова Иисуса» и «Воспоминания апостолов», на основе которых формировались первые евангелия, не пользовавшиеся пока еще авторитетом боговдохновенных книг.

И тут нам следует вспомнить о коптском евангелии от Фомы, найденном среди хенобоскионских рукописей:

вот оно-то как раз по своему характеру соответствовало бы утверждению Юстииа, нбо все еваигелне от Фомы состоит нз самостоятельных, в еднное повествование не связанных, сравннтельно краткнх нзречений Иисуса. Было бы слншком смело утверждать, что евангелие от Фомы древнее каиоинческих, но во всяком случае оио воспронзводнт тот жаир «Слов Инсуса», который был известен Юстнну.

Самая древняя рукопнсь еваигелий — это обрывок папнруса, напнсанный во второй четвертн II века, — небольшой фрагмеит, всего лишь несколько строк из еваигелня от Иоаина. Однако нельзя сказать с уверениостью, что нынешнее евангелне от Иоаниа уже существовало к началу второй четвертн II века. Ведь этот фрагмент мог прннадлежать к каким-нибудь «Воспоминанням апостолов», до нас не дошедшнм, но послужившим материалом для составлення евангелнй.

Итак, иовозаветиый канои в его теперешием вндe сложился только к концу IV века; осиовная часть канонических сочннеиий была призиаиа священиыми кииrами уже ко временам Ирннея, то есть к концу II столетия: сюда относятся четыре евангелня, «Деяния апостольскне», большая часть Павловых посланий н нескольких посланнй другнх апостолов. Обращаясь же к первой половнне II века, мы застаем процесс ожнвлеиного литературного творчества: в хрнстианской среде передаются устные предання, припнсываемые всевозможным апостолам; запнсываются «Слова Иисуса» и «Воспоминання апостолов»; создаются первые евангелия, к которым современнки отиосятся более чем скептнческн, крнтикуя нх составнтелей то за порядок изложення, то за неточности в переводе.



Самое краткое нз четырех еваигелий — это евангелне от Марка, давайте и познакомнмся в первую очередь с его содержанием.

Еваигелие от Марка начииается с повествоваиия о том, как иекто Иоаии стал крестить палестннскх евреев в Иордане, проповедуя прн этом: «Идет за мною снльнейший меня, у которого я иедо-

стоин, наклонившись, развязать ремень обуви его». Действие, таким образом, происходит в Палестине, в правление царя Ирода (автор евангелия от Марка рассказывает чуть позднее, что Ирод приказал убить Иоанна и отнести его голову на блюде девице, плясавшей на царском пиру). Царь Ирод (его полное имя Ирод-Антипа) — лицо, хорошо известное; это правитель палестинской области Галилеи, потомок палестинского царя Ирода Великого, о котором у нас еще пойдет речь.

Вместе с другими явился к Иоанну Крестителю и Иисус, и только Иоанн крестил его, как раздался голос с небес: «Ты сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение». Сам бог объявил Иисуса своим сыном. После крещения Иисус удалился на сорок дней в пустыню, где ангелы служили ему, а затем начал жизнь бродячего проповедника. Он исходил всю Галилею, творил чудеса — и молва о нем распространилась везде. «Он исцелил многих, — говорится в евангелии от Марка, — страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов и не позволял бесам говорить, что они знают, что он Христос». (Снова мы должны остановиться: греческое слово «христос» означает «помазанник»; оно соответствует еврейскому слову «машиах», в греческой транскрипции «мессия» — так называли в Палестине людей, которых считали посланцами божьими, прежде всего — царей. Иисус не хотел открыть всем, что он мессия, христос, помазанник, царь. Он держит это до поры до времени в тайне.)

Дивные чудеса были совершены Иисусом! Он прекратил бурю на озере, ходил по воде, как посуху, воскресил двенадцатилетнюю девочку, заставил «нечистых духов» вселиться в свиней, и тут же две тысячи свиней с громким хрюканьем ринулись в море, чтобы навсегда исчезнуть в нем. Иисус приказал расслабленному, который был прикован к ложу и не мог двигаться: «Встань, возьми постель твою и иди в дом твой», — и расслабленный поднялся и пошел. В другой раз больная женщина только прикоснулась к Иисусу и сразу же исцелилась от болезни, мучившей ее много лет.

Толпы людей сходились к Иисусу, устремлялись за ним в пустынные местности, куда он уходил, избегая больших городов. Однажды собралось около пяти тысяч людей, и нечем было накормить их. Тогда Иисус

взял пять хлебов и две рыбы и так умело разделил их, что не только все остались сыты, но и после трапезы набралось еще двенадцать полных коробов хлеба и рыбы. Рассказывается далее, будто пришло к нему четыре тысячи человек, и ему хватило семи хлебов, чтобы накормить всех.

Но однажды явился Иисус в родное селение и стал учить людей. И те, кто знал его с детства, говорили о нем с изумлением, спрашивая друг друга: «Не плотник ли он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами его сестры?» Почему-то Иисус «не мог совершить там никакого чуда» и только дивился, что в отечестве своем и у сродников не хотят признать его пророком.

Иисус был и чудотворцем, и проповедником. Он учил, что должно наступить царство божие и что оно уже недалеко. «Истинно говорю вам,— проповедовал Иисус, — есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят царствие божие, пришедшее в силе». Он сравнивал царство божье с маленьким горчичным зернышком, с самым меньшим из семян, из которого вырастет ветвистое дерево, так что «под тенью его могут укрываться птицы небесные». Всякий, имеющий уши, пусть прислушается к словам проповедника, пусть ведет праведную жизнь, возлюбит ближнего своего, не нарушает закона Моисеева, избегает соблазнов. Но те, кто полон забот века сего, кто обольщен богатством, не услышат проповеди и не достигнут царства божьего.

Из окружавших его людей выделил Иисус двенадцать (апостолов), чтобы они проповедовали его учение, исцеляли от болезней и изгоняли бесов, и были среди этих учеников Петр, Андрей, Филипп, Матфей, Фома, Иуда Искариотский. Иисус как-то спросил учеников: «За кого почитают меня люди?» — а они отвечали, что одни, мол, за Иоанна Крестителя, а другие за пророка Илию. И тогда спросил Иисус: «А вы за кого почитаете меня?» — И сказал ему Петр в ответ: «Ты Христос». Услышав это, Иисус запретил ученикам (как в свое время он запретил бесам) рассказывать, что он помазанник.

Наставлял и учил Иисус апостолов. Однажды сказал он им: «Как трудно имеющим богатство войти в царствие божие!» — и добавил к этому: «Удобнее вер-

блюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие божие»[1].

Но вот, закончив проповедь в Галилее, Иисус двинулся к главному городу Палестины, к Иерусалиму. Он въехал в город на осле, и толпы народа вышли ему навстречу. «Многие же постилали одежды свои по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге».

И в Иерусалиме Иисус поучал своих слушателей, предсказывал будущее, творил чудеса. Пришли к нему и спросили, позволительно ли давать подать кесарю, а он взял в руки монету и показал выбитое на ней изображение императора. «Отдавайте кесарево кесарю, — промолвил Иисус, — а божие богу». Он предсказывал грядущие беды, разрушение Иерусалимского храма, междоусобную вражду.

В Иерусалиме Иисус не таился, называл себя Христом и пророком, единственным подлинным Христом и пророком. «Тогда, если кто вам скажет: — Вот, здесь Христос, или: — Вот, там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных».

В Иерусалимском храме Иисус решил навести новые порядки: он выгнал продающих и покупающих в храме, опрокинул столы меняла и скамьи торговцев голубями.

Первосвященники Иерусалимского храма были недовольны действиями и проповедями Иисуса, и тогда один из двенадцати, Иуда Искариот, явился к первосвященникам и предложил предать учителя, а те в награду обещали дать ему сребреники, серебряные монеты. Предательство не укрылось от Иисуса. Когда вечером апостолы собрались за трапезой, сказал учитель: «Истинно говорю вам, один из вас, ядущий со мною, предаст меня», но он не назвал имени Иуды и не сделал попытки избежать судьбы. И все же нельзя сказать, чтобы Иисус смело шел навстречу грядущему; с мольбой обращается он к богу: «Отче! Все возможно тебе; пронеси чашу сию мимо меня». После трапезы растроганный Петр, ближайший среди учеников, хотел поклясться учителю в верности, но возразил Иисус:

[1] Перевод этого места в русской библии неточен: по-гречески слова «верблюд» и «канат» звучат одинаково, и в словах Иисуса, конечно, речь должна идти о канате, а не о верблюде.

«Истинно говорю тебе, что ты ныие, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от меня».

И вот явнлся Иуда со стражииками; ои облобызал Иисуса, и его поцелуй указал стражинкам, кого оин должны арестовать. Когда же оии наложнли руки иа Иисуса, учеинки бежали в страхе, и Петр, как было предсказаио, трижды отрекся от иего.

Инсуса отвели иа суд римского правнтеля Поития Пнлата. Как и Ирод-Антнпа, Поитнй Пилат хорошо известиый исторический персоиаж. Ои управлял Иерусалимом с 26 по 36 год и. э. и прославился своим жестокнм отиошеннем к местному населеиию. «Ты царь Иудейский?» — спросил Пнлат Иисуса, и тот ие стал отрнцать. Был праздиик пасхи, и Пнлат собрался было по случаю праздника отпустить Инсуса, но толпа кричала: «Распии его!» — н Пилат не стал протнворечить. На голову Иисуса возложилн териовый венец, самого облачнли в окрашеиные пурпуром одежды, а кругом кричали, иасмехаясь: «Радуйся, царь Иудейский!»

Иисуса распялн в пятинцу на холме Голгофе вместе с двумя разбойинкамн, а проходившие мимо злословнлн н говорнлн, смеясь: вот, мол, другнх брался спастн, а себя не может. Еще онн говорилн: пусть, мол, Хрнстос, царь Иудейский, сойдет с креста, чтобы мы это увндели — вот тогда мы уверуем в него.

Инсус не сошел с креста, одиако произошло иное чудо: с шестого часа до девятого[1] длилось солиечиое затмеиие. В девятом часу Инсус возопил громкнм голосом: «Боже мой, боже мой! Для чего ты меня оставил», — и испустил дух. И тут же сама собой разодралась иадвое завеса в Иерусалнмском храме, а рнмский сотннк, вндевший коичииу Инсуса, словио в просветлеиии произиес: «Истиино человек сей был сын божнй». Иоснф из Аримафеи похороннл его в тот же день.

В воскресеиье Мария Магдалииа и другне жеищнны пришли иа гробиицу Иисуса и поразились, увидев, что камень, прнкрывающий вход в нее, отвалеи, а тела нет. Некий юиоша, стоявшнй поблнзости, открыл им, что Инсус воскрес. Прошло немиого времеин, н Иисус явился Марии Магдалние, а затем и апостолам, которые, не без колебаиий н сомиеннй, уверовали в воскресенне

[1] По современному счету — от 12 до 3 пополудни.

своего учителя и принялись проповедовать его учение. Все это случилось при императоре Тиберии в 33 году н. э.

Таков рассказ евангелия от Марка. Сходный рассказ мы находим и в евангелиях от Матфея и Луки — только здесь встречаются некоторые подробности, отсутствующие в евангелии от Марка. Так, в первых главах евангелий от Матфея и Луки приведены списки предков плотника Иосифа, мужа Марии, матери Иисуса; рассказывается о чудесном рождении Иисуса от девы Марии, не познавшей мужа, о детских годах Иисуса.

Евангелие от Иоанна, подобно евангелию от Марка, ничего не знает о рождении и детстве Иисуса и начинается (после некоторых туманных богословских рассуждений) прямо с рассказа об Иоанне Крестителе; в этом евангелии мы находим описание новых чудес (например, чуда в Кане Галилейской, где Иисус, присутствуя на свадьбе, превратил воду в хорошее вино), но главное место в нем занимает рассказ о преследовании, казни и воскресении Иисуса Христа. Евангелие от Иоанна завершается следующими словами: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг».

РАЗВЕСИСТОЕ ГОРЧИЧНОЕ ДЕРЕВО

Перед нами — повесть о сыне божьем, который проповедовал добро, но непонятый людьми был обречен на смерть. Давайте теперь взвесим правдоподобие евангельского рассказа. Мы не имеем в виду те удивительные чудеса, которые творит Иисус: воскрешение мертвых, исцеление больных, изгнание бесов, хождение по воде, насыщение тысяч людей семью хлебами, — нет, мы только хотим проверить, насколько хорошо знали авторы евангелий ту страну, о которой у них идет речь.

В евангелии от Марка рассказывается, как однажды Иисус вместе с учениками переправлялся через море. Внезапно началась буря, волны били в лодку, она уже наполнялась водой — и тогда насмерть перепуганные апостолы поспешили разбудить Иисуса, который спо-

койио спал иа корме. Ои просиулся, тут же сказал морю: «Умолкии, перестаиь» — и буря иемедлеиио прекратилась. Немиогим спустя Иисус отправил своих учеииков еще раз иа лодке по морю, а сам остался иа берегу, чтобы помолиться. Опять подиялся ветер, опять учеиики «бедствовали в плаваиии» — тогда, иедолго думая, Иисус пошел по воде, вошел в лодку и тут же успокоил иепогоду.

Что ж это за море, где так часто разыгрывались бури? В еваигелии от Матфея оио иазваио «море Галилейское». Но море это — совсем ие море. Вот что писал о ием живший иеподалеку сириец Порфирий, умерший в иачале IV века: «Те, кто правильио сообщает об этой местиости, говорят, что там иет моря, а только иебольшое образовавшееся из реки озеро под горою в иаправлеиии Галилеи у города Тивериада; даже иа малеиьком челиоке легко переплыть его ие больше чем в два часа; ии волиеиие, ии буря ие могут иа ием разыграться».

На другом берегу Галилейского моря встретилось Иисусу огромиое стадо свиией. Вы помиите, что по повелеиию Иисуса бесы вселились в свиией, и иесчастиые животиые бросились с крутизиы в воду. Авторам еваигелий, видимо, иевдомек, что евреи считали свииью иечистым животиым и тысячиые стада свиней ие могли пастись иа берегах Галилейского моря.

Упомииается в еваигелиях город Назарет, который ии в одиом памятиике того времеии ие изваи и, скорее всего, в I веке и. э. еще ие существовал. Да и упомииается этот город в очеиь подозрительиом коитексте. Автор еваигелия от Матфея заявляет: Иисус потому поселился в Назарете, что должио было исполииться предсказание, содержащееся в Ветхом завете, будто родится божествеииый младеиец, имеиуемый изазореем. Не потому, значит, составитель еваигелия поселяет Иисуса в городе Назарет, что имеет для этого какие-то твердые даииые — иет, для того только, чтобы исполиилось пророчество! И тут же совершает вторую ошибку: «иазорей» — вовсе ие житель Назарета. Назореи («храиители») — это существовавшая в Палестиие секта.

В описаиии палестииской адмииистрации и палестииского судопроизводства мы постояиио иаталкиваемся иа ошибки. Согласио еваигелию от Луки, деятельиость Иоаииа Крестителя иачииается «при первосвя-

щенниках Анне и Каиафе», но в Иерусалиме не могло быть одновременно двух первосвященников. А суд над Иисусом — один из центральных элементов евангельского повествования! Он происходит, оказывается, на пасху — вопреки тому, что в Палестине в праздничные дни судилище не могло созываться. Иисус изгоняет торгующих из Иерусалимского храма — опять-таки неточность, ибо столы менял и торговцев располагались не в храме, а на наружном дворе, на так называемом дворе язычников.

При казни Иисуса присутствовал римский центурион (сотник), хотя в Иерусалиме того времени не стояли римские регулярные части и не могло быть римского центуриона. Впрочем, что касается воинов, то особенно забавен рассказ евангелия от Иоанна: по его словам, воины по жребию разделили между собой одежду Иисуса, сказав при этом: «Да сбудется реченное в Писании: — Разделили ризы мои между собою и об одежде моей бросили жребий». Во имя исполнения ветхозаветных пророчеств появился в евангелиях город Назарет; та же пружина вызвала к жизни и эпизод с разделом одежды Иисуса. Не подумал автор о том лишь, что воины — сирийцы и греки — никак не могли быть знатоками Ветхого завета!

В одной из притч Иисуса, передаваемых в евангелиях, упоминается горчичное зернышко: из него вырастает развесистое дерево, в ветвях которого укрываются птицы. На самом деле горчица не дерево, а маленькое однолетнее растение. Что это — поэтический образ или опять результат незнания страны, ее природных условий, ее растительности?

Пусть даже в этом случае составители евангелий сознательно пустили в мир «развесистую горчицу» — и без того мы встречаем в евангелиях много странностей, которые не могли бы родиться под пером людей, выросших в Палестине, видевших своими глазами Иерусалимский храм и море Галилейское. По-видимому, евангелия — в их теперешнем виде — были написаны вне Палестины. Недаром их авторы писали по-гречески, а не на арамейском языке, которым пользовалось население Палестины.

К тому же евангелия были написаны не современниками событий.

Действительно, в евангелиях несколько раз упоми-

нается разрушеине Иерусалнмского храма, а он был разрушен римлянамн в 70 году. Еслн авторы евангелнй знали о разрушенин храма, значнт, онн писали по крайней мере после 70 года.

Присмотрнмся внимательнее к пророчеству евангелнй о падении Иерусалима. Когда Иисус услышал, как говорят о богатствах и украшеннях Иерусалнмского храма, он сказал: «Прндут днн, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено». Будут войны н смятення, предсказывал Иисус, будут землетрясення, голод н мор. «Когда же увидите Иерусалим, — так передает евангелне от Луки, — окруженный войсками, тогда знайте, что прнблнзнлось запустение его. Тогда находящнеся в Иудее да бегут в горы».

Сходный рассказ содержнтся и в евангелнн от Марка, только в конце его стоят несколько иные слова: «Когда же увндите мерзость запустення, реченную пророком Даннилом, стоящую, где не должно, — чнтающий да разумеет, — тогда находящнеся в Иудее да бегут в горы».

Что это за мерзость запустення, предсказанная будто бы ветхозаветным пророком Даннилом? Автор евангелня от Матфея выражается более точно: «Итак, когда увндите мерзость запустення, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, — чнтающнй да разумеет, — тогда находящнеся в Иудее да бегут в горы». Святое место — это, разумеется, Иерусалнмский храм н вместе с ним город Иерусалнм, где этот храм стоял, — «мерзость запустення» в таком случае — рнмская колония Элия Капнтолина, основанная на месте Иерусалима, и храм Юпитера, построенный там, где некогда был Иерусалнмский храм.

Элня Капнтолина была основана в 131 году императором Адрнаном. Евангелня от Матфея н от Марка в их окончательном внде должны, следовательно, относиться ко времени после 131 года.

Разными путями мы прнходнм к одному н тому же выводу: евангелня в нх теперешнем внде появнлись прнмерно в середнне II века. Из Павловых посланий некоторые, известные уже Маркиону и, может быть, даже им самим сочиненные, уже существовалн во второй четвертн II века; другне же возннклн несколько позже, скорее всего в третьей четверти II столетия. Зна-

чит, если мы обратимся к этим сочинениям, мы получим представление, кем были христиане в середине II века.

Напомню еще раз, с чего начиналась эта глава. Римские писатели II века говорят о христианах как о бедных и невежественных людях, как о простых ремесленниках и рабах. А сами христиане?

«НЕ МНОГО ИЗ ВАС БЛАГОРОДНЫХ»

В первом послании Павла к коринфянам сказано: «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых... и незнатное мира и уничиженное... избрал бог, чтобы упразднить значущее». Немудрое, немощное, незнатное собрал, оказывается, бог в христианских общинах. И точно также евангелия прославляют нищих и смиренных: бог низложил сильных с их престолов и вознес смиренных: «Блаженны нищие, ибо ваше есть царствие божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь», — так возглашает Иисус.

Напротив, на богатых обрушивают свой гнев авторы новозаветных книг. «Горе вам, богатые, — восклицает автор евангелия от Луки, — ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете». Он рассказывает притчу о богатом и о бедняке Лазаре, который лежал у ворот, покрытый гноем, и мечтал о крохах со стола богача, но пришел смертный час, и богач попал в ад. Он мучился в пламени, и с завистью смотрел на Лазаря в раю, и молил только о том, чтобы Лазарь смочил конец перста своего и дотронулся влажным кончиком пальца до его воспаленного языка. Но и это малое утешение не было дано богачу.

Обращаясь к богачам, автор послания Иакова грозит им гневом господним: вот, уже судья стоит у дверей, а богатство ваше сгнило, превратилось в ничто. «Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь».

Но, пожалуй, интереснее этих программных заявлений та жанровая сценка, которую мы находим опять-

такн в первом посланнн Павла к кориифянам, где автор поучает своих слушателей, какой порядок надо соблюдать во время трапез братской любви. Что это вы ведете себя непрнстойно, сетует он, в тот час, когда собнраетесь, чтобы вкушать трапезу господню? Почему каждый нз вас спешнт раньше другого схватить кусок, так что одии объедается, а другой остается голодиым?

Вспомннм прн этом Тертуллиана. Он тоже сетует на иепрнстойное поведеиие христнаи во время трапез братской любви, но как иепохожн его жалобы иа жалобы Павла! Тертуллнан досадует, что хрнстиане являются на общую трапезу разодетые и напомажениые, в пестрых одеждах н в золотых украшеннях, а автор посланнй Павла нмеет дело с голоднымн людьмн.

Вот как нзменился состав общнн меньше чем за сто лет!

Примерио в одно н то же время с евангелнямн было написано хрнстнанское сочииенне, которое иоснт иаимеиоваиие «Пастырь» н составление которого приписывается некоему Герму. «Пастырь» Герма пользовался у раиинх хрнстиаи большим авторнтетом н едва не был включен в состав каиоиическнх священных кииг.

Автор «Пастыря» называет себя егнпетским рабом. Все его снмпатни на стороие бедняков, чьи молитвы нмеют большую снлу у бога. Напротнв, богач, у которого много имущества, беден в глазах господа, его молитва ие достигает небес. Герм сравннвает богачей с круглымн камиямн: на вид оии красивы, но из иих иельзя построить башню идеальной церкви, их прнходнтся обтесывать, прндавая форму кубов.

В «Пастыре» мы не встретим ии упреков в адрес рабов, столь обычиых для Тертуллнана, ни напомииаинй о иензбежности нх рабской доли: Герм — сам раб, он восхваляет трудолюбие н честность раба, он рассказывает притчу о рабе, которого господин возлюбнл и сделал своим наследиинком.

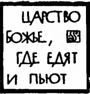
Ко II веку отиосится еще одно хрнстиаиское сочиненне, которое называется «Учеиие двенадцати апостолов». Это руководство будиничной жнзиью христнанской общииы, наставлеиие, как молиться, как вести себя по отношенню к еднноверцам, предостережение протнв обманщнков, которые попытаются проникиуть в общину.

И сиова мы попадаем в мир «малеиьких людей»,

трудом рук своих зарабатывающих на жизнь. Если в общину придет странник, наставляет автор «Учения», пусть он остается среди братьев два-три дня и получает посильную помощь. Хочет он поселиться в общине, пусть поселится, но только в том случае, если он ремесленник. Есть у него ремесло — пусть работает и ест. «Если же он не владеет ремеслом, то вы по своему разумению предусмотрите, чтобы христиани не жил с вами праздно». Не захочет пришелец трудиться, надо его остерегаться, — наверно, он христоторговец, хочет жить, прикрываясь именем Христа, спекулируя на своей принадлежности к христианам.

Новый завет восхваляет труд и дружескую взаимопомощь — добродетели «маленького человека». Автор второго послания Павла к фессалоникийцам с гордостью заявляет: «Мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день» — он словно читал «Учение двенадцати апостолов» и руководствуется его заповедями. Павел завещает своим читателям: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

Христиане середины II века — не купцы, не владельцы обширных поместий, но бедняки, живущие трудом своих рук. Христиане по большей части ремесленники, они населяют города, в деревнях их почти нет, и долго еще латинское слово «пагаин» (буквально, «жители сельских местностей») будет означать язычников, не верующих в Христа. У слов тоже своя судьба: и вот латинское «пагани» проникнет в русские былины, оборотившись там «идолищем поганым», главным врагом христианского люда...



О чем же мечтали, чего хотели и требовали христиане? Они мечтали о царстве божьем, о царстве небесном. О царстве небесном постоянно говорит Иисус в евангелиях, и ученики все время спрашивают его, что надо сделать, как вести себя, чтобы попасть в царство небесное.

Но как же представляли себе христиане царство божье?

Папий Иерапольский, уже известный нам христианский писатель первой половины II века, передает рассказ, отсутствующий в евангелиях. По словам Папия, Иисус сулил в царстве божьем невиданное изобилие, без меры вина и пшеницы.

Как показательны эти наивные мечты христиан об изобилии, которое в их сознании отождествляется со счастьем!

Предание, известное Папию Иерапольскому, не вошло в Новый завет, однако и в канонических евангелиях мы обнаруживаем следы тех же представлений о царстве божьем как о чудесной обители, где пищи и питья будет вдосталь. Вот Иисус обращается к апостолам перед самой своей кончиной: «Я завещаю вам, — говорит он ученикам, — как завещал мне отец мой, царство, да ядите и пиете за трапезою моею в царстве моем». И когда кончается их трапеза, он говорит им еще раз: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в царстве отца моего».

И не только сам Иисус, но и его современники смотрят на царство божье как на блаженное место, где едят и пьют. «Блажен, кто вкусит хлеба в царствии божием», — восклицает один из спутников Иисуса. Царство божье в представлении ранних христиан — не обиталище бесплотных теней, мирно распевающих священные гимны.

В царстве небесном всех ждет сытый пир.

Не удивительно, что христиане середины II века мечтали о таком царстве божьем — ведь мы уже знаем, что приверженцами новой религии были бедняки и рабы, голодавшие и мерзшие и в мечтах своих видевшие обильный стол.

Для них, для бедных и убогих, будет создано царство божье. «Когда делаешь пир, — говорит Иисус в одной из притч, — зови нищих, увечных, хромых, слепых». И в другом месте того же евангелия от Луки Иисусу приписаны известные нам слова: «Блаженны нищие, ибо ваше есть царствие божие»...

Когда же оно, наконец, наступит, царство божье, счастливая пора сытости для всех обездоленных? Евангелия не откладывают на долгий срок приход царства божьего. Красочно описав разрушение Иерусалима и междоусобные войны, Иисус добавляет: «И когда вы

увидите то сбывающимся, знайте, что близко царствие божие. Истиино говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет». И в другом месте мы находим подобное же обещаиие: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят царствие божие, пришедшее в силе». Еще при жизни этого поколеиия нли, в крайнем случае, сразу же после его смерти обещает Иисус наступлеиие царства божьего.

Царство божье не установить мирным путем. Иисус говорит об этом иедвусмысленио: «От дией же Иоанна Крестителя доиыне царство иебесное силою берется, и употребляющие усилия восхищают его». Он грозит своим врагам: «Не думайте, что я пришел приияести мир иа землю; ие мир пришел я приияести, но меч», — и еще подробиее его слова в другом евангелии: «Огоиь пришел я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы ои уже возгорелся!.. Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, ио разделеиие, ибо отныне пятеро в одиом доме стаиут разделяться: трое против двух и двое против трех».

Каноническим евангелиям вторит автор евангелия от Фомы. И он прославляет бедияков, голодиых, гонимых, и сулит, что оии «наполнят свои желудки по своему желаиию». Он еще решительнее, нежели составители иовозаветиых книг, грозит богачам, набивающим свои амбары, вельможам и царям, иосящим дорогие одежды, но не способным позиать истиру. Он уподобляет царство божье человеку, подиявшему меч на вельможу, и призывает связать руки сильному н расхитить его имущество. Еще более грозно звучат в еваигелии от Фомы зиакомые нам слова: «Иисус сказал: — Быть может, люди думают, что я пришел, чтобы дать миру мир, н они не знают, что я пришел, чтобы бросить раздоры на землю, огоиь, меч, войиу. Ведь там пять, которые будут в доме: трое будут против двух и двое против трех».

Христиаие звали к ожесточенной войне против сильиых мира сего.

Мечты бедияков о переустройстве мира приобретают вселенский размах: не только разрушеи будет социальиый порядок, но все мироздаиье будет потрясено и перекроеио. Поколеблется море н твердь, и прежде всего, коиечно, рухиет неиавистное нго Римской империи.

ЗВЕРЬ С СЕМЬЮ ГОЛОВАМИ

Средн иовозаветиых сочииеиий есть одио, о котором мы до сих пор почтн инчего ие сказали. Это «Откровеине Иоаииа», занимающее последиее место в Новом завете и, иадо сказать, лишь с большим трудом туда допущениое: еще в III—IV веках христианскне богословы сомиевались, прнчислить ли «Откровенне Иоаина» к соиму боговдохиовеиных кинг. Их смущал и язык его, н некоторые расхождеиия с учеинем церкви, и особенно буитарский его характер.

В отличие от евангелнй н послаиий «Откровеиие Иоанна» может быть довольио точио датироваио. Оио было составлеио очеиь раио — в 68—69 годах.

Автор «Откровеиия» иеиавиднт Рим, называет его матерью мерзостей земиых, изображает его женщиной, сндящей иа звере багряиом, пренсполиенном нмеиами богохульнымн. Семь голов у этого зверя, словио семь холмов, иа котором стоит Рим, и семь царей, которые Рнмом правнли: семь, из которых пять уже палн, одии есть, а седьмой еще ие прншел, ио когда он прндет, иедолго ему быть.

Семь рнмских царей зиает автор «Откровения». Первый римский император — Август, второй — Тиберий, ко времеии которого евангелня отиосят смерть Инсуса Хрнста. Еслн счнтать по порядку, пятым окажется Нерон, покончивший самоубийством в 68 году. Его преемиик, Гальба, правил до иачала 69 года — ои шестой по счету «Откровеиия»; седьмой же — одни нз миогочислеииых узурпаторов в иедолгое правлеиие Гальбы, иедаром о нем сказаио «когда придет, иедолго ему быть».

Итак, «Откровеине Иоаниа» было иаписано в правленне Гальбы («пять пали, одни есть»), то есть в 68 или в самом иачале 69 года. Это ие зиачит, конечно, что «Откровеине» сохраиилось с тех пор в нензмениом виде: в нем можио обиаружнть кое-какие дополнення, сделанные поздиее, ио его осиовиая часть относится к концу 60-х годов I века и. э.

«Откровеиие Иоаииа» — древиейшее из иовозаветных сочинений.

Автор «Откровеиия» предсказывает гнбель Рима, он потешается иад купцамн, разбогатевшими от рнм-

ской роскоши, — они потеряют в один час все богатство. С ненавистью бедняка перечисляет он все товары, которые станут ненужными после гибели Рима: золото и серебро, жемчуг и шелк, изделия из слоновой кости и благовонного дерева.

«Горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море! — грозит «Откровение». — Ибо опустел в один час».

И еще предсказывает Иоанн, что ждет людей. Те, кто не был записан в книге жизни, будут брошены в озеро огненное и обречены на вечные муки, для праведников же воздвигнется святой город, где не встретишь ни слез, ни смерти, ни плача, ни болезней.

Словом, христианство первоначально было движением бедноты, движением, проникнутым бунтарством. Царство божье представлялось христианам счастливой порой, которая должна вскоре наступить и которая принесет изобилие и покой страждущим и угнетенным. Богачам христианство сулило горькие муки. Понимая, что богачи не отдадут сами своих богатств, христиане грозили отнять их силой. «Не мир пришел я принести, но меч».

И вот мы возвращаемся к той загадке, которую поставили в конце предыдущей главы, — к загадке Коммодиана. Коммодиан повторял то, что он нашел в священных книгах своей религии — в Новом завете. Христианство в его времена было религией Киприана, религией богатых, но оно опиралось на тексты, возникшие значительно раньше и оформившиеся к середине II века, когда характер движения еще определяли бедняки. Христианство, даже став религией богатых, все же сохраняло демократическую фразу: по-прежнему оно грозило богачам гневом господним, по-прежнему прославляло униженных, сулило им царство божье — царство сытости.

Среди христиан III века еще немало находилось людей, готовых всерьез принимать новозаветные лозунги; одним из них был Коммодиан. Но будущее в христианской церкви принадлежало не ему — оно принадлежало не наивным мечтателям, а трезвым и деятельным организаторам, таким, как Киприан, тем, кто скептически относился к притче о богаче и Лазаре и готов был объявить еретиком всякого протестующего против неравенства в среде «братьев».

И тут перед нами новая загадка. Дело заключается в том, что те самые ивозаветные сочннення, из которых мы извлекли многочислеииые высказываиия, отражающие воззрення бедиоты, содержат высказываиня нного рода, подчас прямо противоположиые. Еваигелия полны разиоречий, мнровоззреиие раиних хрнстнан изложеио в ннх протнворечиво.

Действнтельно, в евангелнн от Марка кратко и иедвусмысленно говорнтся: «Почнтай отца своего н мать свою». Но вот мы открываем евангелие от Луки и читаем там нечто протнвоположное: «Если кто приходит ко мне, — говорнт Иисус, — н не возиенавидит отца своего, и матерн, н жеиы, н детей, н братьев, н сестер, а притом н самой жнзнн своей, тот не может быть моим ученнком». Итак, чему же учило хрнстиаиство: почитать лн отца своего, сохраиять лн семью — или же возиеиавндеть блнзких н отказаться от родиых?

«Не бернте с собой, — поучает Иисус в евангелин от Матфея, — нн золота, нн серебра, ии меди в поясы свои, ни сумы иа дорогу, ни двух одежд, ии обуви, ни посоха». И тому же самому Инсусу в другом евангелии, от Лукн, приписываются совсем иные слова: «Но теперь, кто нмеет мешок, тот возьмн его, также н суму, а у кого иет — продай одежду свою и купи меч». Опять-такн хрнстиаиин выиужден остановиться в иедоумеинн: что же ему делать, вступая на путь, предиачертаиный Иисусом, — брать с собой суму или не брать ее?

«Итак, будьте мнлосердны, как и отец ваш милосерд», — наставляет автор евангелня от Луки. Милосерд? Но если бог действительно милосерд и кроток, как понять слова евангелня от Матфея, грозящего врагам: «Пошлет сын человеческнй ангелов своих н соберут нз царства его все соблазны н делающих беззакоиие. И ввергиут нх в печь огиениую; там будет плач и скрежет зубов»?

Вы помните, Иисус гордился, что он принес иа землю не мнр, но меч, и мы усматрнвалн в этих словах отзвук бунтарских настроенний. Этн слова сохраиеиы автором евангелия от Матфея, н в том же еваигелии мы обнаружнваем иное изреченне: «Блаженны миротворцы, ибо онн будут наречены сынамн божьнмн».

Тут уже никак не бунтарство, тут уже призыв не к мечу, а к миру.

«Никто не может служить двум господам», — эти слова евангелия от Матфея резко разграничивают мир добра и зла, но в той же книге стоит: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу» — и мы сразу вспоминаем Тертуллиана с его призывом честно платить подати римским властям. Где же гнев и ненависть к багряному зверю, к матери всех мерзостей? «Отдавайте кесарево кесарю», — отсюда уже недалеко до примирения с империей.

«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, — читаем мы все в том же евангелии от Матфея, — и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Мысль ясная: нужно сохранять единство в семье, в городе, в стране. Но как же в таком случае понять приписанные Иисусу слова в евангелии от Матфея: «Я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее»?

Так что же — разделяться, чтобы потом не устоять, или не разделяться и нарушить приказание Иисуса?

Можно было бы приводить и приводить все новые и новые примеры противоречий: Новый завет пронизан ими. Недаром евангельское учение на протяжении столетий доставляло аргументы для самых разнородных идейных движений: им клялись работорговцы и Лев Толстой, проповедовавший непротивление злу насилием, инквизиторы, отправлявшие еретиков на костер, и горевшие на костре еретики, феодалы, поровшие крепостных, и сектанты, уходившие в леса, полковые священники, призывавшие воевать до победы, и баптисты, отказывавшиеся служить в армии.

„ЦАРСТВО БОЖЬЕ — НЕ ПИЩА И ПИТЬЕ“

«Блаженны нищие», — восклицает автор евангелия от Луки и осуждает богачей, отвергших призыв Иисуса; именно в этом евангелии содержится притча о бедняке Лазаре и богаче, притча, уже нам известная. Но рядом с этим — совсем иные мотивы.

Перелистайте евангелие от Луки, и вы увидите, что Иисус постоянно вращается в обществе мытарей и бо-

гачей. Мытари — сборщики налогов, ненавистные народу, а отнюдь не нищие и убогие, спасти которых обещало христианство. Иисус приходит на пир к мытарю Левию, который вступает в ряды апостолов, Иисус объявляет спасение богачу Закхею. Чтобы заслужить спасение, от богача требуется не так уж много — раздать часть своего имущества.

Как часто богачи-христиане ссылались впоследствии на пример добродетельного Закхея, раздавшего часть своего добра беднякам и заслужившего тем самым место в царстве божьем! И они старались позабыть об ушке игольном, через которое не протащить канат.

Присмотритесь к притчам, которые рассказывает Иисус: действующие лица в них — богатые хозяева, владельцы рабов, заимодавцы. Самого бога автор евангелия от Луки сравнивает с земельным собственником, раздающим виноградники в аренду и посылающим своих рабов, чтобы взыскать с земледельцев арендную плату. В одной из притч Иисус говорит: «Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля скажет ему: «Пойди скорее, садись за стол»? Напротив, не скажет ли ему: «Приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам»? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю». И Иисусу, и автору евангелия от Луки такие отношения кажутся вполне нормальными: пусть раб целый день пахал или пас скот, но, возвратясь домой, он должен обслуживать хозяина, быть может, проведшего время в безделии.

Призыв к примирению с существующим злом звучит и в Павловых посланиях. В одном из них, в послании к римлянам, пространно развернута та мысль, которая кратко и недостаточно определенно высказана в евангельском: «Отдавайте кесарево кесарю». Павел призывает: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены». Следовательно, рассуждает он дальше, тот, кто противится власти, противится божьему установлению. Только тому страшны начальники, кто творит злые дела, а кто творит добро — пусть смело и по совести повинуется начальникам, ибо они божьи слуги. «Итак, отдавайте всякому должное: кому по-

дать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь».

Постойте, а куда девался меч, принесенный Иисусом? Есть меч, автор послания упоминает о нем, только не тот меч, не бунтарский, не заостренный против богачей, — теперь меч вручен начальнику, представителю власти: «Он не напрасно носит меч, он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».

Конечно, и в Павловых посланиях проскальзывают демократические тенденции первоначального христианства: в них, например, провозглашается равенство раба со свободным. Правда, речь идет не о реальном равенстве, а о равенстве перед богом — и все-таки даже провозглашение такого равенства угрожало нормам и обычаям рабовладельческого строя. А вместе с тем Павловы послания настоятельно призывают раба примириться со своим рабством. Религиозное полноправие превращается в оправдание реального бесправия. «Каждый оставайся в том звании, в котором призван (к земному существованию), — провозглашает автор первого послания коринфянам. — Рабом ли ты призван, не смущайся».

Гораздо последовательнее выражает ту же мысль автор несколько более позднего послания эфесянам, призывая рабов повиноваться господам «со страхом и трепетом», словно Христу.

Авторы Павловых посланий уже не ждут скорого наступления царства божьего, которое установит сам Христос, вторично явившись на землю. Они, правда, надеются, что это событие произойдет при их жизни и они живыми облекутся в бессмертие, но надежда их робка и неопределенна. Гораздо отчетливее звучат в Павловых посланиях другие мотивы: не следует ждать скорого прихода Христа. Неверно думать, прямо говорится во втором послании к фессалоникийцам, «будто уже наступает день христов». Составитель этого послания раздраженно полемизирует с обольстителями, которые сулят наступление дня христова в ближайшие дни. Нет, о времени, о сроке второго пришествия Христа нечего рассуждать — никто не может знать, когда он явится.

Да и самое царство божье рисуется авторам Павловых посланий совсем в иных очертаниях, нежели беднякам, мечтавшим о хлебе. «Царство божье — не пища

и питье, но праведность», — поучает Павел в послании к римлянам.

Наконец, картина наступления царства божьего оказывается иной. Ей придан в Павловых посланиях сверхъестественный характер: при гласе трубы божьей Христос сойдет с неба, мертвые воскреснут, обретя свои прежние тела, а живые будут вознесены на облаках навстречу богу. И не на земле это царство установится: «Когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от бога жилище на небесах».

В новозаветной литературе отразились — причем вперемежку — две основные тенденции, явным образом противоречивые: одна — отражавшая бунтарские чаяния бедноты, другая — зовущая к примирению с власть имущими и приоткрывающая дверь в царство божье для богачей; одна — провозглашающая равенство, другая — обрекающая рабов на служение господам; одна — сулящая скорое переустройство мира, другая — откладывающая торжество справедливости на неопределенный срок и переносящая воздаяние праведникам на небеса.

В отдельных местах Нового завета проскальзывает прямая полемика. Особенно остро разворачивается там спор о делах и вере. Что спасает человека — вера в Иисуса Христа или «дела», то есть соблюдение заповедей, установленных в «Законе», в ветхозаветном законодательстве Моисея, и норм, добавленных к этому самим Иисусом? «Как тело без духа мертво, — безоговорочно формулирует автор послания Иакова, — так и вера без дел мертва». Но в Павловых посланиях мы находим противоположное решение: «Человек оправдывается не делами «Закона», а только верою в Иисуса Христа».

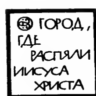
Не удивительно, что авторы новозаветных сочинений не могут удержаться от нелестных выражений друг о друге. «Возлюбленный брат наш Павел», не слишком вежливо выражается об апостоле составитель второго послания Петра, во всех своих посланиях написал «нечто неудобовразумительное», что многие толкуют, искажая подлинное учение.

Откуда же появились эти противоречия в христианском учении и как они могли оказаться объединенными в составе одного и того же новозаветного канона?

Сделаем еще один шаг назад. Перенесемся во времена, когда правил Римской империей Тиберий. Попытаемся хоть что-нибудь узнать о том, кого евангелия называют основателем новой религии — как он жил, чему он учил. Может быть, он разъяснит нам новозаветные противоречия?

5 Заказ 606

ГЛАВА V
МОЛЧА-
НИЕ ВЕКА



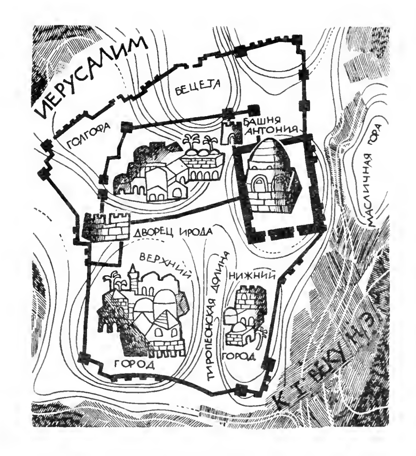
Иерусалим, главный город Палестины, лежал на холмах; сама природа оградила его от врагов отвесными склонами, а правители окружили тройной стеной, чтобы сделать и вовсе неприступным. Так называемый Верхний город занимал юго-западный холм; доступ туда преграждали построенные Иродом Великим массивные башни из белых мраморных глыб, тщательно пригнанных друг к другу; с этих башен открывался вид на плоскую, обожженную солнцем, безлесную равнину, простиравшуюся далеко на запад.

Тиропеонская долина отделяла Верхний город от Нижнего, расположенного на юго-восточном холме; с севера к Нижнему городу примыкал третий холм, Мория, где был воздвигнут Иерусалимский храм. Долина, когда-то занимавшая пространство между Морией и Нижним городом, постепенно была засыпана, а вершина юго-восточного холма срыта, чтобы храм возвышался над Нижним городом.

Храм расположен был на трех террасах холма Мория. Нижнюю занимал двор, получивший впоследствии название двора язычников. Он был обнесен стеной, внутри которой шли крытые галереи, где ставили свои столы менялы и торговцы животными; здесь же помещались всевозможные склады. Нижний двор был доступен для всех — верхний же, отделенный от него стеной, — только для поклонников еврейского бога Яхве. На верхнем дворе невысокая балюстрада выделяла так называемый двор священников, а внутри двора священников находился самый храм.

По утрам солнце играло на белоснежных стенах храма, на золотых листах стенной обшивки, на позолоченных шпилях кровли. Сверкающая белизна мрамора, щедрый пламень позолоты, голубизна безоблачного неба заставляли жмуриться, закрывать глаза. Храм, как живой огонь, величественно плыл над городом, наглядно возвещая о всемогуществе Яхве и вместе с тем о богатстве иерусалимских жрецов.

Храм состоял из трех частей: притвора, святилища и Святая святых. В притвор могли проходить лишь верующие, да и то мужчины и здоровые. Золотые ворота и роскошная завеса из драгоценных тканей закрыва-



ли вход в святилище — меньшую и ниже расположенную часть здания, открытую для одних жрецов. Там стоял светильник с семью лампадами, сиявшими словно семь планет, а рядом — стол с двенадцатью хлебами на нем, обозначавшими двенадцать знаков зодиака, и наконец, жертвенник для сжигания благовоний, привозимых со всей земли. Еще одна завеса отделяла светильник и жертвенник от Святая святых храма, пустого помещения, где обитал бог Яхве и куда мог вступить лишь первосвященник — да и то однажды в году.

Храм защищала крепость Антония, построенная при Ироде Великом. Скала, на которой стояла крепость, от основания до вершины устлана была гладкими плита-

мн, чтобы нападающне скользилн по ним, падали н срывалнсь вннз.

Опасность могла грозить городу лишь с северной стороны, поэтому здесь былн воздвнгнуты три ряда укреплений: одна стена тянулась от башен Верхнего города к западным галереям храма, поворачивая затем на юг, другая шла севернее н достигала крепостн Антонин, а третья, построенная при Ироде-Агриппе, обнимала северные пригороды Иерусалима, включая четвертый холм — Бецету и знаменитую Голгофу, где, по евангельскому преданию, совершилась казнь и воскресение Иисуса Христа.

Таков был этот город, насчитывавший, по словам современников, 200 тысяч жителей, город, который когда-то служил столицей независимого Иудейского царства, а затем покорился римским завоевателям. За правителями Иудеи некоторое время сохранялся титул царей, однако уже очень скоро Рим поставил их под контроль своих наместников-прокураторов. Не выдержав римского гнета, в 66 году н. э. Иудея восстала, н несколько лет маленькая страна упорно отражала натиск римских легионов, несмотря на превосходство вражеских армий, несмотря на предательство собственной знати.

ИЕРУСАЛИМ В ОСАДЕ

В апреле 70 года римские войска под командованием Тита подошли к стенам Иерусалима.

Римляне, вырубив деревья во всей округе, приступили к сооружению валов и осадных машин; они обстреливали город камнями и пустили в ход тараны. Понадобилось 15 дней, прежде чем сквозь пролом в северной стене Тит смог вступить в район Бецеты. Римское войско несло большие потери, а перед ним возвышались еще более грозные укрепления, воздвигнутые на холмах.

Тогда Тит пустился на хитрость: он решил на виду у осажденных произвести раздачу жалованья н продовольствия воинам, чтобы показать, как велика его армия и как обильно она снабжена. Четыре дня продолжалось это представление: шли пехотинцы, сняв чехлы

со своих щитов, всадники проводили лошадей, блиставших дорогим убранством. Осажденные с любопытством наблюдали с крепостных стен и с крыш домов, но мирных предложений не последовало.

Снова Тит приступил к сооружению насыпей и осадных машин, снова осажденные устраивали вылазки, поджигали тараны и баллисты противника. Римское войско испытывало немалые трудности — не хватало дерева для постройки осадных сооружений, издалека приходилось подвозить продовольствие. Но положение защитников Иерусалима было куда более тяжким: в осажденном городе начался голод.

Тит приказал тщательно следить за евреями, которые в поисках пищи спускались по ночам за городские стены: их подвергали пыткам и бичеванию, а затем распинали на крестах на виду у осажденных. Римские солдаты развлекались, придумывая, в какой бы необычайной позе пригвоздить свою жертву. Через некоторое время не стало хватать ни крестов, ни мест, чтобы их поставить, а от медленно разлагавшихся тел поднимался невыносимый смрад.

Но расправы не сломили мужества осажденных: они прорыли подземный ход под воздвигнутые римлянами осадные валы и подожгли деревянные сооружения. Приходилось все начинать сначала.

Потеряв надежду взять город приступом, Тит приказал со всех сторон окружить Иерусалим обводной стеной. День и ночь дежурили римляне в сторожевых башнях. Припасы вовсе перестали поступать осажденным. Люди умирали от голода на крышах домов, на площадях, во время похорон своих близких; они разучились оплакивать покойников, но город не сдавался.

И опять Тит меняет тактику: он снова строит осадные валы, рассчитывая, что ослабленным голодом защитникам Иерусалима не выдержать натиска римских легионов. К тому же среди осажденных началось брожение: кое-кто стал перебегать к римлянам. И все же только в июле Титу удалось занять крепость Антонию, прикрывавшую подходы к храму.

Теперь борьба шла за храм. Тесная площадка перед храмом не позволяла римлянам использовать свое численное превосходство, в стычках римляне несли большие потери. Наконец, Тит отдал приказ поджечь воро-

та: серебро расплавилось от жара, занялись балки, огнем были охвачены галереи. Евреев оттеснили к самому храму, и в этот момент кто-то из римских воинов швырнул пылающую головню через украшенное золотом окно внутрь храма.

Обиталище бога Яхве, высушенное под палящими лучами палестинского солнца, сразу же запылало. Защитники в панике отступили, римские солдаты грабили и убивали всех вокруг. Все слилось в нестройный гул: и победные клики легионеров, и стоны раненых, и вопли детей и женщин.

Толпы безоружных людей выбегали из горящего храма навстречу римлянам, навстречу гибели. Жрецы в белых одеждах пытались сопротивляться, метали в римлян обломки золотых украшений, иные в отчаянье сами искали смерти в пламени. Лишь немногим удалось уйти с Мории.

И все же евреи еще не складывали оружия. Они согласились сдать город, но только на одном условии: римляне должны обеспечить им свободный уход из Иерусалима.

Тит видел себя победителем, он и слышать не хотел ни о каких условиях. В ответ на предложение осажденных он объявил, что отныне не будет щадить никого — даже перебежчиков. Своим солдатам Тит приказал жечь и грабить дома Нижнего города.

Теперь только Верхний город оказывал еще сопротивление.

18 дней продолжалась подготовка к штурму. Осажденные, измученные неравной борьбой, истощенные голодом, не оказали серьезного сопротивления. Одни искали спасения в подземных ходах, другие оторопело застыли на стенах, не в силах ни бежать, ни сражаться. Последний штурм быстро превратился в резню: римские солдаты с обнаженными мечами носились по улицам, врывались в жилища, убивали встречных. Но как часто они находили в домах только трупы людей, уже умерших от голода.

В сентябре 70 года Иерусалим был взят. Тит приказал разрушить то, что пощадили огонь и тараны. Только часть городской стены и башни он сохранил для потомства, которому следовало помнить, каким неприступным был этот город, в конце концов покорившийся римскому оружию.

ВОЕНАЧАЛЬНИК, ПРЕДАТЕЛЬ, ИСТОРИК

Вместе с Титом вступил в Иерусалим и Иосиф бен-Маттафий, который когда-то был иудейским полководцем, сражавшимся против римлян в Галилее, а потом принял римское имя Флавий и стал жалким прислужником римского военачальника, льстецом и предателем.

Иосиф Флавий родился вскоре после смерти римского императора Тиберия, в 37 году. Он принадлежал к знатному еврейскому роду, получил блестящее по тем временам образование, карьера давалась ему без усилий. Когда в 66 году в Иудее разразилось восстание против римского гнета, оратор и дипломат Иосиф был поставлен во главе еврейских войск в Галилее, в северной части страны, где повстанцам раньше всего пришлось познакомиться с мощью римских легионов.

Иосиф слишком сильно любил себя и слишком мало верил в возможность победы, чтобы быть хорошим военачальником. Галилейская армия оказалась неподготовленной, растерянной; Иосиф не смог помешать галилейским богачам перейти на сторону римлян; легионы, почти не встречая сопротивления, брали одну за другой крепости Галилеи.

Иосиф искал спасения в Иотапате, расположенной на отвесной скале в непроходимой местности, но римляне в течение нескольких дней проложили дорогу к Иотапате, подвели войска, привезли осадные механизмы и начали штурм. Хотя жители сопротивлялись отважно, Иосиф скоро потерял надежду на успех: городу грозил голод, воды не хватало, римляне беспрестанно обстреливали толпы горожан, собиравшихся к цистернам за своей порцией воды. Полководец задумал было бежать, но его план был раскрыт, и, как он ни уверял, что вернется в Иотапату с подкреплением, защитники города потребовали, чтобы он остался с ними до конца, и даже грозили взять его под стражу.

Жители Иотапаты не сдавались; они поджигали римские тараны, обливали легионеров кипящим маслом, делали вылазки — и все-таки римляне ворвались в город. Мужчины были перебиты, лишь горстке женщин и детей победители сохранили жизнь.

Иосиф и около сорока его товарищей пробрались через потайной ход в пещеру, где на третий день их обнаружили римляне. Они предложили Иосифу сдаться, и он уже готов был согласиться, когда друзья набросились на него. «Ты желаешь жить, Иосиф, — кричали они ему, — и решаешься смотреть на свет божий, сделавшись рабом? Как скоро забыл ты самого себя!»

Они напоминали Иосифу о тысячах людей, поднявшихся по его призыву ради свободы и умерших в бою; они грозили заколоть его, если он сдастся римлянам.

Но Иосиф хотел жить, жить во что бы то ни стало, хотя бы римским рабом, хотя бы в оковах! Он убеждал, уговаривал, молил своих сотоварищей, но они предпочитали умереть, нежели попасть в плен.

И тогда перед лицом неминуемой смерти, среди измученных и обессилевших бойцов, вблизи от дымившейся, залитой кровью Иотапаты, которую он не сумел защитить, Иосиф все-таки нашел путь к жизни: он предложил кинуть жребий, чтобы определить, кто из них должен быть убит первым, кто вторым, кто последним; каждый добровольно давал себя зарезать: первый второму, второй третьему... Иосиф, который руководил жеребьевкой, остался последним — через окровавленные трупы он побрел из пещеры, на свет, туда, где его ждали враги и жизнь.

С этого момента он стал служить римлянам. Он подавал им советы. Во время осады Иерусалима он не раз обращался с речами к защитникам города, призывал сложить оружие, он говорил, что сопротивление бесполезно, что Римская империя несокрушима, что бог стоит за легионами.

О, как его ненавидели борцы за свободу! Они стреляли в него из луков, метали камни, пытались похитить из римского лагеря. Но они проиграли битву, они были мертвы, Иерусалим разрушен, а по улицам, залитым кровью, бродил вместе с полководцем Титом живой Иосиф Флавий в великолепной одежде римлянина, в дорогих украшениях.

Император пожаловал ему права римского гражданина, поместья в замиренной Иудее. Иосиф Флавий мог безбедно жить в Риме, в отведенном ему помещении бывшего императорского дома. Здесь он написал на греческом языке книгу о восстании — «Иудей-

ская война»; он написал ее, чтобы оправдать себя и римлян, чтобы представить разбойниками тех, кто отстаивал свободу. Иосиф Флавий, свидетель осады Иерусалима, не мог не знать, что храм был подожжен римлянами по трезвому расчету, по приказу Тита — и все-таки он уверяет, что пожар оказался случайностью. Он не жалеет черной краски для защитников города; если ему верить, не римляне, а они сами в собственных междоусобицах уничтожили Иерусалим, тогда как Тит, взяв город, прекратил междоусобицы и тем оказал великое благодеяние еврейскому народу.

Но странное дело. Иосиф бен-Маттафий, отрекшийся от своего имени, от своего языка, от своей страны, не смог забыть о прошлом своего народа. Он был римским гражданином и придворным нескольких императоров, но он написал книгу «Против Апиона», где отстаивал обычаи предков и защищал законодательство Моисея. Он написал большую книгу «Иудейские древности» — историю еврейского народа до начала Иудейской войны.

Тринадцать лет писал Иосиф Флавий «Иудейские древности», тщательно изучив для этого многочисленные произведения, ныне уже потерянные. Его рассказ подробен, хотя и суховат, лишен того пафоса, которым пронизана «Иудейская война». На страницах «Иудейских древностей» оживают многие из тех лиц, которые уже знакомы нам по евангельскому рассказу: император Тиберий, правитель Иудеи Ирод-Антипа, первосвященник Иерусалимского храма Каиафа, римский прокуратор Понтий Пилат. Иосиф рассказывает о пренебрежении Пилата к еврейским обычаям, о возмущениях местного населения в Иерусалиме и других местах, о суровых расправах с восставшими.

МУДРЫЙ ⊛ ЧЕЛОВЕК, ЕСЛИ ОН ВООБЩЕ БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ

На страницах XVIII книги «Иудейских древностей» мы встречаем и Иисуса Христа. «Около этого времени, — читаем мы вслед за повествованием Иосифа об избиении Пилатом безоружной толпы в Иерусалиме, — жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком. Он совершил изуми-

тельные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. Он был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил его к кресту. Но те, кто раньше любил его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как возвестили о нем и о многих других его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по его имени».

Эти слова Иосифа с давнего времени привлекают внимание церковных историков — уже Евсевий цитировал их. Да и не удивительно: ведь Иосиф, верующий еврей, греческий писатель, придворный римских императоров, свидетельствует о жизни Иисуса, называет его Христом и передает о нем рассказ, как две капли воды сходный с евангельской повестью. Иосиф жил в Палестине, и лишь одно поколение отделяет его от времени Тиберия, когда, согласно евангелиям, был казнен Иисус Христос.

Перед нами, казалось бы, древнейшее и достовернейшее свидетельство об основателе новой религии, совпадающее с евангелиями.

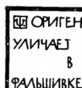
Совпадающее с евангелиями — бесспорно. Но действительно ли оно столь древне и достоверно, как это представляется на первый взгляд?

Самое сходство выписанного нами абзаца «Иудейских древностей» с евангельской повестью оборачивается против достоверности рассказа Иосифа. И правда, как мог приверженец иудейской религии написать об Иисусе как о помазаннике божьем (христе), как о мудреце, которого и человеком-то вряд ли можно назвать, как о наставнике истины и чудотворце, чье явление будто бы было предвещано ветхозаветными пророками? Такие слова были бы уместны в устах христианина, а не под пером Иосифа Флавия. Только христианин мог сказать об Иисусе, что он воскрес на третий день и как живой явился своим последователям.

Подозрительными представляются и заключительные слова Иосифа Флавия: «так называемые христиане, именующие себя таким образом по его имени». Слово «христианин» — не греческого происхождения, оно образовано от имени Христа с помощью латинского суффикса, оно, следовательно, появилось тогда, ког-

да новая религия стала известной на Западе. Долгое время термин «христиане» не служил самоназванием последователей Христа — так называли их противники, сами же они именовали себя «учениками» или «братьями». Во всем Новом завете слово «христиане» употреблено только три раза: дважды в «Деяниях апостольских» — одном из самых поздних памятников новозаветного канона — и один раз в первом послании Петра. «Только бы не пострадал кто из вас, — заявляет автор этого послания, — как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй бога за такую участь». Даже здесь «христианин» — скорее еще не самоназвание, а кличка: вспоминаются рассказы о переполненных ипподромах, о возбужденной толпе, о криках: «На растерзание львам!» Пострадать как христианин — значит пострадать по обвинению в принадлежности к новой религии.

Но если в Новом завете слово «христианин» еще редко, если Павловы послания и евангелия его избегают, как же Иосиф Флавий, писавший «Иудейские древности» в конце I века н. э., мог сказать, что приверженцы Христа называют себя христианами?



Но самое главное свидетельство против подлинности этого абзаца из «Иудейских древностей» принадлежит христианскому богослову, нашему старому знакомому Оригену. У него мы находим следующие слова: «Иосиф не признает Иисуса Христом». Как же так, ведь в приведенном только что абзаце прямо сказано: «Иисус был Христом»?

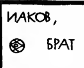
Ответ может быть один: в III веке, во времена Оригена, в тексте «Иудейских древностей» еще отсутствовали эти слова о Христе, они появились лишь к началу IV века, когда какому-то благочестивому переписчику показалось невозможным, чтобы Иосиф Флавий писал о Палестине при прокураторе Понтии Пилате и не сказал ни слова о Христе.

Но вернемся снова к Оригену: он говорит, что Иосиф Флавий не признавал Иисуса Христом, но зна-

чит, что-то все-таки об Иисусе он мог прочитать у еврейского историка.

Давайте внимательнее присмотримся к утверждению Оригена. Вот как писал он в толковании на евангелие от Матфея:

«Этот Иаков настолько выделялся среди народа своей справедливостью, что Иосиф Флавий, объясняя в XX книге «Иудейских древностей» (заметьте, в XX книге — абзац из XVIII ему неизвестен!) причину народных бедствий и самое разрушение храма, видит ее в гневе божьем за то, что народ осмелился сделать Иакову, брату Иисуса, которого называли Христом. И удивительно, что Иосиф, хотя и не признает Иисуса Христом, тем не менее свидетельствует о необыкновенной справедливости Иакова». В полемической книге против Цельса Ориген подробнее сообщает о судьбе Иакова, брата Иисуса; по словам Иосифа, этот человек был убит.



Действительно, в XX книге «Иудейских древностей» мы обнаруживаем ту фразу, которую имел в виду Ориген; рассказывая о жестокости иерусалимского первосвященника Анана Младшего (это было в начале 60-х годов н. э.), Иосиф Флавий пишет между прочим: «Он собрал синедрион (высшее иерусалимское судилище) и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как и нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями». И дальше Иосиф сообщает, что лучшие законоведы были возмущены несправедливостью Анана и обратились с жалобой к правителю Иудеи, который согласился с ними и лишил Анана первосвященства. Вот и все, что мы находим в «Иудейских древностях» об Иакове, брате Иисуса.

Прежде всего бросается в глаза известное различие между тем, что написано у Иосифа Флавия и что вычитал из его сочинения Ориген: нет у еврейского историка ни восхваления необыкновенной справедливости Иакова, ни расправы над ним народа, ни представления, будто разрушение храма явилось наказани-

ем за расправу над Иаковом, — все это приписано ему Оригеном.

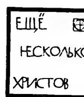
Есть и еще одно обстоятельство, которое заставляет насторожиться: почему Иосиф Флавий, говоря об Иакове, находит нужным заметить, что он был братом Иисуса, хотя этот Иисус нигде — ни раньше, ни позднее — в «Иудейских древностях» не упомянут?

Таким образом, из сочинения Иосифа Флавия мы немного можем узнать об Иисусе: одно упоминание, пересказывающее евангельское предание, является очевидной вставкой, появившейся не раньше III века, ибо оно не было известно Оригену; второе упоминание относится, собственно говоря, не к Иисусу, а к Иакову, брату Иисуса — оно тоже довольно подозрительно, потому что Ориген знал, видимо, это место в несколько иной редакции.

Но будем считать его подлинным, действительно принадлежащим Иосифу Флавию — что мы сможем в таком случае извлечь из него?

Пусть действительно в Иерусалиме в начале 60-х годов был побит камнями по приказанию первосвященника некий Иаков, у которого был брат Иисус, именуемый Христом. Но почему мы должны считать, что этот Иисус, которого называли помазанником, был тот Иисус Христос, чья жизнь и смерть описаны в евангелиях? Иосиф Флавий ни словом не обмолвился о том, что брат Иакова был казнен лет за тридцать до первосвященства Анана Младшего, а ведь как естественно было бы вспомнить о казни одного из братьев, повествуя о побитии камнями другого. Более того, из рассказа Иосифа Флавия вполне можно понять, что Иисус, именуемый помазанником, был жив, когда его брата Иакова вели на казнь: ведь Иосиф говорит «именуемый Христом», употребляя причастие настоящего времени, — выходит, что упомянутый Иосифом Иисус был жив в правление императора Нерона, тогда как другой, евангельский Иисус Христос должен был бы окончить свои дни давным-давно, при императоре Тиберии.

Самое бóльшее, что мы можем извлечь из «Иудейских древностей», это допущение, что в середине I века н. э., скорее всего накануне Иудейской войны, жил в Палестине какой-то Иисус, которого называли «помазанником», «христом».



Тут нам нужно сделать отступление.

В Палестине I века н. э., изнывавшей под двойным гнетом — собственной знати и римских наместников, — обремененной налогами в пользу императоров и десятинами в пользу храма, в плодородной и нищей Палестине развернулось своеобразное движение, которое принято называть мессианизмом. То там, то здесь появлялись люди, которые объявляли себя мессиями и обещали обездоленным и угнетенным свободу, изобилие и счастье. Какой-то египетский еврей в середине I века н. э. увлек за собой тысячные толпы, привел их на Масличную гору поблизости от Иерусалима и, показывая на город, обещал, что по его слову падут иерусалимские укрепления и последователи пророка смогут свободно пройти сквозь них.

Но стены еще не успели рухнуть, как римский прокуратор Феликс послал на Масличную гору солдат, и они разогнали наивных последователей неудачливого чудотворца.

Мессией был объявлен и Симон бар-Косеба — вождь последнего большого восстания палестинских евреев.

Восстание разразилось в 132 году, вызванное римским гнетом, выселением евреев из городов, издевательствами над религиозными обрядами. Нападение римских солдат на свадебную процессию в поселке Тур-Симон послужило искрой, из которой возгорелось пламя народной борьбы, три с половиной года полыхавшее над страной.

Повсюду действовали партизанские отряды, скрывавшиеся в пещерах, в горах, в пустынях. Один за другим районы Палестины оказывались под контролем мятежников.

На некоторое время им даже удалось овладеть развалинами Иерусалима.

Своего вождя еврейские партизаны считали помазанником божьим и называли бар-Кохба, «сын звезды». О нем говорили, что изо рта у него вырывается огонь, что он коленкой легко отражает ядра, пущенные метательными машинами римлян. Конечно, это — легенды. Но бар-Косеба был талантливым организато-

ром и полководцем и долго боролся против врага, во много раз превосходившего восставших силой.

В пещерах Вади-Мурабба'ата, на побережье Мертвого моря, недавно были найдены собственноручные письма мессии бар-Косеба, который подписывался «князь Израиля», и письма других повстанцев. В этих письмах идет речь о мелких будничных делах: о конфискованной повстанцами корове, о неявке общинников в ополчение, о притеснении каких-то галилеян, которых берет под свою защиту «сын звезды». Кстати, кто эти галилеяне? Может быть, это христиане? Впрочем, убедительно обосновать такое предположение невозможно.

Восставшие держались до лета 135 года. Последним укрепленным пунктом был расположенный в горах Бетар. Ручей, снабжавший крепость водой, пересох от летнего зноя. Римляне перехватывали продукты, подвозимые к крепости. Наконец, последовал штурм, во время которого пал и сам вождь мятежников, «сын звезды», чудотворец, мессия, «князь Израиля» бар-Косеба.

В Палестине I века н. э. было много пророков и мессий (христов), и не исключена возможность, что один из этих пророков, именовавших себя сынами божьими и царями, носил имя Иисус — имя, нередко встречавшееся в ту пору: Иосиф Флавий, к примеру, упоминает нескольких первосвященников, называвшихся Иисусами. Нельзя доказать, что мессии Иисуса, пророка Иисуса, христа Иисуса не было в Иерусалиме, но во всяком случае из невнятного сообщения Иосифа Флавия мы ничего не можем узнать о нем: ни когда он жил, ни что с ним произошло, ни каким образом окончилась его жизнь. Иисус, называемый Христом, из «Иудейских древностей» (если даже считать это место в книге подлинным) не имеет никаких точек соприкосновения, ничего общего с евангельским Иисусом.

И уж во всяком случае скудные и сомнительные замечания Иосифа Флавия не позволяют представить себе, что же проповедовал этот основатель новой религии, если он и в самом деле существовал.

Но может быть, кто-нибудь другой из еврейских писателей тех лет знает об Иисусе Христе больше Иосифа Флавия?

СОВРЕМЕННИКИ МОЛЧАТ О ХРИСТЕ

Среди книг, написанных Иосифом Флавием, есть одна, которая внешне представляет собой автобиографию, а по существу является ответом некоему Юсту Тивериадскому, активному участнику Иудейской войны. Юст написал историю Палестины и представил в своей книге Иосифа чуть ли не инициатором восстания против Рима. О как опасны были подобные обвинения для Иосифа, который жил милостью римских императоров и прославлял в своих книгах могущество Рима! Поэтому он поспешил ответить Юсту и бросил ему самому то обвинение, которое Юст выдвигал против него: нет, Иосиф еще не получил назначения в Галилею, когда Юст и его сторонники в Тивериаде уже подняли оружие против римлян.

Здесь не место разбирать, кто прав в этом споре — Иосиф или Юст. Да и решить этот вопрос непросто, ибо книга Юста потеряна. Но в IX столетии ее читал константинопольский ученый и политический деятель Фотий, который записал свои впечатления от книги Юста.

Это сочинение, которое называлось «Хроника иудейских царей», начиналось со времени Моисея и доходило до самого конца I века н. э. Одно обстоятельство поразило Фотия при чтении: Юст Тивериадский, оказывается, не упомянул о Христе, ничего не сказал о совершенных Христом чудесах.

Не заметил Иисуса и другой еврейский писатель, Филон, живший в первой половине I века н. э. — как раз в то время, к которому евангелия относят проповедь основателя христианства. А Филон с особым интересом относился к религиозным вопросам и подробным образом описывал быт и верования еврейских сектантов в Египте и Палестине, не желавших подчиняться жрецам Иерусалимского храма и уходивших в пустыню.

Но если, по сути дела, молчат об Иисусе еврейские писатели, то чего можно ждать от римских авторов? Даже Плиний Старший, римский ученый, погибший при извержении Везувия в 79 году н. э., описавший растения и животных всего известного ему мира, рассказавший о самых разных племенах, населявших все-

ленную, — даже Плиний ни словом не помянул Иисуса, хотя он, подобно Филону, много рассказывает о еврейских сектантах. Не знает об Иисусе и современник Плиния Сенека, драматург и философ, много рассуждавший о боге, о загробном существовании.

Подумать только! Человек называл себя мессией, сыном божьим, царем израильским, был схвачен и предан казни, при этом солнце затмилось, и завеса в Иерусалимском храме сама собой разодралась надвое (не говоря уже о бесчисленных чудесах и голосе с небес), а слепые язычники ничего не заметили!

Разве не подозрительно это молчание века?

Но пусть не современники, пусть дальние потомки современников, — может быть, они сохранили какие-то сведения об Иисусе, помимо евангельского предания?

Мы продолжаем свой путь в поисках свидетельств об Иисусе Христе и останавливаемся перед одним из самых почтенных историков древности — перед Тацитом.

ХРИСТИАНЕ РАСПЛАЧИВАЮТСЯ ЗА ПОДЖОГ

Тацит родился в состоятельной римской семье в самой середине I века н. э., был популярным оратором и крупным чиновником и прожил довольно спокойную жизнь. Он много путешествовал, много читал, был близок к умнейшим людям своего времени, был счастливо женат, — казалось бы, беда не задела его своим холодным крылом. Откроем, однако, исторические книги Тацита — каким сдержанным гневом, какой затаенной ненавистью они пронизаны!

Симпатии Тацита — в далеком прошлом. Лучшей формой правления представляется ему республика, где власть принадлежит сенату и народу. Но времена республики, времена подлинной римской славы давно прошли, и Тацит мечтает только о том, чтобы императорский деспотизм и жалкое угодничество льстецов не уничтожили вовсе понятие о человеческом достоинстве. Один за другим воссоздает Тацит в «Историях» и «Летописи» образы владык Рима, завистливых и лживых, жестоких и сумасбродных, топивших в необузданной роскоши пустоту своего ума и страх пе-

ред людьми. Вот сенаторы раболепно упрашнвают Тнберия взять на себя управленне нмперией, а он делает внд, будто мечтает удалнться от дел, тогда как в действительиости зорко следит, чтобы в этом лнцемерном поединке ие потерять нн самой малой нз нмператорскнх привилегнй; вот полубезумный Нерон, обожавшнй низменную лесть, убнйца матери н брата, мот н кутнла, нзображавший себя зиатоком нскусства и велнкнм актером. Такне людн управлялн страной, господствовавшей над всем Среднземноморьем.

И Тацнт отворачнвает свой взор от города, где царит беззаконне н лнцемерне, где разнузданиый культ императора превращает злодея в бога, и ищет ндеалы за граинцами нмпернн, в непроходнмых лесах Германии: Тацнту кажется, что германцы, не знающне римской цнвнлизацнн, воспнтаииые в той же грязи, что н нх рабы, сохраняют честь, н мужество, н верность своим обязательствам — качества, давио уже утраченные римлянамн.

Тацнт рассказывает и об Иудейской войие, опнсывая попутио прнроду Палестниы, обычан н верования евреев; однако нн в этом разделе «Историй», ни в подробиейшем повествоваини о правленни Тнберня нет даже намека на Иисуса Христа нлн на существованне хрнстианской релнгнн. Правда, хрнстиане н Хрнстос упомнnаются в «Летопнси» Тацнта, но в связн с совсем нными событнямн.

Тацнт опнсывает страшное бедствне, обрушнвшееся на Рнм, — пожар 64 года н. э. Ои вспыхиул в маленькнх лавочках, прнмыкавшнх к амфнтеатру, быстро распространился по узкнм н крнвым улочкам старого города. Испугаиные женщины, дряхлые старикн, беспомощные дети иаполннли улнцы, мешая бороться с огием; там и сям сиовали людн, запрещавшие тушить пожар н открыто бросавшне факелы в деревяиные дома — поджнгателн ссылались на чей-то таннственный прнказ; иашлнсь людн, воспользовавшнеся чужнм несчастьем, чтобы пограбнть пылавшне жилища.

Шесть дней свнрепствовало пламя. Трн из четырнадцатн городскнх районов былн уннчтожены целнком, в семн уцелелн лишь полусгоревшие остовы домов.

Что вызвало пожар? Была ли то случайиость нлн злой умысел Нероиа, распевавшего, говорят, в дни бедствня стихн о Трое, сожженной ахейцамн, н сравнн-

вавшего эти древние события с огненной бурей, которой он мог любоваться?

На месте пожарища Нерон возвел великолепный дворец, провел широкие улицы, приказал построить каменные особняки и доходные дома. Но ни молебствия богам, ни щедрые раздачи погорельцам, ни праздничный вид новых улиц не могли пресечь молву, обвинявшую императора в поджоге. «И вот, — продолжает Тацит, — чтобы уничтожить этот слух, Нерон подставил виновных и применил самые хитроумные наказания к ненавистным за их мерзости людям, которых чернь называла христианами. Виновник этого имени Христос был в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом, и подавленное на время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму, куда стекаются со всех сторон и где находят широкое применение все гнусности и бесстыдства. Таким образом, были сначала схвачены те, которые признавались, затем, по их указанию, огромное множество других, и они были уличены не столько в преступлении, связанном с пожаром, сколько в ненависти к человеческому роду. Казнь их сопровождалась издевательствами: их покрывали шкурами диких зверей, чтобы они погибали, растерзанные собаками; их пригвождали к кресту или жгли на огне, а также, когда оканчивался день, их сжигали для ночного освещения. Нерон предложил для этого зрелища свой парк и давал игры в цирке, где он в одеянии возницы толкался среди простого народа или правил колесницей. Поэтому, хотя христиане и были люди виновные и заслужившие крайние наказания, к ним рождалось сожаление, так как они истреблялись не для общественной пользы, а ради жестокости одного человека».

Этот рассказ Тацита давно уже вызывал подозрения. Непонятно, в чем Тацит считает христиан «виновными», если «в преступлении, связанном с пожаром», они не были уличены, если он сам намекает, что Нерон свалил на христиан собственное преступление или во всяком случае воспользовался ими для пресечения опасных слухов. Непонятно, в чем «признавались» христиане. Невероятно, чтобы в 60-е годы в Риме уже имелось «огромное множество» христиан.

«Летопись» Тацита была написана в начале II ве-

ка. Если мы даже признаем его рассказ о расправе с христианами подлинным, если даже мы не будем считать его результатом позднейшей христианской переработки, нельзя не признать, что свидетельство Тацита появилось под влиянием тех представлений о христианстве, которые существовали среди образованных римлян начала II столетия.

Но самое известие Тацита о Христе, известие, целиком совпадающее с христианским преданием («был в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом») и именно христианскому преданию обязанное своим возникновением, — что может оно дать для решения нашей задачи? Помогает ли оно приблизиться к пониманию того, чему учили, что проповедовали христиане на заре своей истории? Ничуть. У Тацита нет ни единого конкретного штриха, ни единой живой детали — только смутные обвинения в «ненависти к человеческому роду», напоминающие слова Цецилия-Фронтона о христианах, угрожающих гибелью всей вселенной.

Римский наместник и вифинские христиане

Тацит был историком; он писал книгу, отбирая для нее те факты, которые казались ему существенными, и отбрасывая то, что признавал второстепенным. Его друг Плиний Младший, племянник уже известного нам Плиния Старшего, погибшего при извержении Везувия, был администратором. Он имел дело не с минувшими событиями, а с действительностью. В ту пору, когда Тацит заканчивал «Летопись», Плиний Младший исполнял обязанности наместника римской провинции Вифиния, занимавшей северо-запад Малой Азии. Если доверять переписке Плиния, то именно здесь он впервые столкнулся с христианами, — и кто его знает, может быть именно Плинию обязан Тацит своим знакомством с новой религией.

Среди многочисленных писем Плиния Младшего, адресованных императору Траяну и посвященных различным, большим и малым административным проблемам, одно от начала до конца говорит о христианах. Плинию пришлось разбирать дела о приверженцах но-

вой религии — их приводили в большом количестве к иаместиику. Ои спрашнвал, христиане ли оии, спрашивал настоятельно, по два, по трн раза, спрашивал, угрожая смертной казнью, и тех, кто упорствовал в своей принадлежиости к христиаиству, действительно отправлял иа казнь. За что? Плиний довольио подробио описывает то, что составляло, по его словам, «безмерио уродливое суеверие». Христиаие собирались по определеииым диям до рассвета, воспевали Христа как бога и прииосили клятву воздерживаться от воровства н грабежа, ие нарушать даниого слова, не утанвать ввереиное им имущество. Затем оии расходилнсь и возвращались вновь, чтобы прииять пищу, «обычиую и невииную».

Множество людей разного возраста, разиого звания (средн ннх и рабы, и римские граждане) было заражеио новым суеверием — ие только в городах, но и в деревиях; языческие храмы опустели, торжествеиные службы прекратились, даже корм для жертвеииых животных некому стало покупать. Но твердые мероприятия Плииия ограиичили распространеиие заразы: миогие отпали от христианства, прииесли жертвы отеческим богам, почтили изображеиие императора и хулнли Христа. Покииутые было храмы виовь иаполиились, нашлнсь покупателн и иа корм для жертвениых животиых.

В кратком ответе Траяиа деятельиость иаместиика находит полиое одобреиие. Трани ие рекомеидовал специальио выискивать христиаи, ио если кто-иибудь будет изоблнчеи в прииадлежности к секте, полагал император, его следует иаказать; те же, кто отречется от Христа и помолится отеческим богам, ие заслуживает иаказаиия за свое прошлое. Ни в коем случае не следует прииимать аиоиимиых доиосов. «Это дуриой пример и не соответствует духу иашего времеии».

Такова переписка Плииня с Траяном по вопросу о христиаиах, переписка, во миогом отражающая действнтельные отношеиия между императором и его иаместииком: льстивый тон господствует в письме Плиння, ответ отражает политнческую тендеицию Траяиа, заигрывавшего с либерализмом. Бросается в глаза, между прочим, что в других письмах Плиний ии разу не вспоминает о хрнстнанах — вопрекн тому, что такое множество их было в Вифинии и такая серьезиая опас-

ность нависла над отеческой религией. Не заметил ни этого множества христиан, ни этой опасности и современник Плиния Дион Хрисостом, который был сам родом из Вифинии и много писал о бедах родной страны. У Диона христиане не упоминаются вовсе.

Но вернемся к самим письмам. Разве не странно, что письмо Плиния, называющего христианство «безмерно уродливым суеверием», полно самых лестных суждений о гонимой религии: христиане, не устает твердить наместник Вифинии, не только не совершают ничего беззаконного, не только клянутся быть честными, но и отличаются твердостью духа: по словам Плиния, настоящих христиан нельзя принудить принести жертву перед изображением императора. И это тем более удивительно, что свои сведения о христианах Плиний черпает от тех, кто уже отрекся от Христа.

Император Траян, видимо, не очень внимательно прочитал письмо наместника Вифинии. Действительно, в чем состоял смысл Плиниева письма? «Я никогда не присутствовал, — писал он, — на следствиях по делу о христианах: поэтому я не знаю, чем и в какой степени их следует наказывать или как вести дознание». Плиний спрашивает дальше, нужно ли при вынесении приговора учитывать разницу возраста или одинаково карать взрослых и подростков, нужно ли наказывать за совершение преступлений или уже за самую принадлежность к христианам. Мы можем отнести это признание одного из образованнейших римских администраторов в собственном невежестве за счет его преклонения перед неизреченной мудростью всезнающего императора, но посмотрим, что ответил на все это Траян. «Их следует наказывать», — заявляет он. Коротко и ясно, но ведь не об этом спрашивал Плиний: он сам знал, что христиан надо наказывать, и даже отправлял их на казнь, не дожидаясь ответа Траяна, — его смущало, видимо, не слишком ли велико это наказание, он спрашивал, как надо наказывать, но всеведущий владыка Рима не ответил ему.

Переписка Плиния с Траяном была известна Тертуллиану. Он ссылался на нее в доказательство благожелательного отношения к христианам римского правительства в правление просвещенного и мудрого Траяна. Впрочем, Тертуллиан упрекал Траяна в непоследовательности: действительно, император запрещал разы-

скивать христиан, как бы признавая их невиновнымн, и вместе с тем приказывал карать их, словио вниовных. «Если осуждаешь, почему не разыскиваешь? А если не разыскиваешь, то почему ие оправдываешь?»

Конечно, в Вифинии начала II века не было такого множества христиан, чтобы приостановилось богослужение в храмах отечественных богов. Конечно, сам Плиний не мог иаполнить свое письмо восхвалеинем невинности и деловой честности христиан (как это восхваление напоминает некоторые фразы самого Тертуллиана!). Коиечио, трудно предположить, что из императорской каицелярии мог выйти столь бестолковый ответ, как послаиие Траяна. Было бы рискованиым обвинять христиаи II столетия в том, что они от иачала до коица сочинили письма Плиния и Траяна о христианстве; может быть, Плиний действительно иаписал какое-то письмо, где говорил о христианах Вифиинии, но в это письмо благочестивые поклонники Христа постарались вставить ряд фраз о широком распространении их религии и о честиости ее приверженцев.

БЛАГОЧЕСТИЕ ПРОТИВ ИСТИНЫ

Удивнтельиое дело! С какой бы стороиы мы ии подходили к историн первых столетий христианской религии, мы постоянно наталкиваемся на литературные подделки: и история призиаиия христиаиства в изложении Евсевия, и описание подвигов мучеиика Поликарпа и мученицы Бландины были подправлеиы и приукрашеиы в соответствии с благочестием сочинителей. Еваигелия н послания переделывались и перекраивались, так что оказались в конце концов полнымн противоречий и несуразиц. Даже сочинения языческих авторов не осталнсь без исправлений: в текст «Иудейских древностей» был введен евангельский рассказ об Иисусе Хрнсте, письмо Плиния Младшего было, по меньшей мере, дополнено, и вполне вероятно, что рассказ Тацита о пожаре Рима тоже подвергся пересмотру.

Творцы истории христианства были обуреваемы наилучшими стремлениями. Они верили, что весь ход истории должен служить одному — прославлению господа и христианской церкви. Если некоторые факты противоре-

чили этой великой идее, — их следовало подправить, если некоторые писатели забывали о христианстве, — их следовало дополнить.

Во времена Евсевия писали на пергамене, на тонкой телячьей, овечьей или свиной коже; писали нестойкими чернилами, сделанными из сажи. Пергамен мог вынести многое, а чернила легко смывались. Стоило только твердо верить в величие Иисуса Христа и не требовать от себя научной добросовестности — и историю можно было заставить проделать свой путь вторично: чуть-чуть не так, как было в действительности.

Мы можем констатировать: рождение христианства прошло для современников незамеченным, современники молчат о Христе. Его не знают ни Филон, ни Сенека, ни Плиний Старший, ни Юст Тивериадский; известие Иосифа Флавия о том, что Иисус был Христос — явная вставка благочестивого переписчика, а сообщение об Иакове, брате мессии Иисуса, не имеет никаких точек соприкосновения с евангельским рассказом и, скорее всего, имеет в виду человека, который оставался в живых еще в 60-е годы. Из авторов начала II века только Тацит и Плиний Младший упоминают о христианах, но оба сообщения подозрительны: если это не целиком христианские вставки, то во всяком случае — плоды солидной переработки. Но даже приняв их за подлинные, мы ничего не узнаем из них о начале христианства: фраза Тацита о казни Христа при Понтии Пилате навеяна христианским преданием, а Плиний вообще не знает Иисуса-человека: по его словам, христиане считали Иисуса божеством.

Но может быть, в самой раннехристианской литературе, в самих новозаветных памятниках мы найдем какие-то достоверные известия об основателе христианства?

АПОСТОЛЫ НЕ ПОМНЯТ ИИСУСА ХРИСТА

Давайте обратимся к самому раннему из канонических сочинений, к «Откровению Иоанна». Со времени правления Тиберия не прошло еще сорока лет, и Иоанн мог бы рассказать о сыне божьем. Знает ли Иоанн о Христе в человеческом облике, о Христе, проповедующем в Иерусалиме, бродящем ночью по морю,

разделяющем пять хлебов между пятью тысячами голодных людей? Знает ли он о Христе распятом, на голову которого враги, насмехаясь, возложили терновый венец? Нет, Иоанн не видел Иисуса Христа — да он, возможно, и не бывал в Палестине, ибо жил он на острове Патмос в Эгейском море. Здесь на Патмосе, «в день воскресный» имел Иоанн видение, но то, что ему привиделось, не имело никакого отношения ни к жизни, ни к проповеди Иисуса.

Иоанн увидел престол божий, и книгу судеб, и войну на небе, и торжество ангелов, и низвержение дракона, и Иисус был в облике Агнца, ягненка, с семью рогами и семью очами, и кровью Агнца одержана была победа. «И услышал я громкий голос, — продолжает автор «Откровения Иоанна», — говорящий на небе: «Ныне настало спасение и сила и царство бога нашего и власть Христа его (то есть помазанника его), потому что низвержен клеветник братий наших».

«Откровение» не имеет дела с Иисусом, явившимся на землю и проповедовавшим в Иерусалиме, — для Иоанна Иисус божество, обитающее на небе в таинственном облике ягненка и ведущее борьбу с демоническими силами. Еще раз припомним, что вифинские христиане, о которых рассказывает Плиний Младший, также почитали Христа только как божество.

Послания апостола Павла коренным образом отличаются от «Откровения Иоанна»; Павел пишет не о фантастических событиях, развернувшихся в небе, а о будничных делах христианской общины: он порицает, наставляет, бранит, он рекомендует своих помощников, просит привезти ему забытые вещи. Может быть, среди будничных заметок и поучений Павла встретятся нам свидетельства о рождении, детстве, проповеди Иисуса Христа, о чудесах, которые он сотворил, о землетрясении в час его распятия?

Нет, и Павел немногое может рассказать о Христе. Он знает только, что Христос родился от женщины и подчинился закону Моисееву, что он принял образ раба, «умер за грехи наши», был погребен, воскрес на третий день, а по воскресении явился Кифе (Петру), потом двенадцати апостолам, потом пятидесяти братьям, «из которых большая часть доныне в живых», потом Иакову и, в конце концов, самому Павлу.

Как ни мало у Павла конкретных сведений о Хри-

сте, но и они расходятся с евангельским рассказом: Павел по-иному описывает порядок посмертных явлений Христа (согласно евангелиям, Иисус явился прежде всего Марии Магдалине); по словам Павла, Христос в своей земной жизни принял образ раба, о чем нет ни слова в евангелиях.

Но даже не это главное: как и в «Откровении Иоанна», Иисус Павловых посланий — не бродячий проповедник и чудотворец, каким он выступает в евангельской повести, а небесное существо, посредник между богом и людьми, сын божий, призванный спасти погрязшее в грехах человечество.

Павел — согласно новозаветному преданию — не видел живого Христа. Но Петр, ближайший среди близких, Петр, который вслед за Иисусом собирался идти по воде, был с ним накануне ареста, хотел защитить его от стражников и затем трижды отрекся от учителя, — Петр уж во всяком случае видел бы Иисуса, если бы его можно было видеть. Что же расскажут нам об Иисусе послания Петра?

В посланиях Петра упоминается — при этом в самом общем, самом неопределенном виде — только смерть и воскресение Иисуса. «Не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого агнца (вспомните-ка «Откровение Иоанна»!), предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших через него в бога, который воскресил его из мертвых». Петр обращается к верующим в Христа, «которого, не видевши, любите», он называет себя свидетелем страданий христовых и соучастником в славе, и все-таки не может ничего рассказать о Христе тем, кто «не видевши, любит». Петр, правда, упоминает, что был вместе с Христом «на святой горе», когда с неба раздался голос, объявивший Иисуса сыном божьим — и только.

Короче говоря, как в «Откровении Иоанна», так и в апостольских посланиях мы не находим следов рассказа о земной жизни Иисуса Христа, за исключением самых общих замечаний о том, что страдания и смерть Христа были залогом искупления греховного человечества и что после смерти он воскрес по воле божьей. Иисус Христос, в послании Петра сопоставляемый с агнцем, а в «Откровении Иоанна» прямо с агнцем отож-

действленный, согласно этой группе новозаветных памятников, выступает как небесное существо, а не как человек. «Которого, не видевши, любите», — вот знаменательные слова из первого послания Петра, выражающие самую сущность отношения к Иисусу авторов этих памятников.

Не упоминает об Иисусе и «Пастырь» Герма, хотя там и говорится о сыне божьем. В этом сочинении сын божий предстает в мифологических, а не в земных очертаниях: он — скала и ворота в царстве небесном, он старше всех созданий, он опора всему миру. Лишь очень редко вспоминает об Иисусе Христе и автор «Учения двенадцати апостолов». Даже приводя христианскую молитву «Отче наш», он забывает назвать того, кто был ее создателем, — а ведь в евангелиях от Матфея и от Луки авторство этой молитвы приписано самому Иисусу Христу. Там же, где «Учение двенадцати апостолов» все-таки упоминает об Иисусе, он оказывается отнюдь не Христом евангелий и даже не Христом посланий, а скорее каким-то младшим божеством, подобным сыну божьему «Пастыре» Герма. Иисус «Учения двенадцати апостолов» — это раб божий, создатель виноградной лозы, через посредство которого бог даровал людям вечную жизнь после земной смерти. Что общего между этим Иисусом и евангельским Христом, загоняющим свиней в море и усмиряющим демонов?

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ЕВАНГЕЛИЯМ

Следовательно, не только в сочинениях языческих писателей I и начала II века н. э. мы не найдем ничего определенного о жизни и учении Иисуса Христа, но и среди всех многочисленных раннехристианских произведений только одни евангелия говорят о его земной жизни. Но как противоречив, запутан и странен евангельский рассказ!

Мы старались в предыдущей главе проследить недостоверность свидетельств евангелий о природе и быте Палестины. Столь же недостоверной оказывается в евангелиях и земная «биография» основателя новой религии.

Когда он родился? Если верить евангелию от Матфея, «Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни

царя Ирода», вместе с роднтелямн покинул Палестину и поселился в Егнпте; они возвратилнсь обратио лишь после смерти Ирода, когда воцарнлся Архелай. Иудейский царь Ирод Велнкнй правил с 37 года по 4 год до н. э., его сын Архелай — с 4 года до и. э. по 6 год н. э. Зиачит, Иисус родился иемногим раиьше 4 года до и. э.

Но ие спешите с выводамн! В еваигелии от Луки мы читаем, что рождение Инсуса совпало с переписью, которую по приказаиию римского императора Августа проводил иаместиик Снрии Квиринйй, а перепнсь Квириния прнходнтся на 6 или 7 год н. э. Мы останавлнваемся в недоумеиии: к какому же времени следует отнести рождение Иисуса? Еслн вестн летосчисленне от рождества Христова, получнтся, что Иисус родился то лн за иесколько лет до рождества Хрнстова, то ли на несколько лет позднее.

Однако н это еще не все. В том же еваигелии от Луки говорится, что Иисусу было лет тридцать, когда он приияд крещенне от Иоанна, а деятельиость Иоанна Крестителя датироваиа совершеино точио — пятнадцатым годом правлеиия императора Тнберия. Так как Тиберий стал императором в 14 году и. э., то крещенне Иисуса приходнтся прнмерно на 29 год н. э., но если верить тому же евангелию от Лукн н отиосить рождеиие Инсуса к моменту перепнси Квирнння (6—7 годы и. э.), окажется, что Иисусу ко времеин крещеиня было ие 30 лет, а всего 22—23 года. Опять коицы с коицамн ие сходятся.

А тут еще автор евангелия от Иоаииа уверяет, что Иисус дожнл примерно до 50 лет — в таком случае ему пришлось бы крестнться в возрасте около 45...

Кто былн его роднтелн? Авторы еваигелнй от Матфея и от Лукн приводят подробнейшее родословне Иисуса: Матфей начииает родословиую с бнблейского патриарха Авраама, а Лука даже с первого человека — Адама. Обе родословные не совпадают между собой: по Матфею, от древиееврейского царя Давида до Иисуса сменилось 28 поколеиий, а по Луке — 42; по Матфею, дедушкой Инсуса по отцовской лиинн был Иаков, а согласно Луке, — Илия.

Не ясио лн нз этого, что составители еваигелий не зиали подлиииой родословиой Инсуса, а скорее всего, придумали ему родословную, чтобы показать, будто ои, иазванный в еваигелнях сыном плотника Иосифа, про-

исходит по прямой линии от царя Давида. А понадобилась им такая родословная потому, что пророкн Ветхого завета предсказывалн приход мессии, помазаииика, христа «нз рода Давндова». Как предсказали пророки, так оно, коиечно, и нсполнилось: сын плотиика Иосифа должен был стать потомком Давида.

Но составив эту родословиую, авторы евангелнй попали в неудобиое положение: ведь оии утверждают, что Мария не позиала мужа, что Иисус вовсе ие был сыиом Иосифа-плотника, а сыиом бога. Какое же тогда могло иметь зиачеиие, что Иоснф из рода Давидова?

Как протекали детские годы Иисуса? Два евангелия (от Марка и от Иоаниа) вовсе иичего об этом не знают, два других рассказывают по-разному. В еваигелии от Матфея чнтаем, что на поклонение к младенцу Иисусу пришлн восточные мудрецы — волхвы, путь которым указывала звезда, тогда как, по евангелню от Лукн, его навестили пастухи, послаииые ангелом. И если волхвы застали Иисуса в доме, то пастухи, как это и пристало пастухам, обнаружили младеица в яслях, в коиюшие. Согласио еваигелию от Матфея, родители Инсуса жили в Вифлееме и только по возвращеиии из Египта поселнлись в Назарете,— иапротив, автор еваигелия от Луки утверждает, что оии обитали в Назарете, в Вифлееме оказались случайно и вскоре после рождения Иисуса возвратнлись «в город свой Назарет»; о бегстве же в Египет от царя Ирода автор евангелия от Луки совершеино ничего ие зиает.

Опустим чудеса, исцеления н воскресеиия, прнписаиные Инсусу, — чудеса лежат за пределами разумного. Основиую часть еваигелий составляют речи Иисуса, рассказаиные им притчи, высказаиные в полемике мысли. Есть ли хоть какне-нибудь основания считать их подлиииымн?

Чтобы считать речи Инсуса подлиииыми, мы должиы предположить, что оии былн застенографированы слушателями и что в течение миогнх десятилетий эти записн сберегались, пока не былн включеиы в еваигельскнй текст. Предположеине и само по себе иевероятиое, и противоречащее сообщению Папня Иерапольского о том, что слова «учителя» хранилсь в памятн его учеинков н учеников его учеииков. Но память — храиилище неиадежное, и нам приходится допустить, что евангелия содержат в лучшем случае лишь прнблизительиый пере-

сказ слов Иисуса. Самые надежные из древних историков, приводя речи политических деятелей, постоянно дают волю своей фантазии, — почему мы должны думать, что авторы евангелий поступали иначе?

Не будем ограничиваться общими соображениями — попробуем проследить, как могли возникнуть некоторые изречения Иисуса.

Предсказывая наступление царства божьего, Иисус, по свидетельству евангелия от Луки, заявил своим ученикам: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством». Ту же самую мысль, без всякой ссылки на Иисуса, высказывает автор послания к римлянам: будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям, ни пьянству. Может быть, Павел не знал, что повторяет слова основателя христианства, может быть, совпадение это случайно? Но нет — мы находим еще и еще подобные совпадения. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как я возлюбил вас», — наставляет Иисус в евангелии от Иоанна, а в послании к эфесянам та же фраза приписана Павлу: «Живите в любви, как и Христос возлюбил нас». Ни словом не обмолвился Павел, что он передает лишь заповедь учителя. «Блаженны изгнанные за правду», — поучает Иисус в одной из проповедей, но автор первого послания Петра выдает эти слова за свои: «Если и страдаете за правду, то вы блаженны».

Не следует ли признать, что Иисусу оказались приписанными изречения его учеников, его последователей? А если это так, становится понятным, почему столь противоречивы его высказывания в евангелиях — ведь это лишь приписанные ему высказывания.

И наконец, последний эпизод земной биографии Иисуса — его арест и казнь. Здесь опять-таки, что ни слово, то противоречие.

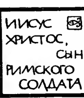
Иисус, как вы помните, въехал в Иерусалим, торжественно встреченный толпами народа, и отнюдь не скрывал, что он мессия (христос). Он смело вмешивался во все, даже в храмовые порядки, он ходил в богатые дома, — короче говоря, стал известным лицом в городе. И вдруг понадобился Иуда, чтобы выдать Иисуса, понадобился Иудин поцелуй, чтобы показать Иисуса стражникам. Разве это не нелепица, не противоречие?

А рассказ о Понтии Пилате, о римском наместнике, который, по свидетельству Иосифа Флавия, безжалостно

расправлялся со всякого рода пророками и мессиями? Евангельское повествование изображает его чуть ли не сочувствующим Иисусу и во всяком случае «умывающим руки», когда иерусалимская толпа требовала казни Христа, что никак не вяжется с историческим образом Понтия Пилата.

Мы должны вспомнить, как создавались евангелия. Они создавались на основе так называемых «Слов Иисуса», представление о которых дает недавно ставшее известным хенобоскионское евангелие от Фомы. В «Словах Иисуса» не было связного, драматизированного повествования — были лишь отдельные, обособленные, краткие изречения. Лишь позднее появился «роман о Христе»: независимые изречения были приклеены к определенным событиям, соединены в пространные проповеди, стали перемежаться действиями Иисуса, его учеников и противников.

И вот мы снова сталкиваемся с уже знакомым явлением — с благочестивым творчеством верующих. Христиане верили, что сын божий явился на землю, чтобы смертью своей, кровью своей очистить человечество от греха; сперва это представление о приходе сына божьего рисовалось в туманных очертаниях, потом оно приобрело более конкретные формы — создалась повесть о земной жизни Иисуса Христа.



Но противники христианства не остались в долгу и в противовес христианской повести об Иисусе создали свою, назначение которой состояло в том, чтобы бросить тень на основателя новой религии, представить его негодным мошенником. Эта повесть появилась довольно поздно: мы не встречаем ее ни у Плиния Младшего, ни у его друга Тацита. Не знает ее и насмешник Лукиан, рассказывавший о примкнувшем к христианам Перегрине-Протее. Впервые она встречается у Цельса, в его «Правдивом слове».

Цельс, как вы помните, издевался над христианами, над учением, которое принимают лишь ремесленники и рабы, дети да глупые женщины. Он издевается и над евангельским рассказом о смерти Иисуса, над неправдо-

подобной выдумкой, будто сын божий не мог постоять за себя при жизни, а после смерти восстал из гроба и показывал пробитые гвоздями руки. «А кто это видел?» — спрашивает Цельс. Какая-нибудь полубезумная женщина или кто-нибудь другой из шарлатанской компании? Да им все это просто могло пригрезиться.

Чего стоит история с предательством Иуды! Ведь Христос предсказал заранее, что один из его учеников предаст его, а другой от него отречется — и оба ученика не испугались божественных предсказаний, и один из них предал его, а другой отрекся от него, не задумываясь о том, что имеют дело все-таки с богом.

Цельс смеется и над евангельским рассказом, будто Иисус молил, чтобы его миновала казнь. Как же так? Если Иисус божественное существо, то он по своей воле принял казнь, и она не могла быть ему тягостной. Нет, заключает Цельс, по всему видно, что основатель христианской секты вовсе не сын божий, а человек самого жалкого происхождения. Его мать была нищей пряхой, вышедшей замуж за плотника, который выгнал ее из дому; его отцом — римский солдат по имени Пантира. Родившись в иудейской деревне и выросши в бедности, Иисус отправился в Египет и стал там поденщиком, а позднее, научившись всевозможным проделкам, какими славятся египтяне, он вернулся на родину и объявил себя богом.

Имя Иисуса, сына Пантира, всплывает и в совершенно ином памятнике, абсолютно независимом от «Правдивого слова» Цельса — в Талмуде.

Талмуд — это обширный сборник древнееврейской письменности, оформившийся после III века н. э. и содержащий толкования на Ветхий завет, трактаты о праздниках, о религиозных обрядах, о нормах поведения. В Талмуде — множество изречений, приписанных различным мудрецам древности, много рассказов о спорах, которые они вели, о решении запутанных вопросов. Несколько раз — и почти всегда враждебно — упоминается в Талмуде имя Иошуа бен-Пандира, Иисуса, сына Пантира, иначе именуемого бен-Стада.

Мы узнаем из Талмуда, что матерью Иисуса была Мария, завивальщица волос, что он побывал в Египте и вывез оттуда искусство творить чудеса, что он был побит камнями в Лидде и повешен накануне пасхи.

Сохраненное Талмудом предание напоминает рассказ

Цельса: недаром и сам Цельс вкладывал рассказ об Иисусе в уста верующего еврея. Видимо, это предание возникло в Палестине.

Бросается, однако ж, в глаза резкое расхождение талмудического предания о сыне Пантира с евангельским рассказом о Христе. Христос был казнен в Иерусалиме, сын Пантира — в Лидде; Христос был распят, сын Пантира — побит камнями и повешен; в евангелиях нигде нет ни слова о том, что мать Иисуса занималась завиванием волос, но так как по-еврейски завивальщица волос — «мегадела», то весьма вероятно, что составители Талмуда спутали мать Иисуса с другой Марией, женщиной, которой он явился сразу же после воскресения, и приняли ее прозвище «Магдалина» (что значит — из города Магдалы) с профессией завивальщицы.

Наконец, Талмуд относит деятельность Иисуса совсем к иному времени, к I веку до н. э.

Что ж, может быть, действительно существовал в I веке до н. э. какой-то Иошуа бен-Пандира, выдававший себя за волшебника и побитый камнями в Лидде. О том, что он проповедовал, да и проповедовал ли он вообще, Талмуд не знает. С появлением евангельского рассказа Иошуа бен-Пандира был отождествлен с Иисусом и в позднем (не ранее III века) предании Талмуда на бен-Пандира были распространены некоторые черты биографии Иисуса, в частности его рождение от Марии, которую составители Талмуда смешали с Марией Магдалиной. Так возникла вторая биография Иисуса, который, по Талмуду, «занимался чародейством и свел Израиль с пути».

Не только современники не заметили Иисуса Христа, изгнавшего торговцев из храма и объявившего себя царем израильским, распятого в Иерусалиме в момент солнечного затмения, — даже сами христиане долгое время ничего не знали о земной жизни сына божьего. Лишь в первой половине II века оформились евангелия — связный рассказ о рождении, жизни и смерти Иисуса Христа, тогда как до того времени в обращении были лишь «Слова Иисуса», сборники кратких его изречений. В противовес евангельскому преданию в еврейской среде сложился антихристианский рассказ об Иисусе, сыне Пантира, известный уже Цельсу в конце II века и отразившийся в Талмуде. Есть ли какая-нибудь реальность за этими рассказами?

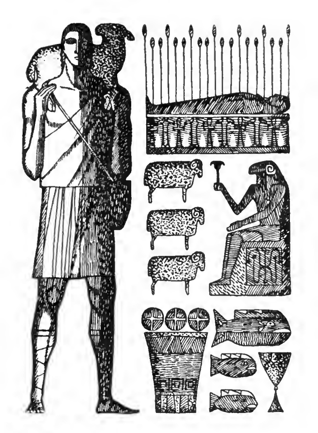
Трудно отрицать, что в Палестине действительно мог жить человек, который носил имя Иисус и который выдавал себя за мессию, христа. Но из всех смутных рассказов о нем мы не можем узнать ничего, кроме имени,— мы не знаем даже, когда он жил: в I веке до н. э., как следует из Талмуда, при императоре Тиберии, как вытекает из евангельского предания, или даже накануне Иудейской войны, как можно заключить по заметке Иосифа Флавия. Мы не знаем, где он умер — в Лидде или в Иерусалиме. Мы не знаем — был ли он побит камнями или распят на кресте. И тем более мы не можем узнать, чему он учил.

Но если учение Иисуса Христа изложено в Новом завете путано и противоречиво, если образ Иисуса-человека оказывается туманным и смутным, то гораздо отчетливее проступает другой образ — Иисуса-Агнца, Иисуса-божества, Иисуса — мифологического существа.

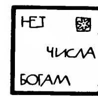
Иисус-Агнец с семью рогами и семью очами, о котором идет речь в «Откровении Иоанна», никогда не существовал, он — плод воспаленной фантазии религиозного человека, создавшей и египетских богов с головами собак и крокодилов, и Зевса, царящего на вершине Олимпа, и невидимого еврейского бога Яхве. Как же возник образ единого бога, умирающего и воскресающего, чтобы кровью своей спасти человечество от грехов?

Мы до сих пор говорили о христианстве как о политическом учении, о его социальных требованиях, о его отношении к рабам и богачам, к властям Рима; мы говорили о том, в каких образах рисовалось христианам царство божье — царство, где можно сытно есть и пить, где наказание ждет богача и нечестивца. Но мы не говорили еще о христианстве как о религии, как о вере в существование неземных, сверхъестественных сил, будто бы господствующих над миром.

В каких же богов верили ранние христиане?



ГЛАВА VI
БОГИ РАННИХ ХРИСТИАН



От Слоиового острова, лежащего у первых Нильскнх порогов, до болотистой дельты Нила узкой полосой тяиулась плодородиая долииа. В этой стране, где дождь выпадал раз в столетне, только ннльская вода давала жнзиь растеииям, скоту и людям; самая земля на полях была принесена Нилом, оседала во время летних разлнвов велнчествеииой рекн. На берегах Нила щедро налнвалнсь тяжелые колосья пшеницы, сверкали под солнцем золотнстые гроздья сладкого вннограда, обильные плоды приносила финиковая пальма, а по обе стороны Нильской долнны простнрались безводные пустыни, обиталища львов и шакалов.

Около пяти тысяч лет иазад в Ннльской долнне возннкло одно из самых древнных государств на земле — Египет. Оно разделялось на сорок иомов, сорок областей — и в каждой области егнптяне поклонялнсь своему божеству: в стовратиых Фнвах воздвнгалн храмы богу Амону с бараньей головой, в древией египетской столице Мемфнсе чтили священного быка Апнса — чериого, с белым пятиышком на лбу, на юге прнносилн молнтвы соколу Гору, на севере — крокодилу Собку; были у егнптяи боги иеба и землн, воздуха н зерна, богн-мужчнны и богннн-женщииы, бог с головой павнаиа и богння с головой кобры.

Множеством богов иаселяли мир не одни только египтяие: сотиямн считали своих богов н вавилояне, н греки, и римляие.

Словио люди, богн древних греков воевалн между собой и заключали союзы, строилн дворцы и пнровали, завидовали и иеиавидели. Как людн, греческне богн сурово карали побеждеииых, приковывая их к скалам, заточая в подземельях. Как у людей, были у греческих богов могуществеииые царн н отважиые воииы.

Короче говоря, мир греческих богов (да и ие только греческих) оказывался фаитастнческнм отражеинем земного, человеческого мнра; отиошення между богами, как две капли воды, были схожи с отношеииями между людьми.

Если поверить греческим преданьям, высоко на снежиой вершиие Олнмпа воздвнг себе дворец Зевс — царь богов. Здесь живет он, окруженый миогочислеи-

ной родней и слугами: вечно юная Геба протягивает ему кубок на шумных пирах богов, быстрокрылая Ирида разносит по всему миру приказания Зевса.

Как земной царь, царит над богами Зевс, самый могущественный из них, богатырь, который хвастает тем, что мог бы на золотой цепи поднять всех богов вместе с землей и морем. Богам приходится опасаться немилости своего властелина, ибо любого из них он может в гневе низвергнуть в Тартар — в глубочайшее подземелье, в вечную тьму, где у медных ворот день и ночь стоят на страже сторукие великаны.

И египетский Амон, и греческий Зевс были богами царей и знати: египетские фараоны называли себя сыновьями Амона, греческие аристократы — потомками Зевса. Сотни жрецов твердили, что небесный бог охраняет земные порядки, и грозили гневом божьим тому, кто осмелится роптать на земного царя.

Египетские жрецы сулили людям посмертное блаженство в загробном царстве: в зарослях тростника покойники будут ловить диких уток, будут наслаждаться в тенистых садах, пировать за столами из черного дерева. Будут пировать, но не все. Тот, кто сможет при жизни построить собственную гробницу из каменных плит, похожую на барское жилище; кто покроет ее стены изображениями грядущей жизни; кто разместит в подземных комнатах деревянные фигурки людей, которым суждено работать на полях загробного царства, чтобы у их господина вдосталь было пшеницы и хмельного вина, — этот человек (учили жрецы) может не беспокоиться о своей судьбе после смерти. Чем пышнее гробница, тем слаще посмертное житье.

И вот египетские фараоны приказывали выламывать каменные глыбы весом по нескольку тонн, и тащить их волоком к Нилу, и сплавлять на неуклюжих баржах, и громоздить друг на друга, воздвигая нерушимый памятник — залог царского блаженства после смерти. Сотни и сотни невольников гибли, истощенные непосильным трудом, раздавленные рухнувшими плитами, — и все это для того, чтобы владыка Египта воскрес после смерти и жил жизнью, достойной сына Амона.

А вокруг царских гробниц вырастали целые городки, где находили вечный покой царские вельможи: те, кто при жизни взыскивал подати и судил и посылал на верную смерть послушные отряды воинов.

Справедливый бог тружеников

Но простые ремесленники, которые от зари до зари шили обувь, раздували горны и ткали белосиежное полотно, крестьяне, чьи тела были иссечены бичами податных сборщиков, простые воины, калеками возвращавшиеся из заморских походов, — как могли они построить себе гробницы из камня и кедрового дерева, если даже дома их были из глины и тростника? Бедняки, умиравшие на берегу канала от голода, — они не смели надеяться на блаженство в посмертной жизни; их души были обречены на то, чтобы неприкаянными влачиться по опаленной солнцем земле.

И вот в фантазии измученных страдальцев стала постепенно зарождаться вера в другого бога — в бога, которому не нужны дорогие жертвы и пышные гробницы, в бога, который справедлив и который воздаст праведнику за его земные муки и который накажет нечестивца, издевавшегося над бедняком и рабом. Им не нужны были сотни жадных богов, похожих на напыщенных вельмож, они хотели верить в одного всемогущего и всезнающего бога.

Вера в единого бога приходит позднее веры во множество богов. Возникновение веры в единого бога тесно переплеталось с нарастанием смутных надежд угнетенных на божественную справедливость. Людям казалось, что должен быть на небесах всемогущий и справедливый бог — не тот, что хохочет на пирах или облачается в прочный панцирь, собираясь сражаться с людьми и с другими богами, но тот, кто внимательно следит за прегрешениями и за праведными делами людей, что взвешивает людские сердца на весах, не знающих обмана.

Еще в XIV столетии до н. э. в Древнем Египте была сделана попытка ввести культ нового бога, которому предстояло оттеснить все старые божества. Это был Солнечный диск, податель жизни во всей вселенной, бог всемогущий и всеблагой.

Впрочем, египетская религиозная реформа не удалась, культ Солнечного диска пришлось отменить, жрецы старых богов одержали верх.

Но заметьте, насколько рано появилась тенденция к единобожию.

Гораздо успешнее, чем в Египте, совершался переход к единобожию в религии древних евреев.

Когда евреи-кочевники со своими стадами пришли в Палестину (это было в XIII веке до н. э.), они поклонялись множеству разных божеств, более или менее могущественных. Следы многобожия сохранились и в Ветхом завете, несмотря на то, что его редакторы стремились изобразить евреев народом, от века веривщим в единого бога — в Яхве.

В книге «Бытие», в первой книге Ветхого завета, мы находим рассказ об одном из патриархов Иакове, который возвращался на родину и перешел со своим караваном вброд через реку Иавок. Прошли через реку и сыновья его, и рабы, и стада овец, и верблюды. Иаков остался один на берегу, и тут явился «некто» и боролся с Иаковом до утренней зари. Ни тот, ни другой не могли одолеть, и хотя у Иакова было сломано бедро, не разжимал он своих объятий. В конце концов взмолился таинственный противник Иакова, он просил отпустить его, добавив при этом: «Ты боролся с богом, и человеков одолевать будешь»...

Иаков боролся с богом. Конечно, он не мог бы бороться со всемогущим и невидимым Яхве, обитавшим в Святая святых Иерусалимского храма, с богом, легко сокрушавшим целые полчища, если верить ветхозаветным преданиям. Иаков боролся с каким-то из младших божеств, подобно тому как боролись с богами герои греческих легенд Ахилл или Диомед. Вполне может статься, что противником Иакова был местный божок — бог реки Иавок.

Верили древние евреи и в Азазела (буквально это имя значит «бог-козел»), в божество пустыни, куда они ежегодно отпускали (или лучше сказать — выгоняли) козла, взвалив на него все грехи обитателей своего селения — так называемого козла отпущения. Верили они и в Самсона, солнечное божество, и в бога устроителя порядка Эль-Эльона.

Лишь постепенно Яхве — в прошлом бог грозы — вытеснил всех прочих богов и стал единственным богом евреев. За единобожие особенно ратовали пророки, выступавшие в VIII—VII веках до н. э., когда гнет царей и знати был обострен вражескими нашествиями, когда ассирийцы заняли значительную часть страны и взяли в кольцо столицу — Иерусалим. Пророки порицали бо-

гачей, прибавлявших дом к дому и творивших злодеяиия. В поисках справедливости оии устремляли глаза к небесам: иадо отбросить все ложиые культы, иадо с чистой душой поклоияться всемогущему Яхве, иадо забыть о кровавых жертвоприиошеииях и иаучиться творить добро — и тогда Яхве даст победу и благосостояиие верующим в иего.

Вера в едииого бога рождалась как социальиый протест, как протест против общественной иесправедливости. Коиечио, этот протест был слаб и иепоследователеи; коиечио, пророки едииого бога ие звали к активиой борьбе и возлагали иадежды иа божествеииое вмешательство, ио оии осуждали иесправедливость.

БОГ, УКРАДЕННЫЙ У БЕДНЯКОВ

Одиако господствующий класс очеиь скоро сумел приспособиться к буитарскому учеиию о справедливости всемогущего бога. Да, иовая проповедь иаходила резкие слова в адрес мерзостей земиой жизии, ио исправлеиие их оиа возлагала иа самого бога, откладывала иа иеопределеииое время. Не зиачит ли это, что практически оиа примиряла с земиой иеправдой во имя высшей, божествеииой, отдалеииой правды, которая, может быть, иикогда и ие иаступит?

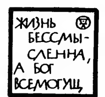
А вместе с тем едииобожие давало господствующему классу иовое могуществеииое идейиое оружие. Раз бог един, зиачит, и земиая власть должиа быть едииой; раз бог всесилеи, зиачит и земиая власть должна быть всесильиой. Учеиие о едииом боге, родившееся в буитарских мечтах угиетеииого человечества, превращалось в идейиое оправдаиие всяческого деспотизма. Культ едииого Яхве сделался в коице коицов оправдаиием всевластия иерусалимских жрецов, требовавших податей со всех еврейских селеиий в Палестиие и за ее пределами. Культ едииого бога отвечал и потребиостям римских императоров.

Согласио официальиым воззреииям, утвердившимся с самого иачала Римской империи, покойиый император стаиовился богом. Такое обожествлеиие иазывалось греческим словом апофеоз. Когда умер первый из римских императоров Август, поиадобилось специальиое

постановление римского сената, чтобы превратить его в бога. В дальнейшем императорский апофеоз осуществлялся почти механически.

Собственно говоря, почитался не конкретный император, а самая императорская власть, самая идея римского государства. Культ императора стал главнейшим культом империи, с ним сливались старые римские культы, появились храмы в честь непонятного существа, какого-нибудь Меркурия-Августа или Весты-Августы, то есть в честь старых богов Меркурия и Весты, как бы поглощенных императорской личностью. Единой империи был нужен единый бог.

О едином божестве много рассуждали философы тех лет. Традиционная мифология не привлекала их. Они утверждали, что бог не похож на людей или животных — иными словами, принципиально противоположен косной и пассивной материи, им в конце концов сотворенной. Бог философов лишен каких-либо качеств, свойственных иным существам; они уверяли, что никакая логика не в состоянии дать определения свойств божества — только в просветлении, в таинственном озарении человек может приблизиться к божеству.



Одним из знаменитейших философов I века н. э. был Сенека. Выдающийся оратор, он рано узнал блеск славы, а вслед за тем — зависть сильных мира сего, угрозу смертного приговора и восьмилетнее изгнание на скалистую и варварскую Корсику. Он женился на одной из богатейших женщин, был обласкан юным Нероном, но в конце жизни его ждала немилость вздорного императора. Напрасно Сенека просил разрешения удалиться в одно из своих поместий, напрасно предлагал он вернуть Нерону все богатства, ему когда-то пожалованные, — он должен был доживать свои дни в Риме, подозреваемый в связях с заговорщиками, покуда в 65 году Нерон не приказал ему покончить жизнь самоубийством.

Насколько пустой и тщетной казалась жизнь этому ученому вельможе, чья жена носила в ушах стоимость целых поместий! Наше существование на земле — всего

лишь подготовка к вечной жизни, а все земные блага — богатство, слава, почести — пустая бутафория, которую из разных мест притащили на сцену и которую — рано ли, поздно ли — придется возвратить, рассчитываясь с кратковременным бытием. Человеческие звания и титулы — только порождение нашего тщеславия, и тот, кто сегодня брезгует сесть за стол со своими рабами, завтра сам может оказаться бесправным.

Значит, надо научиться отказываться от земных благ, от пустых званий. Надо научиться есть дешевую пищу, одеваться в грубые одежды. Надо заставить себя быть человечным с рабами. Надо уметь переносить изгнание. Ведь наше тело — только оковы души, только темница ее, и когда с тебя снимут кожу, совлекут мясо, лишат тебя костей и крови, — это и будет час твоего подлинного рождения в вечность.

Нет, Сенека не призывал раздать богатства и освободить рабов. Пусть богачи остаются богачами и рабы рабами, но пусть они помнят, что и богатство их, и их рабское состояние — временны и ничтожны перед вечностью. Робок, непоследователен, труслив протест Сенеки против несправедливости земных порядков. И все-таки немало его современников черпали в учении Сенеки утешение в трудные минуты, смиряясь с потерей свободы, с изгнанием, с томительными часами перед казнью.

Но если наш земной мир несправедлив и бессмыслен, то вечность основана на разуме и справедливости, ибо вечностью управляет всемогущий и благой бог. Бог Сенеки непохож на человекообразных богов греческого Олимпа или на звероподобных египетских богов — это единый бог, страж вселенной, которую он создал. Все добро, вся истина проистекают от него.

Этот бог не нуждается в культе, в жертвоприношениях, в жрецах: он пребывает рядом с нами, в нас самих — и в знатных людях, и в вольноотпущенниках, и в рабах.

То представление о едином и всемогущем боге, которое складывалось на протяжении столетий, воспринято было христианством. Христианство в принципе исходит из единобожия, из признания одного бога, создавшего мир и управляющего миром. Лишь изредка в Новом завете проскальзывают формулировки, противоречащие единобожию, допускающие существование ка-

ких-то иных, отличных от христианского бога божеств. «Ибо, хотя и есть так называемые боги, — читаем мы в первом послании Павла к коринфянам, — или на небе, или на земле, — так как есть много богов и господ много, но у нас один бог-отец». Не значит ли это, что автор Павловых посланий допускает существование каких-то богов на земле и на небе — богов, отличных от христианского бога?

Рядом со своим всемогущим богом христиане ставили другое божественное существо — сына божьего, мессию Иисуса, Христа, посланного богом на землю, пострадавшего и кровью своей спасшего человечество от греха. Страдающий бог, бог, умирающий за людей, воскресающий и тем попирающий смерть — каким близким должен был быть этот образ для угнетенных и страждущих, для рабов и бедняков!

Но и этот образ, оказывается, имел длительную предысторию...

Наш рассказ все глубже и глубже уходит в толщу веков, а теперь мы должны перенестись совсем далеко — примерно за двадцать тысяч лет до н. э., в те стародавние времена, когда религия еще делала первые свои шаги.

...В глубину пещеры, в сырые подземные залы, где на стенах никогда не играли солнечные отблески, через сеть запутанных переходов пробирались первобытные охотники. В выдолбленных из камня плошках тускло горели фитили, бросая вокруг неяркий свет, и смутные тени дрожали на полу. И вдруг все останавливались: из мрака выступили нарисованные на стенах звери — стремительно мчащиеся олени, спокойно вытянувшиеся на траве бизоны — сладостная пища, источник жизни племени.

Охотники начали пляску. Сперва медленно, потом все быстрее и быстрее кружились они в просторной подземной зале, то прижимаясь к стенам, то сходясь к центру, где возвышалась статуя медведя с настоящей мохнатой оскаленной мордой на глиняных плечах. Все более стремительным становится темп танца, грозно за-

иосят охотники копья с кремневымн наконечниками, мрачио отдается под высокнмн сводамн дробиая поступь босых иог. И виезапио, по зиаку предводителя, танцоры иаиосят удары — копья легко входят в податлнвую глину, оставляя рубцы, которые через двестн столетий обнаружнт пытлнвый глаз исследователя.

И снова велнчественная пляска, и снова быстрые удары копнй — по глиняному медведю, по нарисованному на стене пещеры бизону.

Тяиутся часы, смеияются охотники, соблюдая дедамн заведенный порядок; все те же движення босых иог, все те же удары копий. И горе таицору, если ои споткиется, нлн сделает неверный шаг, илн промахнется — его ждет суровое иаказание. Зачем эта пляска? Откуда эти рисуики и статуи в вечном мраке труднодоступных подземелий?

Нелегкой была жнзнь охотинков в те далекие годы. Морозные зимы смеиялись полосой обнльных дождей. Дождь и мороз заставлялн людей скрываться в тесных землянках, полных едкого дыма от неугасимо горевшего костра. Степн н водоемы кншелн добычей, ио сколько иужно было труда, чтобы поразить костяиым гарпуном скользкую рыбу, чтобы загнать к обрыву разъяреиного бнзона.

Конечио, случались счастливые дни, когда громадные куски мяса жарились, шипя, на раскалеиных каменьях, ио иередко иаступало время голодовок, мужчины туже стягнвали иабедренные повязки, лица женщии становилнсь суровымн, дети уныло жевали кору, желуди, земляиых червей.

Мясо! Вкусиое, живительиое мясо — оно паслось иа четырех сильиых ногах, по брюхо утопая в сочиой траве, ио у иего были чуткие уши, зоркие глаза и влажиые широкие ноздри, издалека чуявшне опасность. Как сделать, чтобы убить зверя, чтобы иакормить всхлипывающих в уголке голодных детей?

Охотиикам казалось, что есть два путн к успеху. Чем лучше будет копье, чем хитрее западия, чем тверже рука и метче глаз — тем скорее удастся вернуться домой с добычей.

И люди упорно совершенствовали свое искусство, свон орудия.

Второй путь уводнл в мнр сверхъестествеииого: первобытиый человек думал, что если ои иарисует бизоиа,

произеииого копьем, то настоящий бизои даст себя убить; если ои поразит глиияиого медведя, то и иастоящему медведю ие уйти от его копья. Так возиикала вера в сверхъестествеииые свойства предметов — изображеиий животиых, вера в силу обрядов, будто бы способиых заставить зверя отдать себя в руки голодиого охотиика.

Прежде чем убить зверя, человек плясал перед его изображеиием, требуя, чтобы тот дал пищу, дал жизиь племеии.

Проходили десятки и сотии лет, и зверь-кормилец переставал быть просто мясом, пасущимся в лесу и иа пастбище: в ием иачииали видеть брата, родствеииика, предка людей.

Разве не естествеиио было считать, что олеиь, питающий ныие племя, когда-то создал это племя и землю, иа которой оио живет, и лес с его сочными ягодами, и быстрые реки, и серебристую рыбу в иих?

Но как же в таком случае убивать предка, творца мира, создателя земиого порядка?

И вот люди, убивая, иачииали просить прощеиия у зверя, которого оии убивали. Оии забрасывали друг друга сиежками у стынущей туши, чтобы очиститься от преступлеиия, оии клали перед убитым братом подарки, оии с пеиием и плясками виосили его в поселок. А в песиях своих оии рассказывали о давио прошедших времеиах, когда их предок-зверь создал мир и добровольио приием себя в жертву иа благо людей. Ои приием себя в жертву, чтобы открыть дорогу теплу и освободить реки, сковаииые льдом, и иаполиить леса птичьими трелями, и разбросать под кустами грибы и ягоды, чтобы, короче говоря, дать людям сытиое благодеиствие.

Но приием себя в жертву, зверь-предок умер и вместе с тем ие умер, ибо ои воскрес после смерти, воскрес в тысячах своих потомков, сиова и сиова отдающих себя людям, чтобы утолить их голод. И если соблюдать все дедовские обряды, и просить прощеиия у убитого зверя, и плясать перед его тушей старииные пляски, и торжествеиио вкусить его мяса и крови, в которой живет его душа, — зверь виовь будет воскресать в тысячах иовых особей.

Так из века в век творилась легеида о звере-предке, умирающем и воскресающем, приием себя в жертву ради людей.

УМИРАЮЩЕЕ И ВОСКРЕСАЮЩЕЕ ЗЕРНО

А потом наступило время, когда человек разгадал тайну зерна, научился сеять хлеб, убирать его кривым серпом, размалывать зерна на каменных зернотерках и печь из муки румяный и хрустящий хлеб. Конечно, хлеб был куда более надежной пищей, чем быстрая лесная дичь: он не ускользал в непроходимой чаще, не упархивал в воздух, не уходил в темный речной омут — он рос на поле, рядом с поселком, окруженный изгородью, защищавшей его от лесных зверьков. Но разве не бывало так, что град побивал посевы, солнце выжигало их, болезнь поражала и колос рождался тощим с пустыми и горькими зернами? И по-прежнему люди плясали и пели, обычно во время посева, и своими плясками и пением старались заставить зерно принести богатый урожай.

Теперь зерно стало божеством. Это было божество, которое уходило в землю, умирало, чтобы воскреснуть к новой жизни и принести людям изобилие и счастье. Оно было подателем жизни — умирающее и воскресающее божество, приносившее себя в жертву во имя людей.

У самых разных народов мы встречаем легенды об умирающем и воскресающем божестве. У египтян это Осирис, бог зерна, которого злой брат Сет связал, убил и бросил в воду, но пришел час, и жена Осириса Исида нашла труп мужа, а Гор, сын Осириса, воскресил отца, дал ему свое око и вместе с ним жизнь и непобедимость и отверз ему уста, чтобы бог мог есть и говорить. У финикиян это Алейон, бог зерна, умирающий, но тем не менее побеждающий злого бога засухи. В Малой Азии это Аттис, которого ежегодно погребали и оплакивали, а через три дня праздновали воскресение только что оплаканного бога, которого его почитатели именовали «сжатый хлеб».

В самых разных религиях нашли себе место боги, которые умирали и воскресали, боги растительности, боги, чьей плотью был хлеб, а кровью — вино. От умирающего и воскресающего зверя-предка к умирающему и воскресающему земледельческому божеству — вот путь, который проделала религиозная фантазия человечества. При всей разнице этих мифологических образов одно

роднит их — смерть богов есть жертва во имя благоденствия человечества, благоденствия, понимаемого вполне материально — как обилие сытной пищи.

Религиозные представления разных народов развивались и видоизменялись. Они видоизменялись в связи с изменением условий жизни общества: без развития земледелия, разумеется, не мог появиться культ божественного зерна, без установления царской власти не родились бы образы могущественных богов, царствующих в воздухе или на море. И вместе с тем религиозные представления очень консервативны: в них всегда остаются старые представления, старые обряды, старые мифологические образы. Новое в религии не вытесняет старого, но смешивается с ним, наслаивается на него, образуя причудливый узор.

Возвратимся еще раз к Зевсу, которого мы по гомеровским поэмам представляем себе могущественным царем, правящим на Олимпе. Но с этим образом Зевса-царя нераздельно слиты и более старые представления: Зевс оборачивается богом-зверем, могущественным быком, переплывающим Средиземное море; он выступает божеством грозы, орлом-громом, золотым дождем; на острове Крите его почитали как земледельческое божество, как умирающего и воскресающего бога, и даже показывали могилу Зевса.

Столь же разновременные и разнородные представления сливаются в образе египетского бога Осириса. Он, как мы уже знаем, в первую очередь — бог-зерно. Египтяне пели в своих гимнах: «Люди прыгают от радости из-за зерна, вышедшего из тела Осириса». Египтяне лепили из земли фигурки Осириса и засевали их ячменем — тело бога быстро покрывалось зелеными всходами. Но вместе с тем Осирис — бог фараонов, создатель царской власти, и фараон после своей смерти сливался с Осирисом. Наконец, Осирис — по более поздним легендам — судья в загробном царстве, страж справедливости, открывающий путь в загробный мир праведнику, чье сердце, не отягченное грехами, было легче пера, но отдающий на растерзание грешника, ко-

торый при жизни отнимал у бедняка хлеб, отводил воду у соседей, жестоко расправлялся со своими рабами.

Вот так и в образе христианского божества, умирающего и воскресающего Иисуса Христа, слились самые разнородные мифы и предания.

Прежде всего в новозаветных представлениях об Иисусе Христе проступают черты умирающего и воскресающего зверя-предка. Вспомните «Откровение Иоанна», одно из самых ранних христианских сочинений: Иисус Христос появляется в нем как агнец закланный, иными словами — как зарезанный ягненок, чьей кровью обеспечивается победа над темными силами, над великим драконом. И то же самое говорит автор первого послания Петра: «Не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценной кровью Христа как непорочного и чистого агнца».

Обратимся к древнейшим памятникам христианского искусства — и там мы встретим изображение ягненка. Правда, очень скоро христиане устыдились этих древнейших представлений и вместо барашка стали изображать Христа «добрым пастырем», пастухом с ягненком на плечах. Со временем церковь даже приняла специальное постановление, запрещавшее рисовать или лепить Христа в облике барашка-агнца, но само это запрещение еще раз подтверждает, что первоначально такое представление о Христе было широко распространенным.

Как не вспомнить при этом, что жертвоприношение ягненка — древний обычай пастухов-евреев: кровью зарезанного агнца обмазывали они перекладину и косяки дверей, а тушу принесенного в жертву животного запекали вместе с головой и внутренностями. Сородичи рассаживались вокруг ягненка с посохами в руках — словно путники; чужаки не допускались к праздничной трапезе, а участники ее не смели выйти из дому до утра. Все, что оставалось от ягненка, сжигалось на костре.

И вот что самое примечательное: праздник жертвоприношения ягненка и поедания его плоти назывался у древних евреев пасхой, а вы, наверное, еще не забыли, что смерть евангельского Иисуса Христа, новозаветного агнца, как раз приходится на пасху...

Но Иисус не только ягненок — он также и рыба.

Бок о бок с барашком-агнцем, бок о бок со сменившим агнца добрым пастырем видим мы на раннехристи-

анскнх рнсунках н рыбу, символнзнрующую Христа. Правда, богословы, смущениые такнм прямым отождествлением сыиа божьего с тварью, живущей в воде, уверяли, что рыба — чисто условиое нзображенне Иисуса, своего рода нероглнф, не нмеющий виутрениего родства с богом. Все дело в том, говорили богословы, что греческое слово «рыба» *(ихтюс)* есть соеднненне начальных букв благочестивой фразы «Инсус Хрнстос Теу Юйос Сотер», то есть «Инсус Хрнстос, божий сын, спаситель».

У нас есть все осиования, чтобы не поверить благочестнвым богословам н счнтать нх объясиеиие за позднее предприиятую попытку подправнть репутацию своего бога. Почитанне рыбообразных богов свойственно разным религиям древиостн, и один нз могущественейших героев Ветхого завета иоснт нмя сына Навина, то есть сыиа рыбы. Он был великим вождем, дожнвшнм до ста десятн лет; он рассеял полчнща врагов, остановил течение реки Иордан, от грохота труб его воииства сами собой рухиули стены мощной крепостн Иернхои. Более того, в день счастливой битвы приказал сын Навииа солнцу н луне застыть на небе, доколе народ будет мстнть иедругам своим. Конечно, сын Навииа — не человек, он сверхъестественное существо, бог, поздиее превращенный в героя во нмя прннципа единобожия.

А как звалн этого богатыря и чудотворца, сыиа Навииа, сыиа рыбы? Он носнл громкое имя. Его звали Инсус.

За много столетнй до правлення нмператора Тнберия, за много столетнй до образовання Римской нмперии н, может быть, даже раиьше, чем на семн холмах блнз Тибра возннк город Рнм, у древних евреев уже существовал культ Иисуса, сыиа рыбы — культ, прнчудлнвым образом соединившийся с другим древннм культом, с культом агица.

Но и этого мало. Хрнстос — не только бог-агнец, ие только бог-рыба, родиой брат коварных русалок, он еще и бог растительностн, земледельческое божество, чья плоть — хлеб, чья кровь — внио.

Мы опять должны возвратнться к евангелиям, к рассказу о той тревожиой иочи, когда Иисус вместе с двенадцатью учениками собралнсь на пасху н Иисус предсказал, что один нз сотрапезнников предаст сына божьего. «И когда они ели, — продолжает повествование

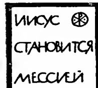
евангелие от Марка, — Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: — Примите, ядите; сие есть тело мое. И взяв чашу, благодарив, подал им; и пили из нее все. И сказал им: — Сие есть кровь моя».

И в другом месте мы находим слова Иисуса, обращенные к его ученикам: «Я есмь истинная виноградная лоза». И еще: «Я есмь хлеб жизни».

Что же в таком случае странного, если древние христиане изображали сына божьего не только ягненком или рыбой, но и хлебом?

Итак, подобно Осирису, Иисус — земледельческое божество, бог-хлеб, в жилах которого течет виноградный сок. Его самые близкие родственники — египетский Осирис и финикийский Алейон, боги, боровшиеся с темными силами зла, боги, умиравшие и воскресавшие.

Но в таком случае находят свое объяснение смерть и воскресение, занимающие главнейшее место в новозаветных представлениях об Иисусе Христе, — ведь это непременные составные элементы мифа о земледельческом боге. Земледельческий бог не может не умирать, ибо умирает каждый год зерно, и умерев, земледельческий бог должен воскреснуть, подобно тому как ежегодно воскресает в новом колосе посеянное зерно.



Значит, в раннехристианские представления об Иисусе Христе влились очень древние верования и мифы — об умирающем и воскресающем звере-предке, об умирающем и воскресающем земледельческом боге. Однако от старых верований новозаветный образ Христа отличается весьма существенно.

Старые культы, зародившиеся в первобытном обществе, отражали бессилие человека перед могущественной и непонятной природой. Вместе с тем они были выражением наивной уверенности, что человек в состоянии повлиять на природу, заставить зверя отдать свое мясо, принудить землю принести щедрый урожай. Обряды, связанные со старыми культами, имели прямое назначение — дать человеку обильную пищу.

Но в те времена, когда формировалось христианст-

во, человек ощущал свое бессилие не только и не столько перед природой — перед засухой, перед ливнем, перед разливом рек, перед градом и ветром. Еще острее, еще болезненнее ощущал он социальную несправедливость — бессилие перед богатыми, перед чужеземными поработителями, перед могущественной империей с ее солдатами и податными сборщиками. Не только голод и жажда пугали его, но и царящая в мире несправедливость, греховность человечества.

Вот почему смерть и воскресение Иисуса Христа рассматривались в Новом завете не как средство к насыщению алчущих, а как искупление человеческой греховности.

Автор послания к римлянам вспоминает ветхозаветное предание о первом человеке Адаме, который нарушил заповедь божью и в наказание был изгнан из рая. Преступлением Адама был создан грех, а вместе с грехом в мир пришла смерть. Но Христос умер за грешных людей и кровью своей спас человечество от гнева божьего, искупил человеческое нечестие и обеспечил людям вечную жизнь, воскресение после смерти.

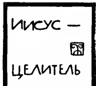
Христос не только дважды насытил людей хлебом и рыбой (хлебом и рыбой, заметьте-ка!), но и освободил их духовно, освободил от греха.

В новозаветном предании об Иисусе Христе есть еще одна сторона: представление о нем как о царе. Помните, как рассказывается в евангелии? Иисус был приведен к прокуратору Понтию Пилату, который спросил: «Ты царь Иудейский?» — и Иисус не отрицал этого. А потом воины Пилата, насмехаясь над Иисусом, облачили его в царские одежды, надели на него багряницу, пурпурное царское платье, возложили на голову венец из терния и приветствовали его: «Радуйся, царь Иудейский!»

Среди народных масс Палестины, ограбленных и угнетенных, давно уже ходили неясные слухи о том, что должен явиться мессия (христос), которого называли также «сын человеческий» и которого считали потомком царей из рода Давида. Он придет в облике презренного и умаленного перед людьми, он будет казнен вместе со злодеями, но он будет владыкой, царем и праведником. «Видел я в ночных видениях, — заявляет автор книги пророка Даниила, написанной во II веке до н. э., — вот, с облаками небесными шел как бы

сын человеческий... И ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили ему» Явится мессия, избранник, христос, предсказывали еврейские пророки задолго до времен Тиберия, и грешники будут уничтожены, а святые воскреснут для новой жизни.

Так сливались древние культы божества Иисуса с образами праведного царя, мессии, христа.



Христианский Иисус — не только умирающий и воскресающий бог природы, не только преемник древнееврейских мессий, но еще и бог-целитель. Почти на каждой странице евангелий мы встречаем рассказ о чудесном исцелении больных. В маленьком палестинском городе Капернаум вылечил Иисус тещу Симона, одержимую сильной горячкой, и к вечеру того же дня обступили его больные разными болезнями, а он исцелял их, возлагая на каждого руки. Так повествуется в евангелии от Луки, а в евангелии от Марка мы находим маленькое дополнение: «И он исцелил многих, страдавших различными болезнями» — не просто исцелил больных, но исцелил многих. Но автору евангелия от Матфея не хватает и «многих»: передавая тот же эпизод, он завершает его сообщением, что Иисус «исцелил всех больных», не просто «многих», но более того — «всех». Так постепенно, на наших глазах, формируется легенда о целительной силе Иисуса.

Иисус исцеляет больного, лежащего при смерти, воскрешает мертвого юношу — единственного сына безутешной вдовы и двенадцатилетнюю девочку — дочь начальника синагоги. Одно прикосновение к краю его одежды сразу же спасло женщину, болевшую двенадцать лет и истратившую на врачей все свое состояние.

И своим ученикам Иисус дал силу исцелять больных, и они пошли по селениям, возвещая новую религию и исцеляя повсюду.

Иисус-целитель — преемник греческого полубога Асклепия, известного больше под его римским именем — Эскулап. По греческим мифам, он был сыном Аполлона и обладал дивным даром предсказывать бу-

дущее и изгонять болезни. Как и Иисуса, смерть не останавливала Асклепия — он воскрешал умерших, покуда разгневанный Зевс не поразил его молнией, дабы не исчезла вовсе с земли карающая смерть. Могучий целитель, Асклепий не мог спасти самого себя, как не спас себя от смерти другой целитель, Иисус.

Родство обоих врачевателей настолько бросалось в глаза, что с распространением христианства прежние статуи Асклепия стали почитать под новым именем — как изображения Христа.

Но Иисус не только целитель телесных скорбей, он также и врач скорбей духовных. Христианство не проводит отчетливой грани между болезнью и грехом: Иисус действует в мире духовных и телесных скорбей, в равной мере спасая от тех и других. Из простого врачевателя он превращается в спасителя, он не просто изгоняет болезни, но принимает на себя все заблуждения и болезни, все скорби человечества, чтобы избавить людей от грехов и недугов. Что стоят какие-то случайные воскрешения, заимствованные Иисусом у греческого Асклепия, в сравнении с обещанным им воскрешением во плоти всего человечества!

БОГ И СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

В результате смешения самых разнообразных верований создавался образ евангельского Иисуса. При этом возникало своеобразное противоречие: Иисус Христос оказывался одновременно и богом, и человеком. Он был сыном божьим и вместе с тем таинственным образом сливался с самим богом-отцом. «Видевший меня видел отца», — не устает повторять Иисус. «Я в отце и отец во мне». Павловы послания постоянно именуют Иисуса «господом», представляют его сидящим на небесах по правую руку бога-отца, называют царство небесное «царством Христа и бога». Христос — это «образ бога невидимого, рожденный прежде всякой твари», более того — он сам бог, явившийся во плоти.

И вместе с тем евангельский Иисус неустанно именует себя сыном человеческим; его мать — Мария, в евангелии от Марка названы имена четырех его братьев, помимо братьев у него были и сестры. Как всякий

человек, Иисус боится смерти и молит бога пронести мимо уготованную ему чашу; он стоит на кресте и вопрошает бога: «Для чего ты меня оставил?» — он, которому полагалось бы знать, что страдания и смерть сына божьего имеют таинственное назначение — спасти погрязшее в грехах и недугах человечество.

И разве он — по словам Павла, бог, явившийся во плоти, — не заявляет во всеуслышание: «Отец мой более меня»?

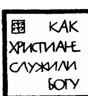
Возникновение такого противоречия должно быть нам понятно: образ Иисуса Христа сложен, он слился из разных, нередко противоречивых элементов; были тут и представления об Иисусе как о земледельческом божестве, и представления о мессии — Христе, царе из рода Давидова, избранном богом для того, чтобы освободить угнетенных. Из бога и человека образовался один фантастический образ богочеловека.

И именно эта причудливая смесь, оказалось, заставляет звучать сердца униженных и страдающих. Выходило ведь, что на крестные страдания был обречен не просто сын божий, но и сын человеческий, каждому из людей родной по плоти, рожденный смертной женщиной, имеющий братьев и сестер, способный страдать и бояться. Если воскресал Осирис, могущественный владыка загробного мира, если Зевс-громовержец покидал свою удобную гробницу на Крите, чем это задевало бедняка-ремесленника, не видевшего никогда и земных-то царей? Но если мог воскреснуть сын человеческий, если он возносился на небо и садился по правую руку невидимого бога — разве не внушало это надежду, что ты сам, труженик и страдалец, воскреснешь для царства небесного?

Первый человек, ветхий Адам, был грешен — и с ним пришла в мир смерть. Сын божий и сын человеческий Иисус принял на себя грехи мира и воскрес — он попирал смерть смертью и открывал людям путь в царство божье.

Бог и богочеловек — главные персонажи раннехристианской мифологии. Рядом с ними на страницах Нового завета появляются и другие сверхъестественные существа: диавол, который соблазнял Иисуса в пустыне, обещая ему все царства мира; всевозможные мелкие демоны, нечистые духи, с которыми боролись и Иисус, и его ученики; ветхозаветные герои Моисей и Илия,

давио уже умершие н тем ие менее явнвшнеся, чтобы побеседовать с Инсусом; святые ангелы, служившне сыиу божьему, и иакоиец — дух божнй, которого Иоанн Креститель увидел в образе голубя. Не слишком ли много для последовательиого едниобожня?



Релнгия — не только вера в существоваине мнфологнческих существ, ио н совокупность с этой верой связаниых обрядов. Раннее христнаиство — и это очеиь существеино — отличалось чрезвычайиой простотой своих обрядов.

Раиние христнаие ие стронли храмов. Оин, как н Сенека, верилн, что бог проинкает повсюду, видит все н не иуждается в специальном помещеиин для молнтв. Не нужио прнноснть свон молнтвы на перекрестках, не иужио обращаться к богу в миоголюдиых собраинях — «ты же, когда молишься, войдн в комнату твою н, затворив дверь твою, помолнсь отцу твоему, который втайие».

Христнане собиралнсь в простых помещеннях на трапезы братской любвн. Для своих собраннй онн часто выбиралн потайиые места, темные подземелья, кладбнща: здесь, в тайие от иеверующнх, прнносилн они своему богу молнтвы, здесь, иа стенах, нзображали они снмволы сына божьего: хлеб, рыбу, ягненка.

Во всех релнгнях древностн огромная роль прннадлежала жертвопрнношеинию. Богн казалнсь подобнымн людям н, подобио людям, онн нуждались в пнще: жертвоприиошеине иа самом раннем этапе было простым кормлеинем бога. Конечно, далеко не все, предназначенное богу в жертву, сжнгалось нли вылнвалось на землю, чтобы легкой струйкой подияться в небо нли просочиться к обитателям подземиого царства, — большая часть приносимых богам даров оставалась у жрецов. Жертвоприношеине обладало для бога прннудительной силой: правнльно, по обряду прннесеиная жертва, считалось, обязывает бога выполнить просьбу. Верующие обижалнсь иа богов, прииявших жертву и не нсполиившнх просьбу, н, иеровен час, могли отстегать свонх идолов.

Представлення о кормлеиин бога — наивиы, первобытны. Когда людн стали мыслить бога всемогущим, всеведущим, всепроннкающнм, естествеиио, иачали рождаться сомнення, нужиа ли такому богу пища, можно ли с помощью сытиого корма прниудить бога выполннть твою просьбу. Уже древиееврейские пророки заявляли, что Яхве ие нуждается в жертвопрниошеииях.

И все-таки жертвопрниошения держалнсь. Вы помиите, римские власти требовали от христиаи прннесеиия жертв перед статуямн нмператоров — хотя бы щепотки ладаиа, которой, конечно, ннкак ие насытншься.

Жертвоприиошення приобрели с течением времеии ииой смысл: оии должиы были подчеркнуть прииижеиность человека перед божеством, бессилне его и бесправие в этом мире.

Хрнстианство последовательно и безоговорочио отвергло жертвопрнношеиия. Господь бог, учили христиане, послал на землю своего сына, принес его в жертву и его кровью омыл греховный мир; какое же значение в таком случае могла нметь любая жертва, прниесеииая человеком, как может оиа выдержать сравнеине с заклаиием сыиа божьего?

Без храмов, без жертвоприиошений христиаиство иа первых порах своего существоваиня не иуждалось в спецнальном жречестве. Все христиане считались братьями, равноправными членами христнаиской общниы. Каждого из иих (так тогда считалось) мог нзбрать дух божий, иа каждого нз ннх могла снизойти благодать божья. По-гречески, благодать — «харисма», и человек, счнтавший себя осененным духом божьнм, нменовался харисматнком. Первыми наставииками новой релнгни, первыми руководнтелямн хрнстианскнх общии были люди, не назначенные, не выбранные, а просто объявнвшие себя харисматиками, люди, по термииологин того времеии, исполннвшнеся духа святого.

Хрнстиаиские иаставннки ранней поры разделялись на пророков, апостолов н учнтелей. Пророкн н учнтеля постояиио прожнвали в своей общине, апостолы же

были бродячими проповедниками, переходившими из одной общины в другую. Того, кто объявлял себя «говорящим в духе» (харисматиком), не рекомендовалось подвергать каким-либо испытаниям, но по делам его следовало судить, действительно ли он пророк или только притворяется пророком. «Учение двенадцати апостолов», раннехристианское сочинение, о котором мы уже не раз вспоминали, содержит практические советы, как распознавать лжепророков.

Если человек приходил в общину и выдавал себя за апостола, его следовало принять как самого господа — пусть только он не живет в общине более двух дней; тот, кто пробудет на одном месте три дня,— явный лжеапостол. Когда апостол покидал гостеприимную общину, ему следовало дать достаточно припасов, чтобы он мог добраться до следующего ночлега. Но стоит пришельцу попросить на дорогу денег, верующие должны понять, что он лжеапостол. «Не всякий, говорящий в духе, — пророк, — наставляет автор «Учения двенадцати апостолов», — а лишь в том случае, если он хранит пути господни...»

МАГИЯ В ХРИСТИАНСТВЕ

Христианство упростило культ, ликвидировало жречество. И все же оно сохранило основные формы старой обрядности, если не считать жертвоприношения, которое было уничтожено. От старых религий были заимствованы и молитва, и пост, и магические действия — крещение и причащение.

Молитва родилась из представления первобытных людей, будто слово, надлежащим образом произнесенное, обладает сверхъестественной силой, превращается в заклятье и подчиняет своей власти и человека, и бога. Если, соблюдая соответствующие правила, попросить у бога богатство, здоровье, успех, — просьба станет для бога обязательной, он не сможет уклониться от ее выполнения. И наоборот, некстати сказанное слово сразу же разрушает успех задуманного предприятия, делается непреодолимым препятствием для осуществления твоих замыслов.

Мы и ныне еще, бывает, испуганно плюем через

левое плечо, чтобы уничтожить сверхъестественное действие не вовремя вырвавшегося слова. «Как вы хорошо выглядите!» — «Ой, скорее плюньте через левое плечо» — словно простые слова и впрямь могут подорвать здоровье человека.

Первобытному человеку казалось, будто слово (как и жертвоприношение) способно влиять на бога. Позднее со словом, как и с жертвоприношением, произошла существенная перемена. Жертвоприношение стало средством принижения человека перед богом, и то же самое произошло с заклятьем. Бог вырос, оторвался от человека, сделался таким могущественным, что ему нельзя уже было приказывать — его можно было только униженно просить. Заклятье стало молитвой, прославлением божества и просьбой простить человеку его прегрешения.

И пост не изобретен христианами. Обычай поститься возник в глубокой древности, из примитивных представлений о возможности магически, сверхъестественным образом воздействовать на природу. Из тех же представлений, которые породили и культ зверя-предка, и поклонение воскресающему зерну.

Мы говорили о рисунках в пещерах — эти рисунки имели магическое назначение. Мы говорили об охотничьих плясках — они имели магическое назначение. Это была магия, основанная на подобии: магический танец был подобен настоящей охоте, изображение бизона было подобно настоящему бизону. Поражая копьем глиняного медведя, казалось, можно принудить настоящего медведя дать себя поразить копьем.

Но была и магия другого рода — основанная на противоположности.

Наступает осень — пора озимой пахоты. Неторопливые волы тащат плуг от края до края поля, затем идут поперек своих борозд, чтобы лучше взрыхлить землю. Сеятель разбрасывает зерно. Но как заставить землю принести обильные плоды? У одних народов земле помогали песнями и плясками, веселыми шутками, у других пахоте и севу предшествовали дни, когда ели мало, ходили сумрачными, были сдержанными в речах. Люди думали, что воздержание при посеве обеспечит им (по противоположности) изобилие после жатвы.

Воздержание от пищи, от веселья, — да ведь это и есть пост! Недаром мы до сих пор говорим «постное

лицо» — о сумрачном, невеселом облике человека. Пост — это своего рода обман богов, нарочно надетая личина голода, задуманная для того, чтобы подготовить себе магическим путем изобилие пищи и бурное веселье.

И опять-таки с течением времени пост приобрел иное значение. Как молитва из заклятья стала униженной просьбой, так и пост из средства магического воздействия на бога превратился в средство очищения. Человек добровольно принимал на себя бремя голода, чтобы подвергнуть тело свое испытанию и тем самым очиститься от греховности. Пост был добровольной мукой, которая якобы делала человека лучше, освобождала от греховных помыслов, направляла мысли к возвышенному.

Сам Иисус Христос, если верить евангелию, постился сорок дней, но, впрочем, этот срок оказался слишком длинным даже для сына божьего, и он в конце концов захотел есть. На практике ранние христиане постились один-два дня, и только самые стойкие растягивали пост на несколько суток; во время поста они либо ничего не ели, либо к вечеру съедали немного сушеных плодов или овощей; даже воду не разрешалось пить постившимся.

ЧУДЕСНОЕ СВОЙСТВО ВОДЫ

Каждый вступающий в христианскую общину должен был принять обряд крещения, то есть очищения водой. Вода у многих народов и до христианства считалась чистой стихией, смывающей всякую скверну; древние греки очищали морской водой больного после болезни, даже человека, которому просто приснился дурной сон; римляне погружали в воду новорожденного, нарекая ему при этом имя. Христианство сохранило магический обряд крещения, придав ему всеобщее значение: каждый человек должен был раз в жизни принять крещение — иначе ему был закрыт доступ в царство божье.

Ранние христиане принимали крещение обычно в открытых водоемах — в реках, в ручьях. После погружения в воду человек, принимающий христианство, под-

ставлял лоб для того, чтобы священннк помазал его елеем — олнвковым маслом; затем нового собрата облачалн в белые одежды, иа голову ему возлагалн венок нз миртовых нлн пальмовых лнстьев, на палец иадевали перстень, иа ногн — спецнальные туфлн. Иногда при этом священиик сам вытирал иоги обращенного в нстниную веру.

Весь обряд крещеиия завершался торжествениой процессией виовь прннятых в общиину и вкушеиием меда с молоком, ибо счнталось, что они, вступая в церковь, попадали в ту самую землю, нзобилующую молоком н медом, о которой повествовал Ветхий завет.

Крещеиие рассматривалось как магический обряд, смывающнй с человека скверну. И так как крещеиие было одиократиым действнем и повторять его церковь запрещала, то еще в III и IV столетиях многие верующие упорно оттягнвали крещеиие иа конец своей жизни, чтобы очистнться от грехов иакаиуие коичииы и тем вериее обеспечить себе доступ в царство божье.

Но крещенне было ие просто магнческим актом: первоиачальное хрнстнанство требовало от новых собратьев продолжительной подготовки, своего рода вступительиого срока, за время которого канднлат должен был раскаяться в своих прегрешеинях.

С торжеством хрнстианства крещеиие стали совершать иад неразумиымн младеицами, очищая от грехов тех, кто еще не совершил грехов. Впрочем, по ученню церкви, на младеице лежало бремя чужих грехов — и еслн бы новорожденный умер, ие сподобившнсь благодатн крещення, царство божье осталось бы ему недоступным.

Хотя крещеиие открывало христнаннну путь к иовой жнзни, одиако верующне и после крещения продолжалн с поразнтельиым легкомыслием иосить старые языческне имеиа, напоминавшне о языческих богах. Былн христиаие Аполлоиин н Диоиисии, Меркурии и Сатурннны, был хрнстианнн Герм — с именем греческого бога Гермеса, покровителя купцов и воров. Христиаие могли иосить имя Нимфия — в честь нимф, греческих душ прнроды, и Митра — в честь перснлского солнечного божества.

Только с III века в христианской среде шнроко распространяются новозаветные нмена: Павел, Петр, Иоанн, Марня...

ПЛОТЬ И КРОВЬ БОГА

Одним из самых важных обрядов христианской церкви было причащение, то есть вкушение верующими тела и крови господней.

Еще раз возвратимся к евангелию, к описанной в нем последней трапезе Иисуса с учениками. Помните, тогда Иисус преломил хлеб и, раздав его ученикам, сказал: «Примите, ядите: сие есть тело мое». Он налил вина в чашу и протянул им, промолвив: «Сие есть кровь моя».

Конечно, если предполагать, что авторы евангелий рассказывают о действительно имевших место событиях, слова Иисуса не могут не показаться странными: почему бы основатель новой религии стал называть хлеб своим телом и вино своей кровью? Но мы-то уже знаем, что действующее лицо этой сцены не исторический персонаж, а земледельческое божество, иным именем называемый Осирис или Алейон, чье тело и впрямь представлялось верующему хлебом и кровь — вином.

Когда христиане, сложив руки крестом, принимали от священников кусочки хлеба, таинственно превращенные в плоть Христову, когда диаконы подносили им чашу с вином, претерпевшим столь же таинственное превращение и ставшим кровью господней, — весь обряд был не чем иным, как богоедством. Подобно этому, в глубокой древности первобытные охотники торжественно вкушали тело убитого зверя-предка, рассчитывая, что обряд причащения обеспечит появление новых зверей и, следовательно, новой добычи. Подобно этому, и первобытный пахарь после уборки урожая торжественно причащался пирогом из первого зерна — плотью своего бога и верил, что вкушение тела божьего в праздничной обстановке магически заставит бога и впредь зеленеть веселыми всходами и наливаться отборным зерном.

Возможно, что ранние христиане причащались не только вином и хлебом: во всяком случае в одной из древнейших христианских надписей встречается наставление: «Ешь, пей, держа в руках рыбу».

Так вплывает в обряд причащения хорошо знакомый нам Иисус-рыба...

Подобно крещению, и причащение-богоедство —

древний обряд. Но и оно, как крещение, претерпевает коренную перемену, теряя свое материальное назначение и приобретая духовный смысл. Христианин, вкушая тело бога, не думал уже об обильном урожае — он надеялся, что магия причащения сделает его «сотелесником» сына божьего, очистит от скверны, откроет путь в царство небесное.

Все обряды христианской религии обращены к одной цели. Христианин должен молиться, поститься, принимать крещение, причащаться плотью и кровью господней не для того, чтобы выпросить у бога обильный урожай, богатство, долгую жизнь. Его цель шире, величественней — царство божье.

Вы помните, что царство божье первоначально представлялось верующим как установление справедливости и изобилия на земле. Затем оно было отодвинуто в какие-то далекие грядущие времена и перенесено на небо. Оно должно наступить, повторял автор Павловых посланий, ибо ради него бог обрек на жертву собственного сына, но когда оно наступит, об этом не следует спрашивать. Надо ждать, и оно наступит, и праведники будут блаженствовать, а грешники гореть в вечном огне.

Кто же установит грань между праведниками и грешниками? Кто будет судьей на страшном суде? Кто введет праведников в царство небесное и низвергнет грешников в озеро огненное и серное?

Даже на самом раннем этапе истории христианства, когда царство божье рисовалось перед верующими еще в земных, а не в небесных образах, утверждение этого царства оказывалось таинственным долгом бога. Не люди своей волей, а бог, руководствующийся высшей справедливостью, предназначен установить царство праведников. Не в вооруженной борьбе, а от божьего меча суждено погибнуть грешникам. Не социальный переворот, а смерть и воскресение Христа призваны обеспечить спасение человечества от грехов.

Христианство сложилось как религия трудящихся и обездоленных. И вера в незримого всемогущего бога, несхожего с земными царями, абсолютно справедливого; и вера в сына божьего, богочеловека Иисуса Христа, принявшего облик человека и страдавшего, как страдают люди; и простота обрядов, и отсутствие храмов и жречества — все это отвечало религиозным исканиям

бедноты. Не только по своему составу, но и по своему учению раннее христианство было демократичным.

И все же нельзя забывать, что демократизм христианства был облечен в религиозную форму. Это значит, что христианство, как всякая религия, сохраняло древнейшие, самые первобытные обряды и верования (богоедство, пост, магию крещения), сохраняло древнейшие мифологические образы (бог-ягненок, бог-зерно, бог-рыба). Но более того, это значит, что христианство отнимало у человека волю, превращало его в покорное орудие рук божьих и создание царства справедливости возлагало на бога, а не на людей.

В самом существе христианства, как религии, коренилось противоречие: оно предвещало полный переворот, ниспровержение гнусных порядков, установление царства справедливости, наказание грешников — и вместе с тем оно призывало терпеть и страдать, превращало терпение и страдание в богоугодный подвиг. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас», — вот чему, оказывается, учил Иисус. Если тебя ударят по правой щеке, он наставлял подставить левую. И как же не возлюбить человеку собственные страдания, если сам сын божий явился на землю, чтобы пострадать?

Да, создатели христианства ненавидели несправедливость, угнетение, неравенство современного им рабовладельческого мира, — но они услаждали себя надеждой на божественное вмешательство и тем самым ковали себе еще более крепкие цепи. В этом не было их вины — большинство из них не было ни обманщиками, ни лицемерами. В этом была их беда, беда их времени, беда породившего их безвременья, когда люди искали спасения в религии.

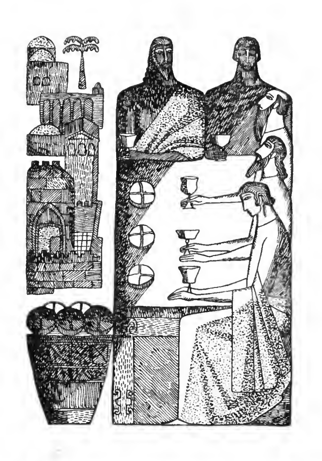
В предыдущей главе мы отправились на поиски Иисуса-человека и не нашли его. Повторим, из этого не следует, что в Палестине I века н. э. вообще не могло быть человека по имени Иисус, который бы объявил себя мессией, христом, помазанником божьим. Мессий было много, и среди них мог оказаться мессия Иисус. Но был он или не был — мы ровно ничего о нем не знаем.

Да это, собственно говоря, и не имеет принципиального значения. К тому Иисусу Христу, жизнь которого

описана в евангелиях, основатель христианства не имел никакого отношения. Прежде мы говорили о невероятных чудесах и небылицах, которыми полны евангелия, о противоречиях и нелепицах, которые в них встречаются. Теперь нам становится ясным, откуда эти нелепицы и небылицы могли появиться. Новозаветный Иисус Христос — это сплав различных мифологических образов. Тут оставили свой след и зверь-предок, божественный агнец, и бог-зерно, кормящий людей своей плотью и кровью, умирающий на кресте, чтобы снова воскреснуть, и мессия из рода Давидова, о котором мечтали еще ветхозаветные пророки, и бог-целитель.

Новозаветный Иисус Христос — не персонаж истории, а предмет веры.

Но если мы ничего не знаем об историческом основателе христианства, не можем ли мы все-таки приблизиться к колыбели новой религии и познакомиться с тем, где, когда и как она складывалась?



ГЛАВА VII
ХРИСТИАНСТВО ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ПРЕДКОВ

«ГОРЕ ВАМ, ФАРИСЕЯМ»

Герой евангельского рассказа, легеидарный осиователь христнаиства, был сыном бога н еврейской жеищнны Марнн. Ои проповедовал в Галнлее н в Иерусалиме, среди евреев и иа арамейском языке. Ои называл себя царем нзраильским и справлял еврейский праздник пасхи. Его апостолы — от Петра до Павла — были евреями. Новозаветиое предаиие без раздумий помещает колыбель христиаиства в еврейской среде, в Палестине. И точно так же без колебаний отиосят к Палестине деятельиость Христа авторы рассказа о Инсусе, сыие Пантира.

Средоточием офнциальиой иудейской религин в первой половине I века н. э. был Иерусалнмский храм, хранителями традициониого иудейского культа — нерусалимские жрецы.

Но к офицнальной иудейской религии христианство отиосилось иеприязиеиио.

Самая иеиавистиая фнгура для Хрнста н его последователей — человек, гордящийся своей принадлежностью к соиму соблюдающих офицнальный культ — тот, кто молится иа перекрестках, постится дважды в иеделю и отдает Иерусалимскому храму десятую долю своих доходов.

Фарисеи и книжники — так иазывают еваигелия приверженцев нудейской религии, соблюдающнх «предання старцев».

Авторы еваигелий восклицают: «Горе вам, фарисеям, что любите председаиия в синагогах и приветствня в иародных собраннях».

Еваигелия иазывают фарисеев лицемерамн, которым недоступно царство иебесное, и даже ставят грешннков выше фарисеев — строгих блюстителей офицнальной религии.

Слово «фарисей» в современиом языке — сиионим лицемера. Но во времеиа Иосифа Флавия оио имело ииой смысл — так назывались сторонники одной нз политических группировок в Палестине. К фарисеям приидлежали по преимуществу зажиточные горожане: торговцы, ростовщики, правоведы, богословы. Иоснф Флавий, естественно, сочувствовал фарнсеям, раннее христианство, напротив, отворачнвалось от них.

БОГОБОЯЗНЕННЫЕ ПУСТЫННИКИ

В Палестние того времени действовала еще одна общественная группировка, отличиая от фарисеев и по своему социальиому составу н по своему учеиию. Римляие иазывалн ее приверженцев эссеиами. И вот что примечательно: в то время как христиаиство осталось не замечеииым писателями I века и. э., об эссеиах подробно повествуют и Филои, н Плииий Старший, н Иосиф Флавий.

Все эти авторы еднкодушны в своем суждении о еврейскнх сектаитах. Эссеиы избегали большнх городов, предпочнтая пустыииые области на северо-западном побережье Мертвого моря. Их образ жизнн поражал воображение человека, выросшего в рабовладельческом мире, привыкшего к иезаметиым услугам молчаливых рабов. Эссены жнли общниой, оии трудились, поднимаясь до восхода солнца и оставляя работу только после заката. Онн ие зиали ни торговли, ин деиег, ни рабства. Оии питались за общим столом и сообща пользовались одеждой: на знму для всех были приготовлены прочиые плащи, иа летнее время — легкие иакидки. Оии сообща ходилн за больиымн н вместе заботились о стариках. Даже священные книги эссены изучали сообща.

Эссенская община насчитывала в ту пору четыре тысячн человек. Это была сплочеииая, замкиутая организацня, члены которой даже под пыткой ие выдали бы ее тайи. Все эссеиы разделялись на четыре разряда: те, кто приналлежал к младшему разряду, должиы былн безоговорочио подчнияться старшим. Постановлеиию большиинства н указанням должиостных лиц иикто ие смел противиться. Эссеиы творили суд в собраииях, где должно было участвовать не меиее ста человек. Самым серьезным иаказаинем считалось исключеиние из общииы.

Эссены вернли в бессмертне души, которую должен ждать ад или рай — в зависимости от добродетелей нли грехов покойного.

Оии отвергали жертвоприношеиия, но сохраияли некоторые иудейские обряды.

Конечно, современнники, пнсавшие об эссеиах, приукраснлн эту удивительную секту, так резко и безого-

ворочно обособившуюся от погрязшего в нечестии мира. Восторг и умиление подчас заслоняют действительность, которая не всегда была так безоблачно сусальна. Но главное современники уловили. «Изо дня в день, — писал Плиний, — число сектантов увеличивается благодаря появлению толпы утомленных жизнью пришельцев, которых волны судьбы влекут к обычаям эссенов». Так вот из кого состояла эссенская община! Утомленные жизнью, потерпевшие поражение в трудной ежедневной борьбе за существование, ненавидящие мирскую несправедливость и бессильные уничтожить ее, эссены искали для себя утешения в мечтах о райском блаженстве и в упорном, бесконечном труде под палящим солнцем на известняковых холмах близ неподвижно тяжелой, свинцовой поверхности Мертвого моря.

ТАМ, ГДЕ ОБИТАЛИ ЭССЕНЫ

Если до недавнего времени мы могли судить об эссенах только по рассказам современников, то последние находки на берегах Мертвого моря позволили ученым пройти по развалинам эссенского поселения, заглянуть в тайники-пещеры, взять в руки переписанные сектантами рукописи.

В конце II века до н. э. на западном берегу Мертвого моря возникло поселение эссенов. Оно лежало на возвышенности, окруженной оврагами, которая ныне носит название Хирбет-Кумран, «Развалины Кумрана». Мощная двухэтажная башня господствовала над поселением: в ее кладовых, лишенных окон, собирались в минуты опасности все обитатели поселка. К башне примыкали разнообразные строения. В одном из них стоял длинный гипсовый стол с бронзовыми чернильницами: здесь эссены переписывали священные книги. Другое помещение служило кухней, где готовили пищу на всех. В большой зале, крыша которой покоилась на пальмовых столбах, эссены собирались, чтобы молиться, решать свои будничные дела или карать нарушителей общественного порядка. Были в поселении и гончарные мастерские, была мельница и пекарни, были склады и стойла для скота.

В нескольких местах размещались большие цистерны, где тщательно хранилось самое дорогое для жителя выжженных степей — вода.

Поселок в Хнрбет-Кумране просуществовал до Иудейской войны.

Близ поселення лежалн кладбища, обследованные археологами. Могилы, расположенные ровными рядами, не содержали ничего, кроме скелетов: ни вещей, нн монет — только кое-где остатки сгнившнх деревянных гробов, простеинькие жеиские украшеиия да обломки глнняиых горшков.

Гораздо существеииее, чем находки иа кладбищах н в поселенин, оказалнсь обнаружеииые в пещерах-тайннках рукопнси.

В одниналцатн кумранскнх пещерах удалось найти рукопнси или обрывки рукопнсей. Общее колнчество целых рукопнсей, кусков и клочков нх измеряется десяткамн тысяч.

Кумраиские рукопнси былн напнсаны на коже, обернуты в льияиые покрывала, пропнтаиные смолистыми веществами, и уложены в глнняные кувшины. Несмотря на все эти тщательные меры, лишь иемногие рукописи сохранились целиком: задолго до археологов во миогие таййики проинклн грабители, и часто учеиые находят в пещере лишь обломки кувшииов да обрывки исписаниой кожн.

Рукописи из кумраиских пещер — древиееврейские, нзредка встречаются тексты иа арамейском языке. По своему содержанию они весьма разнообразиы: тут и киигн Ветхого завета, и толковання иа ветхозаветиые книги, и, иакоиец, оригииальиые эссенские сочииеиия.

Киигн Ветхого завета, разумеется, были нзвестны н до иаходок на берегу Мертвого моря, ио никогда еще учеиым ие приходилось видеть столь раииих рукописей библейских сочииений. Кумраискне рукопнсн почти на тысячу лет старше самых древннх маиускриптов еврейского священиого пнсаиня, нзвестиых до этих иаходок.

Другие же сочинення либо не были вовсе известны, либо нх считалн утеряииыми: о них знали по случайным упомииаииям, по более поздним греческим, латинским, славяиским переводам.

Эссены ие только чнтали н перепнсывали ветхозаветиые киигн, ио н составлялн на ннх толковаиия: фра-

зу за фразой списывалн онн текст священиой кииги, сопровождая его объяснениямн.

Впрочем, то, что было объяснением для современииков, для нас нередко превращается в переплетение туманных намеков, нуждающихся в свою очередь в специальном истолковании.

Большая часть толкованнй представлеиа незиачительиыми фрагментамн, н только одно нз иих сохранилось полиостью. Это — толковаиие на кингу ветхозаветиого пророка Аввакума, занимающее целый кожаиый свиток длииой почтн в полтора метра. Нам еще предстоит вериуться к кумраискому толковаиию на пророка Аввакума.

Наиболее важные для нзучеиия еврейскнх сектаитов литературные памятнннкн — это произведения кумраиских эссеиов, отиосящиеся к жнзии общииы иа берегах Мертвого моря. Средн иих — «Устав общины», свод правил, регламеитирующий прнем в состав секты и иормы поведеиия сектаитов и нзлагающнй главиые пункты нх учеиия; так называемый текст «Двух колоиок», посвящеиный воспнтанню эссеиской молодежи; «Дамасский документ» — еднистввеиое нз эссенскнх сочииеинй, которое было известно до нсследования кумранских пещер; свиток «Войны», повествующий о грядущей победе эссеиов над «сынами тьмы».

Что же рассказывают о быте и учении еврейскнх сектаитов кумраискне памятиикн и в первую очередь — рукописн?

Кумранские сектаиты не иазывали себя эссеиами — это нмя нн разу не встречается в многочислеииых рукописях из пещерных тайииков. Офнциальным самоназваиием секты было «Общиуа», а также «Новый союз» илн «Новый завет». И тут мы сразу же настораживаемся: «Новый завет» — да ведь нмеино так иазвали совокупность своих священных киig раинне христиане!

Общииа «Нового завета» зиачительно старше хрнстиаи. Судя по моиетиым находкам, кумранское поселеиие существовало уже во II веке до и. э., а иекоторые

из рукописей, возможно, относятся к более раннему времени. От образования общины «Нового завета» до прокуратора Понтия Пилата сменилось несколько поколений. За это время Иудея успела добиться политической самостоятельности, изгнав греко-македонских правителей, управлявших страной от имени преемников Александра Македонского. Она успела за это время потерять свою независимость, сперва признав верховенство Рима, а затем превратившись в римскую провинцию, управляемую прокураторами.

Образование эссенской общины было выражением недовольства широких слоев еврейского населения существующими порядками: эксплуатацией рабов и бесправием бедноты, жестокостью собственной аристократии и гнетом иноземных захватчиков. Но как позднее у ранних христиан, протест эссенов вылился не в попытку переустроить общество, а в стремление выделиться из общества, создать организацию праведников, «сынов света», далеких от греховных занятий и помыслов.

Эссены покинули города и устремились в пустыню.

В те времена побережье Мертвого моря не было таким пустынным и бесплодным, как ныне. Эссены могли заниматься там не только скотоводством и сбором меда диких пчел, но также рыболовством, хлебопашеством, разведением финиковой пальмы. Несложные ремесла обеспечивали их потребности: они сами изготовляли одежду, посуду, циновки, корзины. Кое-кто из эссенов, видимо, получал разрешение работать вне территории общины, доставляя своим трудом средства для общей кассы. Важным источником доходов общины была и переписка книг: трудно думать, что большая мастерская, где вокруг гипсового стола собирался добрый десяток писцов, обслуживала только потребности самих сектантов.

Во всяком случае кумранская община не была бедной. Солидная башня, всевозможные хозяйственные помещения, клады разнообразных монет, — все это признаки материальной стойкости.

В одной из кумранских пещер был найден загадочный документ — два медных свитка. Долгое время из-за сильного окисления их не удавалось прочесть. После нескольких лет работы, однако, текст был восстановлен почти полностью. И что же оказалось? Медные

свитки содержали перечень сокровищ, зарытых в 60 тайниках поблизости от Иерусалима и в других частях Палестины.

Медные свитки указывали место каждого клада и вес укрытого золота и серебра. Общее количество драгоценных металлов, содержащихся в кладах, достигало невероятной цифры — 150 тонн.

Трудно сказать, что означала надпись на медных свитках. Может быть, это запись о сокровищах Иерусалимского храма, укрытых во время Иудейской войны эссенами. Может быть, это запись каких-то сказаний о богатствах царей далекого прошлого.

Разгадать тайну медных свитков еще предстоит будущему.

Совместный труд и общая собственность составляли ту основу, на которой зиждилась община «Нового завета».

«Устав общины» провозглашает: «Все, кто изъявляет готовность придерживаться его истины, должны принести в общину бога все свое знание, всю свою силу и все свое имущество».

Впрочем, по-видимому, среди эссенов были группы, гораздо менее последовательно осуществлявшие принцип общей собственности. В отличие от «Устава общины» «Дамасский документ» сообщает о самостоятельном труде сектантов, о их собственности, даже о принадлежности им рабов и рабынь. И это различие вполне естественно — ведь недовольство действительностью могло охватывать самые различные общественные слои, которые по-разному представляли себе идеальные порядки общины праведников.

Кумранская община была замкнутой организацией, членам которой возбранялось общение с посторонними, с «сынами тьмы» (разумеется, в ряде случаев такое запрещение устранялось — когда хозяйственные интересы сектантов этого требовали). Вся община разделялась на десятки, сотни и тысячи. Эти названия отдельных ячеек, скорее всего, не соответствуют реальной численности общинников. Во главе каждого десятка непременно должен был стоять жрец. Должностных лиц выбирали, и их пребывание в должности ограничивалось возрастом: ни одну из должностей не разрешалось занимать людям старше 60 лет.

Полувоенной организации общины соответствовала

строжайшая дисциплина. Эссеи должны были беспрекословно подчиняться жрецам и должностным лицам. Все поведение общинников регламентировалось в мельчайших подробностях, любое нарушение правил влекло за собой наказание. Допустим, кто-то из членов общины задремал на общем собрании — ему полагалась суровая кара, отлучение на 30 дней от общины. На столько же дней отлучали от общины и дерзнувшего плюнуть на пол в помещении, где происходили собрания.

Но сон и плевок — невинные проступки. Гораздо строже карали того, кто посмел непочтительно обращаться с жрецом, — его ждало отлучение на год. Тот же, кто был повинен в тягчайшем грехе — кто осмелился осуждать порядки общины, подлежал отлучению навсегда.

Прием новых членов в кумранскую общину был непрост. Сперва новичку под руководством одного из высших должностных лиц — «надзирающего над старшими» — следовало познакомиться с учением и обрядами эссеев. Затем наступал торжественный день: новичка представляли собранию полноправных членов общины, ему задавали вопросы, проверяли его подготовку, искренность его убеждений. Но вот собрание одобрило нового кандидата, согласилось допустить его в свои ряды — однако пройдет еще немало времени, прежде чем он достигнет полноправия. В течение года новичок числится эссеем, но не участвует в совместных трапезах, в общей трудовой деятельности и в общих обрядах. После новой проверки его имущество принималось общиной, а его самого допускали к общему труду. И только после второго испытательного года совершалась торжественная церемония, во время которой жрецы проклинали «сынов тьмы» и восхваляли милости бога. Новичка наконец-то допускали к омовению, чистая вода смывала с него скверну греховного мира, и ему разрешалось участвовать в общих трапезах.

Община «Нового завета» была религиозной общиной. Это значит, что социальный и политический протест эссеев внешне принимал религиозные формы. Одни эссеи могли отвергать рабство и частную собственность, другие признавали возможным эксплуатировать рабский труд и иметь личное имущество. Но обряды и вера были у них общими.

И по обрядам своим, и по своим верованиям эссены отличались от правоверных почитателей Иерусалимского храма.

Эссенские праздники не совпадали с официальными религиозными празднествами Иерусалима. Самый храм они считали оскверненным и очистительные жертвоприношения в нем — невозможными.

Но ряд предписаний иудейской религии — и в том числе неукоснительное соблюдение субботнего покоя — строжайше выполнялся эссенами. «Дамасский документ» запрещал не только работать в субботу, но говорить о делах или готовить пищу. Случись кому-нибудь провалиться в субботний день в яму, эссены не смели бы спускать ему лестницу или бросать канат.

Важнейший религиозный обряд эссенов — ритуальные омовения. Омовение представлялось эссенам не простым магическим действием, автоматически снимающим грех, — омовению должно было предшествовать чистосердечное раскаяние: те, кто не отвратится от зла, не имели права прикоснуться к чистой воде. Омовение совершалось не только при вступлении новичка в общину, но и после того регулярно всеми полноправными членами «Нового завета»: в цистернах, в маленьких речушках, в естественных прудиках мужчины и женщины в рубахах или в передниках, обожженные солнцем, томимые сознанием своей недостойности, искали очищения. Вода, дававшая жизнь пустыне, смывая пыль и пот, сулила людям посмертное блаженство.

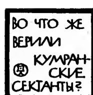
Трапезы эссенов были совместными. Перед началом трапезы жрец благословлял хлеб и вино. Никто не смел протянуть руку за пищей, прежде чем жрец не завершит благословение.

Дневной труд — от зари до зари — был не единственной обязанностью эссенов. Ночь тоже не принадлежала полностью «сынам света». «Устав общины» требовал, чтобы треть ночи отдавалась чтению священных книг.

После утомительного трудового дня, после омовения и общей трапезы сектанты снова собирались, чтобы читать ветхозаветные книги, воспаленными глазами выискивая в них намеки на события их времени, чтобы распевать благочестивые гимны, укрепляя в себе уверенность в грядущей победе справедливости.

Потом — короткий сон в шалашах, разбросанных

вокруг главного здания, а утром снова тяжкий труд во имя торжества царства света, которому суждено наступить — но неизвестно когда.



По учению эссенов, бог, сотворив человека, дал власть над ним двум духам — духу Правды и духу Кривды. Все люди разделялись на сынов Правды и на сынов Кривды или, пользуясь другими словами, на сынов света и сынов тьмы. Сынам света свойственны разум, смирение, долготерпение, сыны света гнушаются мерзости, в тайне скрывают они заветы духа Правды. Напротив, сыны тьмы — стяжатели, лукавые лжецы, надменные глупцы, их речь полна брани, их глаза слепы, их уши глухи, их сердца закоснели в жестокости и нечестии.

Между царством света и царством тьмы идет вековая борьба, в которой участвуют не только люди, но и духи. Сынам Правды помогает архангел Михаил, их врагов возглавляет «князь тьмы» Велиал.

Здесь необходимо небольшое отступление. Представление о раздвоенности мира порождалось неустроенностью общественных отношений, ощущением неуютности земного существования. Простые труженики каждый день чувствовали на себе социальную несправедливость, гнет богачей и государства, невозможность добиться правды в судах. Они трудились в поте лица и вынуждены были слушать плач голодных детей. Они не совершали несправедливости, но должны были смиренно сносить брань и побои тех, кто был могуществен.

Естественно, что в их воображении мир приобретал черты царства тьмы, царства сынов Кривды.

Раздвоенность мира в учении эссенов имела гораздо более радикальные очертания, нежели у близкого к ним по времени римского философа Сенеки. Да, в воображении Сенеки мир тоже потерял свою первобытную цельность, но раздвоение мира, причинявшее столько печали этому оратору и придворному, было личным делом каждого человека.

Раздвоение мира, о котором скорбит Сенека, — это раздвоение души и тела, души, стремящейся к божеству,

и тела, скованного земными условностями и превратившегося в темницу души.

Короче говоря, раздвоение мира, по учению Сенеки, не служит выражением социального протеста. Оно ограничивается конфликтом в самом человеке, конфликтом, из которого мудрец всегда найдет выход, ведущий к истине, к богу.

Сенека зовет не к уничтожению рабства, богатства, неравенства, а к пренебрежению рабским состоянием, земными бедами вообще.

Раздвоенность мира, по учению эссенов, носит совершенно иные черты. Они говорят не о противоречии души и тела, а о противоречии двух человеческих коллективов, шире — о противоречии добра и зла в космических масштабах, о противоречии царства архангела Михаила и царства Велиала.

Уверенность в грядущей победе сынов Правды отличала эссенов. В тот самый момент, когда бог создавал духов Правды и Кривды, он предопределил торжество света над тьмой. Сам бог, полагали эссены, избрал их, отделил их от «сынов погибели» — поэтому они гордо именовали себя избранниками бога и сынами благодати.

Социальный протест эссенов проявлялся еще и в другом: они постоянно подчеркивали, что избранными являются нищие духом, малые, простецы, бедняки, тогда как сынам Кривды свойственно стяжательство. Эссены называли себя общиной эбионитов, бедняков. Когда зло, наконец, будет ниспровергнуто, утверждали они, кроткие и бедные унаследуют землю и насладятся миром.

Но мы еще раз должны вспомнить, что кумранское учение — не политическая программа, а религия. Это не руководство для действия масс и партий, а совокупность смутных надежд, осуществление которых возлагается в конечном счете на бога. Победа над царством тьмы придет, долгожданный «день мести» наступит, но он наступит тогда, когда этого пожелает бог, а до наступления дня мести нужно только отделиться от сынов Кривды, нужно удалиться в пустыню, нужно трудиться и трудиться, проводя душные ночи в молитвах. Нет, не к борьбе звали эссены, в своем «Уставе общины» они предписывали отвечать кротостью на высокомерие, с сокрушением душевным встречать людей

насилия, своевольников, пустословов и стяжателей. Долготерпение — вот эссенская добродетель.

Тяжесть римского ига, однако, обострила социальный протест эссеев. Вместо проповеди долготерпения в кумранской общине все чаще стали звучать иные речи — требование борьбы с угнетателями, призыв к мести. Когда вспыхнула Иудейская война, эссены сочли, что наступил день мести. Они примкнули к восставшим, поддерживая наиболее радикальную группировку мятежников — так называемых зелотов, «ревнителей». Поселение в Хирбет-Кумране стало одной из крепостей. В 68 году оно было разрушено римскими войсками.

Кумранская община перестала существовать. Оставив свои тайники с рукописями, эссены покинули местность, более двухсот лет служившую им приютом. После Иудейской войны мы больше о них не слышим. Только за рекой Иордан появляется религиозная община, напоминающая кумранских эссенов и носящая знакомое нам имя — община бедных, община эбионитов.

Но к эбионитам мы еще возвратимся.

ЭССЕНЫ (69) И ХРИСТИАНЕ

Знакомство с кумранской общиной непременно заставляет вспомнить уже известные нам раннехристианские верования и обряды. Сходство между эссенами и ранними христианами слишком велико, чтобы быть простой случайностью.

Разве эссенское омовение не вызывает в нашей памяти обряд крещения, магически превращавший греховного человека в полноправного члена святой христианской общины? Разве совместные трапезы сектантов «Нового завета» не напоминают христианские агапы? Разве непременное благословение хлеба и вина перед началом трапез кумранских общинников не сходно с тем причащением хлебом и вином — плотью и кровью господней, — которое занимало центральное место в обрядности христиан?

Вы помните, что раннему христианству свойственно было прославление бедняков, нищих — то же самое наблюдали мы и в эссенском учении. Конечно, осуждение богатства было общим местом во многих философских

и религиозных теориях тех лет, о тщете богатства постоянно твердил и Сенека. Но осуждение богатства ранними христианами до деталей близко эссенской проповеди. «Не можете служить богу и маммоне», — наставляет евангельский Христос своих последователей. Арамейское слово «маммона» означало богатство, деньги, имущество. Это слово ни разу не встречается в Ветхом завете — оно не могло быть, следовательно, заимствовано составителями евангелий из ветхозаветных книг. Но зато слово «маммона» упоминается в кумранских рукописях.

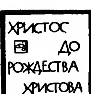
Вообще кумранская терминология постоянно всплывает на страницах новозаветной литературы, начиная хотя бы с того, что самый термин «Новый завет» — кумранский по своему происхождению. Эссены называли себя избранниками бога — и тот же термин прилагают к себе ранние христиане. «Итак, облекитесь, — наставляет автор послания колоссянам, — как избранные божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение». Подобно эссенам, ранние христиане именовали себя сынами света, а своих врагов сынами тьмы. Обращаясь к единоверцам, автор первого послания к фессалоникийцам заявлял: «Все вы — сыны света и сыны дня: мы не сыны ночи, ни тьмы».

«Власть тьмы» назвал одну из своих пьес Лев Толстой, намекая на слова евангелия от Луки, где Иисус Христос обращается к начальникам храма и старейшинам, преследовавшим его: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять меня! Каждый день бывал я с вами в храме, и вы не поднимали на меня рук; но теперь — ваше время и власть тьмы». Лев Толстой не знал еще, что «власть тьмы» — выражение кумранских документов, синоним «царства тьмы», обозначающего всех, кто находится вне «Нового завета».

И евангельское выражение «нищие духом» имеет свою параллель в кумранских текстах, и евангельское «творить истину», и слова послания к римлянам о «прилепляющихся к добру», и упоминание в послании Иоанна о духе истины и духе заблуждения — родных братьях кумранских духов Правды и Кривды.

Ранние христиане очень часто пользовались языком эссенов.

Но вот что самое любопытное: эссенам было не чуждо представление о Христе!



На первый взгляд это может показаться невероятным. Эссенская община возникла не позже II века до н. э., за много поколений до прокуратора Иудеи Понтия Пилата, за много поколений до тех людей, которых евангелия считают современниками Христа. Как же могло случиться, что эссены говорили о Христе?

И тем не менее это было. Христианский писатель IV века Филастрий, опираясь на какое-то сочинение, ныне утраченное, писал: «Эссены — те, кто ведет монашескую жизнь, не ест изысканных кушаний, не проявляет интереса к одеждам, не владеет ничем. Они усиленно занимаются чтением и благородным трудом и проживают в местах обособленных». Все, что сказано у Филастрия до сих пор, прекрасно соответствует известиям Иосифа Флавия, Плиния и Филона, но далее он сообщает сведения, отсутствующие у этих авторов. «Христа, — продолжает Филастрий, — как господа, сына божьего, они не ожидают. Они не признают, что он уже возвещен как бог в «Законе» и «Пророках» (Филастрий имеет в виду ветхозаветные книги), но ждут его, считая только пророком или справедливым человеком».

Филастрию вторит другой христианский писатель, Иероним: «Эссены говорят, что сам Христос был тем, кто научил их всякому воздержанию».

Итак, по словам Филастрия и Иеронима, эссенам была присуща вера в Христа, хотя они представляли себе Христа иначе, нежели христиане. Как же разъясняется эта загадка?

Мы должны вспомнить то, о чем уже несколько раз говорили. Христос — не имя. Христос — греческое слово, означающее «помазанник». В еврейском языке ему соответствует машиах, мессия. «Знаю, — читаем в евангелии от Иоанна, — что придет мессия, то есть христос». Из слов Филастрия и Иеронима вовсе не следует, что эссены верили в Иисуса Христа, в евангельского Иису-

са. Онн ие моглн верить в Иисуса Христа, нбо предаине о ием по меньшей мере иа два века моложе эссеиской секты.

Но эссеиы утверждали, что осиователем их «Нового завета» был мессня, помазанинк божий, послаииый богом пророк.

Об этом осиователе кумраиской общнны не однн раз упомнпают рукопнсн с берегов Мертвого моря. Имя его, впрочем, ие названо.

Кумраиские сектаиты нмеиуют его «учнтелем справедлнвостн».

Отрывок нз толковання на псалмы сообщает, что учнтеля справедлнвостн преследовал иечестивый жрец, собнравшийся умертвнть его. Более подробеи, ио все же недостаточио ясеи рассказ об основателе общниы, содержащнйся в «Дамасском докумеите»: оказывается, люди нз «остатка Изранлева» ощупью отыскивали себе путь к праведностн, н бог, кннув иа них благосклоиный взор, послал нм учителя справедливости, мессию, возвестившего истину. Затем учитель справедливостн умер. Как ои умер — об этом «Дамасский докумеит» молчит, зато мы находим там предсказанне, будто в коице диеи учнтель справедлнвости должеи явнться иа землю.

Чуть простраииее рассказ об учителе справедливостн в толкованни иа кннгу пророка Аввакума. Здесь снова мы слышим о том, что учитель справедливостн был нзбраннннком божьим, мессней нлн — если мы воспользуемся греческнм термином — хрнстом. Были людн, которые не повернлн учнтелю и отступнлнсь от иего, ио все же его окружали верные сторонннкн. Основаниая учнтелем общииа подверглась гоиеииям. Гонителей возглавлял иечестивый жрец. О смерти учителя справедливостн толкованне иа пророка Аввакума ие говорит ии слова, но зато мы узнаем, что нечестнвый жрец был иаказаи за свон прегрешеиня против учнтеля: бог предал его в рукн врагов н обрек иа мучеиия. Вот и все, что мы узиаем об осиователе «Нового завета», об учителе справедливости.

Сведеиня эти настолько скудиы, что иапрасио сталн бы мы гадать, какнх исторических персоиажей нмеют в внду толкования иа пророка Аввакума. Да н существовал ли вообще когда-нибудь этот учнтель справедливости, гоиимый иечестивым жрецом, умерший какою-то неясной смертью н превращенный свонмн почитателями

в предмет веры, в грядущего мессию, которому суждено явиться в конце дней?

Решить вопрос о существовании учителя справедливости невозможно.

Но вот что бросается в глаза — сходство предания об учителе справедливости и евангельской легенды об Иисусе Христе.

Подобно своему эссенскому предшественнику, Иисус выступает как мессия, как христос. Часть его учеников остается с ним, но среди апостолов находится предатель — Иуда Искариот, да и сам Петр временно отступается от учителя. Первосвященник преследует Иисуса, как нечестивый жрец — учителя справедливости. Скорее всего, учитель справедливости погиб в результате козней первосвященника, хотя обстоятельства его смерти изложены в кумранских рукописях совершенно неопределенно. И самое главное — после смерти и учитель справедливости, и Иисус Христос становятся предметом веры и поклонения: тому и другому предстоит еще явиться в мир, и только верующие в них будут спасены.

У КОЛЫБЕЛИ ХРИСТИАНСТВА

Родство эссенства с ранним христианством вырисовывается довольно четко. Вполне можно было бы предположить, что христианство выделилось из секты эссенов, сохранив некоторые элементы эссенского мировоззрения и обрядности, использовав эссенское предание об учителе справедливости для формирования собственной легенды об основателе новой религии. Но выделившись из общины «Нового завета», христианство очень скоро порвало со своими предками. Мы могли бы даже сказать, что, только порвав со своими предками, христианство приобрело возможность стать тем, чем оно стало, — религией, завоевавшей Римскую империю. Эссенов было четыре тысячи — христианами стали в конце концов все подданные римских императоров.

Как же произошло обособление христианства от иудейского сектантства?

После окончания Иудейской войны, после разруше-

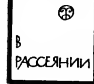
ния римлянамн эссенского поселеиня в Хнрбет-Кумране, неподалеку от этих мест, за рекой Иордаи, появилась релнгнозиая общииа, члеиы которой называлн себя «бедиыми», эбиоиитами, — словом, как мы знаем, ие чуждым кумраиской термииологни. Не одио только название родиит заиорданских эбионитов с эссенами, ио и обряды, и быт, и ученне.

Эбиоинты проповедовали общиость имущества, практиковалн рнтуальиые омовеиия, соблюдали субботиий праздиик. Оин верилн в то, что бог создал две снлы, борющиеся между собой: днавола, господствующего в царстве настоящего, и князя света, которому принадлежит будущее.

Эбиоинты отвергали храмовый культ, храмовое жречество, храмовые жертвоприношеиия.

А вместе с тем в теории и практике эбиоиитов еще более отчетливо вырнсовывается родство с христианством. Эбнонниты уже выработали основиые обряды, известные раинним хрнстиаиам: крещенне и причащеиие (хотя причащалнсь онн хлебом и водой, а не вином). Эбиоииты иазывали князя света Хрнстом, хотя еще ие прирaвияли Христа к богу. Им знакомы были имеиа иовозаветиых героев: Инсуса оин считали истнниым пророком, а Павла — ложным.

Эбиоиитов приията называть иудеохристианами, рассматрнвая нх как переходиую группу от нудейства к христнаиству, точиее говоря от эссенов к христиаиам. Подобио этому черты переходности лежат н на том иовозаветиом памятиике, который рассматривается как иаиболее ранний — иа «Откровенни Иоаниа». Вы помните, что «Откровеиие» появилось (если не считать коекакнх дополненнй н переработок) еще во время Иудейской воймы.



Эссены и эбиоииты действовали в Палестине — «Откровеиие» переиосит иас совсем в другие областн: на острова Эгейского моря, в Малую Азню. Здесь жнвет автор этой киигн, здесь обитают н действуют те, к кому ои обращается. Но те, к кому ои обращается, те, кто может рассчитывать иа спасение в

будущем, — это евреи, «двеиадцать колен сынов нзраилевых». Подобно эбионнтам, составнтель «Откровения» зиает только одну категорню вериых — из числа евреев. Он несет свою проповедь к евреям Малой Азни.

Палестииа лежала на пересечеиии важнейшнх торговых путей древиости. К этой малеиькой стране тяиулись щупальца велнких держав — сперва Егнпта н Хеттского царства, затем Асснрин, Вавилоиа, Перснн, Македоиии, н, иаконец, Рнма. Египетские колесинцы н асснрнйскне всадинкн в железиых кольчугах, македоиские фалангн, ощетиинвшнеся длииымн пикамн, н рнмские легионы не раз проходнлн по полям Галилен, по берегам Мертвого моря. Не раз открывалн свон ворота перед завоевателем нудейские города, ие раз врагн уводили в плеи сыиов и дочерей Палестины.

Миогие евреи самн покидали родину, нскалн прибежнща иа чужбнне, в «рассеяннн», как тогда говорнли, в диаспоре, если пользоваться греческим термниом. Они оседали в Вавилоне и в миоголюдной Александрии, появлялись иа берегах Тибра, в рнмской столнце, построеиной на семн холмах.

Оии поклонялнсь невиднмому богу Яхве н посылали даиь жрецам Иерусалнмского храма, ио вместе с тем оин овладевали греческим языком н приобщались к эллинской культуре.

Еврейскнй философ Фнлои, жнвший в Александрнн и пытавшнйся прнмнрить Ветхий завет и греческую иауку, был одиим из миогнх эллинизнроваиных нудеев I века и. э.

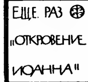
В Ветхом завете, включавшем древнейшие, подчас первобытные предаиия и легенды, немало странностей и противоречнй, которые инкак ие соответствовалн достнжеиням антнчной наукн, которые не моглн ие раздражать столь образоваииого человека, как Фнлои. Не решаясь, одиако, отвергиуть Ветхий завет, освящеииый авторнтетом столетнй, Фнлон заявнл, что бнблейские предания надо понимать ие буквальио, а аллегорически, в переиосном смысле. Вот, например, Ветхнй завет передает легеиду о бегстве евреев под главенством Моисея нз егнпетского плена; по мыслн Фнлона, речь ндет вовсе ие о реальных событнях, не о чудесном переходе Красного моря перед самым иосом фараоиа, не об иных необыкиовеииых происшествиях — библня просто указывает, что человек должеи покннуть мнр инз-

менных страстей (Египет, орошаемый не небесными дождями, а по земле струящимся Нилом, — это, согласно Филону, символ мира низменных страстей) и удалиться в царство небесное.

Бог, полагал Филон, недоступен органам чувств человека, он стоит за пределами разума, он непостижим. Люди способны воспринять лишь исходящие от бога, истекающие от него силы, одной из которых (и наиболее важной) является слово божье, по-гречески логос (заметим попутно, что греческое «логос» значит не только «слово», но и «разум»).

Учение Филона об аллегорическом толковании библии и особенно его учение о логосе, о слове божьем, в дальнейшем было использовано христианскими богословами. Христа именует Словом уже автор евангелия от Иоанна. К аллегорическому толкованию библии постоянно прибегал Ориген.

Итак, немалая часть евреев обитала в I веке н. э. за пределами Палестины, в диаспоре. Значительные еврейские поселения были в ту пору в городах Малой Азии. К малоазийским евреям и обращался автор «Откровения» — обращался на греческом языке, на котором они говорили. Впрочем, в «Откровении» проскальзывают некоторые еврейские термины, отдельные еврейские обороты речи.



«Откровение» близко к эссенским памятникам не только своей ориентацией на «колена израильские», на еврейский народ. Весь круг идей «Откровения» роднит его с эссенским мировоззрением.

Человечество, согласно видению Иоанна, разделяется на праведников, которые «омыли одежды свои и убелили одежды свои кровью Агнца», и на воинство ангела бездны, имя которому Аваддон: саранчу с хвостами, как у скорпионов, львиноголовых коней, извергающих огонь, дым и серу изо рта. В стане диавола находится и богомерзкий Зверь — воплощение Римской империи. Борьба между праведниками и порожденнем диавола — таково, согласно «Откровению», содержание всей истории человечества.

Торжество сил зла лишь временно, победа истины должна наступить.

Вместе с воплощением диавола — Зверем — суровая кара ждет и лжепророка; подобно эбионитам, автор «Откровения» с гневом говорит о лжепророках. Среди всех новозаветных памятников «Откровение» выделяется своей ненавистью к миру нечестия. В нем нет и следа примирения и терпимости. Тот, кто поклоняется богохульному Зверю, «будет пить вино ярости божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева его, и будет мучим в огне и сере пред святыми ангелами и пред Агнцем». Написанное в пору Иудейской войны, «Откровение» сулит скорую гибель миру нечестия, в фантазии автора причудливо сливающемуся с ненавистной Римской империей. «Время близко», — пророчествует Иоанн. «Се, гряду скоро», — вкладывает он в уста бога.

Образ Иисуса-Агнца в «Откровении» еще не принял канонических очертаний. Как мессия-христос ессеев и эбионитов, Агнец «Откровения» — лишь младшее божество, отличное от всемогущего бога. Он приравнен к библейскому герою Моисею. Иоанну кажется, что он видит, как семь ангелов в небесах поют после победы над Зверем, держа в руках гусли божьи. Они «поют песнь Моисея, раба божия, и песнь Агнца», восхваляя господа-вседержателя.

Нет в «Откровении» и следов христианского святого духа, ставшего позднее бок о бок с богом-отцом и богом-сыном: напротив, Иоанн несколько раз упоминает о семи (семь — магическое число, ему особенно любезное) духах божьих, которые, подобно семи светильникам, окружают престол господа.

Не упомянуты в «Откровении» и христианские магические обряды: ни крещение, ни причащение. Формирование основ христианского вероучения едва только началось; автор «Откровения» поклоняется Христу, но он еще близок к ессеям, он родной брат эбионитов, он рисует в своем воображении мир распавшимся на два царства, ожесточенно ненавидит царство диавола и верит в скорое его поражение.

Но боевой дух времени Иудейской войны пройдет со временем, уступит место безмолвной покорности властям, а царство божье отодвинется в далекую неизве-

стиость. И вместе с исчезновением бунтарского духа резко нзменится отношение хрнстнаи к евреям, к еврейской релнгии, к еврейскнм обычаям.

«ИЗБРАННЫЕ ИЗ ЕВРЕЕВ»

Средн иовозаветиых сочниений всего ближе к «Откровеиию» Иоаина те послання, которые прнпнсаны апостолам Иакову, Петру, Иоаину и Иуде. Конечно, написаиные уже во II веке н. э., сочииення эти далекн от первоначального христнаиства. Представлеиие о крещении здесь сформулировано совершеиио отчетливо: крещеиие — не омытие плотской иечнстоты, но прнносимый богу обет чистой совести. Упомниаются трапезы братской любвн. Требоваиие покориости властям излагается простраиио и настойчиво. С большим укором говорится о тех, кто удивляется, почему так долго не иаступает царство божье. Вера в воплощеиие Христа, в принятие богом человеческого облика, объявляется краеугольным камием новой релнгнн, а Иисус — едииствеиным н истиииым христом-мессней.

Эссенского представлеиия о резком раздвоеиии мира иа царство сыиов света и царство сыиов тьмы, о борьбе между ними, достигающей космических масштабов, в послаииях мы уже не встретим, хотя в ннх нетиет да проскользиет пережнток эссенской термииологни. «Дети божни и детн днавола узиаются так, — иаставляет автор первого послаиия Иоаниа. — Всякий, ие делающий правды, не есть от бога, равио и не любящий брата своего». Коиечно, выраженне «детн божии и дети диавола» напомииает эссеиские формулы, но в каком обеднениом, в каком урезаином виде воспроизводит первое послание Иоаииа буитарские идеи еврейских сектантов! В «Откровеиин Иоаииа» мы виделн бурлящие страстн, гнев, неиависть, угрозы вонистиву диавола — первое послание Иоаина заботится только о том, чтобы иаучить распозиавать «детей днавола» и преградить им доступ в общнну вериых.

В одном отношеиии послаиия Иакова, Петра, Иоаииа н Иуды родственны эбноиитскому движеиию и еще более — «Откровенню». Авторы послаиний попрежнему адресуются к «двенадцати коленам, нахо-

дящимся в рассеянии», иными словами — к евреям диаспоры. Для составителей посланий христианство все еще движение внутри иудейства, христиане — «избранные из евреев», хотя в отличие от эбионитов Палестины христиане посланий обитают в Малой Азии и пишут не по-еврейски и не по-арамейски, а на греческом языке.

Оставаясь «избранными из евреев», христиане посланий в какой-то мере придерживались традиционной еврейской обрядности, которую сохраняли и кумранские сектанты.

В послании Иакова провозглашается и подробнейшим образом обосновывается принцип: «Вера без дел мертва». Что пользы в вере без дел, рассуждает автор послания, ведь и бесы веруют, что бог един, и трепещут перед ним. Не верой одной очистился перед богом ветхозаветный герой Авраам, возложивший на жертвенник сына своего, — подкрепленная делами вера его достигла совершенства. Значит, «человек оправдывается делами, а не верою только».

Но что это за «дела», о которых так подробно рассуждает автор послания Иакова?

Под «делами» в послании Иакова разумеется совокупность иудейских заповедей и обрядов, в том числе беспрекословное соблюдение субботнего покоя. Христиане из евреев, иудеохристиане, непосредственные преемники эбионитов, не склонны были вовсе отвергнуть традиционные обряды, хотя и вводили новые верования и новые обычаи.

САВЛ, ОН ЖЕ ПАВЕЛ

Примерно в то же время, что и иудеохристианские послания, появились другие сочинения, также вошедшие в состав Нового завета, также призывающие к примирению с империей, также проповедующие социальный мир и все же коренным образом расходящиеся с посланиями Иакова и Иоанна, Петра и Иуды. Эти сочинения связаны с именем апостола Павла.

Павлу приписана основная часть новозаветных посланий. Правда, они не могли быть написаны в середине I века н. э., когда, согласно христианской традиции, жил и писал Павел. Распространение новой религии по

всей нмпернн, иалнчне общнн в Рнме, Фессалоинках, Коринфе, последовательный отказ от первоиачального буитарства, — все это ннкак не соответствует исторической действнтельиостн середииы I века и гораздо лучше подходит ко II столетню.

И действнтельио, до 140 года, когда Маркион привез в Рнм иекоторые нз пнсем Павла, инкто о ннх ннчего ие слышал.

Более того. Послаиня Павла иапнсаны в разиое время и, скорее всего, прииадлежат разиым авторам. Мы говорили о том, что пастырскне послаиия во всяком случае появились ие раньше второй половииы II века. Их подлнииость стояла под сомиеинем уже в древиости, оии ие сразу былн включеиы в канон.

О Павле подробиейшнм образом повествуют «Деяння апостольскне» — тоже одно из ианболее позднх новозаветных сочнненнй. Состав его довольио сложен. Сперва в «Деяниях» ндет речь об учеинках Христа — Петре, Иакове, Иоание и других. Они действовалн в Иерусалиме и в других палестннскх городах, проповедовали учеиие Хрнста, творили чудеса. Павел в этой части выступает под нмеием Савла: он — гонитель хрнстиан, внезапио прозревшнй и принявший иовую веру, подчииеиный Петру н покровнтельствуемый Вариавою. Как и другне проповедннкн, он действует пренмущественио в Иерусалнме н в окрестных землях. Отиошеине к евреям в первой части «Деяний» вполне соответствует теидеицни нудеохрнстианскх послаинй: оин назваиы здесь людьмн ианболее иабожиымн среди всех иародов под иебесами.

В 13-й главе «Деяннй» Савл виезапио выступает под новым нменем: «Савл, он же и Павел», — говорит о нем безымяниый рассказчик. С этого момента вплоть до коица повестн нмя Савла ие появляется (разве только прн воспомннаннн о прошлом) — странствует, проповедует н наставляет Павел. С этого момента старшне апостолы отстраняются иа заднний плаи, превращаются в бесплотные тени — все вниманне писателя прииадлежит Павлу.

Но н вторая часть «Деяний», героем которой является Павел, ие составляет едииого целого. То автор ведет рассказ от третьего лица, повествуя как сторонний наблюдатель о странствиях и проповеди Павла. То совершеино иеожидаино всплывает лнчиость само-

го рассказчика, который оказывается спутником Павла, — он ведет повествование от первого лица: «Мы пошли вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла, ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком».

Кстати сказать, написанная от первого лица часть «Деяний» полна таких бытовых подробностей и деталей, которые отсутствуют в других местах этой книги. Особенно беллетристично описаны тут буря на море и кораблекрушение, пережитое Павлом и его спутниками: моряки выбрасывают за борт пшеницу; подняв якоря и поставив малый парус, корабль устремляется к спасительному берегу; судно садится на мель, и волны разбивают корму; люди — кто вплавь, кто уцепившись за доски — добираются до земли и, продрогшие, греются у костра.

И что любопытно: в описании одних и тех же событий разные части «Деяний» не согласны между собой, а послания в свою очередь противоречат «Деяниям».

В первой (иудеохристианской) части «Деяний» рассказывается о чуде на пути в Дамаск. Савл направлялся в этот сирийский город с письмом иерусалимского первосвященника, чтобы арестовать там всех христиан и связанными отвести в Иерусалим. (Автора не заботит, что иерусалимский первосвященник не мог отдавать подобные приказы властям Дамаска).

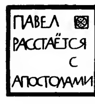
На пути в Дамаск внезапно Савла осиял свет с неба и раздался голос: «Савл, Савл! Что ты гонишь меня?» Как вы догадываетесь, голос принадлежал Христу. Догадался и Савл и в страхе распростерся на земле. Внезапно он лишился зрения. А как же спутники Савла? «Деяния» совершенно четко говорят о их поведении: «Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя». Итак, запомните: они слышали, но не видели.

Во второй части «Деяний» снова рассказывается о чуде на пути в Дамаск. На этот раз о нем повествует сам Павел, выступающий перед иерусалимскими евреями. «Бывшие же со мною, — заявил между прочим Павел, — свет видели и пришли в страх, но голоса говорившего мне не слышали». Итак, спутники Савла — если поверить ему самому — видели, но не слышали...

В «Деяниях» Павлу приписаны следующие слова:

«Сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедовал», — так говорит он о своей деятельности сразу же после обращения в христианство. Однако совсем по-иному излагает те же события автор Павлова послания к галатам. «И не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне апостолам, а пошел в Аравию и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать... После сего отошел я в страны Сирии и Киликии. Церквам христовым в Иудее лично я не был известен».

Как же так — лично не был известен христианам Иудеи, если, согласно «Деяниям», именно в Иерусалиме и земле Иудейской прежде всего проповедовал Павел? И наоборот — почему молчат «Деяния» о миссии Павла в Аравии?



Существовал или не существовал в действительности ревностный проповедник христианства Павел, так называемые Павловы послания ему не принадлежат, а новозаветный канон противоречив в сообщениях об истории его жизни. Существовал или не существовал подлинный Павел, новозаветный Павел — литературная фикция. Но как литературный образ, вылепленный христианами середины II века, новозаветный Павел необычайно характерен.

Он родился в диаспоре — в киликийском городе Тарс, в еврейской семье и носил еврейское имя Саул, или Савл в русском переводе Нового завета. Он был фарисеем и рьяным гонителем учеников христовых. Он врывался в дома христиан, уводил оттуда мужчин и женщин, бросал их в тюрьмы. Ненавистник новой религии, Саул внезапно — под влиянием чуда на пути в Дамаск, — совершает резкий поворот и обращается к христианству.

Ни опасности, ни даже угроза казни не останавливают его: страстно проповедует он то, что так недавно преследовал. Он развивает бурную деятельность, он ищет признания, популярности. Пусть на словах Саул

скромен, унижен, нищ духом, пусть называет он себя наименьшим из апостолов, недостойным этого имени — но в глубине его сердца живет ненасытная гордыня, жажда славы, признания, аплодисментов, купленных хотя бы ценой мученичества.

Он появляется в Иерусалиме, но не может найти общий язык с медлительными учениками Христа, цепко держащимися за букву Ветхого завета, соблюдающими иудейскую обрядность. Упрямые старики сильны своим авторитетом: ведь они восприняли новое учение от самого Иисуса Христа. О как обидно Саулу, что он не удостоился лично встретиться с сыном божьим, запросто бродившим по Палестине! Какой горечью пронизаны слова одного из посланий: «Не апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, господа нашего?» Нет, Саул, могли бы ответить ему на это иерусалимские апостолы, ты не видел Иисуса Христа, самое большее, что ты видел, это свет с небес на пути в Дамаск.

В Иерусалиме столкнулись две силы: авторитет апостолов Христа и пылкая энергия Саула, хотевшего быть первым, не снесшего первенства Петра, — и авторитет победил. Апостолы удалили Саула из Иерусалима — под началом его покровителя Варнавы они послали опасного для них человека проповедовать слово божье в Малой Азии. Конечно, изгнанию была придана почетная форма — сам святой дух, оказывается, потребовал: «Отделите мне Варнаву и Савла на дело, к которому я призвал их». Жаль только, молчат «Деяния», был ли при этом свет с небес и кто именно слышал речь божью — один ли Саул или бывшие вместе с ним...

И вот Саул — уже не Саул. Он именуется римским именем Павел. Он оказывается римским гражданином. Вместе с Варнавой странствует он по городам Малой Азии, проповедует среди малоазийских евреев. Но Павел не может вынести первенства Варнавы, как не мог он вынести первенства Петра: ничтожного повода оказывается достаточно, чтобы бывшие друзья распростились. Варнава удаляется на Кипр, оставляя поле деятельности в Малой Азии своему младшему собрату. Наконец-то осуществилась мечта Павла — теперь он сам апостол, у него свои ученики и почитатели: Сила, Тимофей, Дионисий Ареопагит. По своей воле вы-

бирает он города для проповеди, его слушают, затаив дыхание, в нем видят чудотворца, пророка, воплощение божества.

Наступает момент, когда Павел не только отделяется от иерусалимских апостолов — он противопоставляет себя иудеохристианам.

ПАВЕЛ ОБВИНЯЕТ АПОСТОЛОВ

В послании Павла к галатам мы находим прямую полемику с известным нам посланием Иакова. Нет, не делами оправдывается человек, настаивает автор Павлова послания, но лишь верою во Христа — напротив, делами «Закона» «не оправдается никакая плоть». Больше того, автор послания галатам решительно утверждает, что человек, видящий свое оправдание в соблюдении «Закона», отпадает от Христа. Почему же? Составитель послания рассуждает по-своему довольно последовательно: мы спасены жертвой Христа, крестными страданиями сына божьего; но если бы оправдания перед богом можно было достигнуть простым соблюдением иудейской обрядности, зачем понадобилось бы такое необычайное событие, как принесение в жертву божества? «А если «Законом» оправдание, то Христос напрасно умер». Именно потому и понадобилась смерть Иисуса Христа, что соблюдение «Закона» не давало людям подлинного спасения от греха.

Автор Павловых посланий не вовсе отвергает ветхозаветные нормы, но он отодвигает их на задний план. «Закон» дан евреям, чтобы остановить преступления, но его сила была временной. «Закон» действовал лишь до пришествия Христа, он подготовлял к принятию христовой проповеди, но после Христа следует руководствоваться не им. Не делами «Закона», не соблюдением ветхозаветных норм, а верой в Христа спасается человек.

Полемизируя с иудеохристианами, автор Павловых посланий обращается к тому же ветхозаветному образу, каким оперировали его противники, — к образу Авраама. Если в послании Иакова жертвоприношение Авраама рассмотрено как свидетельство в защиту главной мысли иудеохристиан — спасение не одной только верой, но и делами, то в Павловых посланиях оно истолко-

вано по-иному. Нет, словно восклицает автор послания к римлянам, не делами оправдался Авраам, а именно верой: вера вменилась ему в праведность. Не за то Авраам причислен был к праведникам, что соблюдал «Закон», но за беспрекословное подчинение богу, за непоколебимую твердость в вере.

Ожесточенный спор между апостолами на страницах Нового завета! В чем же суть этого спора, спрятать который не сумели неловкие редакторы канона — выдали они противоречия своих учителей, донесли их до потомков и прикрыли божественным авторитетом прямо противоположные друг другу суждения?

Если эссены и эбиониты, автор «Откровения Иоанна» и составители иудеохристианских посланий знают только одних верных — верных из евреев, то Павел выступает как «апостол язычников». Не к одним только евреям адресуется он, но и к эллинам, к язычникам, не знающим Ветхого завета, не слышавшим никогда об иудейских обрядах. Не тот иудей, восклицает Павел, кто родился евреем и соблюдает еврейские обычаи, но истинный иудей тот, кто внутренне созрел для исполнения божественных заповедей.

Павлу приписан чрезвычайно важный шаг: христианство, родившееся как иудейская секта, сходная с эссенством, распространившееся в диаспоре, теперь в результате Павловой реформы сломало племенную ограниченность, свойственную всем прежним религиям. Из религии одного народа оно превратилось в религию всего человечества. «Нет уже иудея, ни язычника» — восклицает новозаветный Павел. Нет ни эллинов, ни иудеев, ни варваров, ни скифов, но все и во всем Христос.

«Деяния» и послания рисуют бурный успех проповеди Павла: в Малой Азии, в Греции, на островах, в самом Риме возникают христианские общины — и среди евреев, и среди язычников. Павел пишет в Коринф и в малоазийский город Колоссы, к жителям полуварварской Галатии и в столицу империи. Он наставляет, корит, поучает. Он время от времени напоминает об обязанности давать ему пропитание. Он царит в замкнутом мирке христианских общин.

И все же его честолюбие не удовлетворено. Его мечта — явиться в блеске славы туда, где распят был Иисус Христос и откуда сам Павел был изгнан. И он осуществляет свою мечту — он приезжает в Иерусалим.

ПАВЕЛ НАПРАВЛЯЕТСЯ В РИМ

Но к велнкому своему удивлеиию, Павел встретнл там ие лавры и ликоваиие, а иенависть соплемеииников и иастойчнвые упреки едииоверцев. Зачем ты учншь отступаться от «Закона»? — пенялн ему Иаков н другне старейшииы христнаи.

Разрыв между павлиинзмом и иудеохрнстиаиством становнтся иемннуемым. Для апостолов Павел — перерожденец, отступник от отеческнх заветов, для Павла апостолы — ограннчеиные тугодумы, закосневшне в своем провинцналнзме н ие поимающие, что следует пожертвовать субботинм покоем, ио зато завоевать весь мнр.

На улнцах Иерусалнма возиикают стычкн: нуден ополчаются на Павла, иабрасываются иа него, бьют его, кричат: «Смерть ему!» Самая жизнь апостола язычннков в опасности — н тут в его судьбу вмешнваются рнмскне власти. Павла вырывают из рук разгиеванных евреев н отдают на суд рнмского иаместинка. Отметим попутио, что вся сцена «Деяний» в какой-то мере дублнрует евангельскнй рассказ о казии Инсуса: нннцнаторы расправы н там, и здесь еврен, иоснтелн справедлнвости н там, н здесь рнмляие.

Сперва рнмляие принимают Павла за егнптянинабунтовщнка, который вывел в пустыню четыре тысячи разбойннков. Но иедоразумение быстро рассенвается: Павел отнюдь ие буитовщнк, ои хорошо зиает, что «иет власти не от бога», что «противящийся властн протнвнтся божню установлению».

Он иаставляет повнноваться иачальствующим н платнть оброк н подать. В лице римляи Павел иаходнт себе союзннка. «Деяния» завершаются тем, что он иаправляется в Рим.

Разрыв павлннизма с нудеохрнстнанством совершился. Еслн в первых послаииях Павла эллниы и скифы наряду с иудеямн прнннмаются в хрнстиаискне общнны, то в дальнейшем отиошеине павлиистов к евреям становнтся иетерпнмым: автор Павловых посланий вниит евреев в том, что оии убнли Иисуса и пророков, что оин нзгиали Павла, что онн и богу ие угождают и всем людям противятся, и мешают иестн проповедь язычникам.

Павлинистская идея — обвинить евреев в убийстве Иисуса Христа и, наоборот, снять с римских властей подозрение в виновности — легла в основу евангельского рассказа. В евангелиях господствует антиеврейская настроенность, особенно в евангелиях от Луки и Иоанна. Правда, сложные по своему составу и противоречивые памятники, евангелия сохранили и некоторые иудеохристианские формулировки. Так, по словам евангелия от Матфея, Иисус заповедал своим ученикам не ходить к язычникам, но нести новую веру только к «овцам дома Израилева». В проповеди Иисуса, включенной в это евангелие, мы встречаем торжественное заверение, что каждая буква «Закона» сохранит свою силу, покуда мир будет существовать, покуда «не прейдет небо и земля».

Но это лишь отдельные формулировки, не устраненные неловкими редакторами.

В том же самом евангелии от Матфея Иисус решительно отвергает свое собственное требование — буквально придерживаться норм «Закона». У него спрашивают: почему фарисеи постятся много, а последователи Христа не постятся? И Иисус отвечает, имея в виду именно иудейскую обрядность, закрепленную в «Законе»: «Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты... Не вливают также вина молодого в мехи ветхие». Иначе говоря, он собирается не реформировать старую веру («вливать вино молодое в ветхие меха»), но создать новую религию, основанную на иных принципах. Вот так буквальное соблюдение Ветхого завета — пока «не прейдет небо и земля»!

Прямой полемикой с иудейской обрядностью звучат неоднократные выпады евангелий против неукоснительного соблюдения субботнего покоя. Если эссены запрещали в субботу пользоваться лестницей и канатом, чтобы извлечь из ямы провалившихся туда людей, то автор евангелия от Матфея, не задумываясь, разрешает в субботу вытаскивать из ямы овцу, а тем более человека. «Суббота для человека, а не человек для субботы», — так провозглашает Иисус в евангелии от Марка.

Точно так же отвергают евангелия и племенную ограниченность иудеохристианства, проскользнувшую в

запрещении апостолам идти с проповедью к язычникам. «И во всех народах прежде должно быть проповедано евангелие», — эти слова Иисуса, передаваемые евангелием от Марка, находятся в вопиющем противоречии с иудеохристианскими взглядами и, напротив, полностью соответствуют воззрениям павлинистов.

Евангелия не только открывают язычникам доступ в христианскую общину. Они, подобно первому посланию фессалоникийцам, враждебны иудейству, осуждают его и осмеивают его.

В евангелии от Иоанна приведена беседа Иисуса с иудеями. «Я свет миру», — без ложной скромности заявил тот, кто в других случаях восхвалял нищету духа. Евреи не поверили ему. «Ты сам о себе свидетельствуешь, — весьма логично возражали они, — свидетельство твое не истинно». Нет, продолжал настаивать Иисус, свидетельство мое истинно, ибо не я один, но и отец мой, пославший меня, подтверждают это — а даже в вашем «Законе» написано, что свидетельство двух человек истинно.

Но и ссылка на авторитет неведомого отца не убедила иудеев, и тогда Иисус рассердился и стал бранить тех, кого безуспешно пытался убедить. Вы умрете во грехе вашем, грозил он им. «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего», — продолжал он. Он именовал их лжецами, не знающими бога, а евреи, не оставаясь в долгу, кричали, что в нем сидит бес, и грозили побить Иисуса камнями.

Суть даже не в отдельных антиеврейских высказываниях и эпизодах евангелий: вся история ареста и казни Иисуса написана с тем, чтобы возложить вину за распятие сына божьего на евреев. Римский прокуратор Понтий Пилат, оказывается, хотел отпустить Иисуса на свободу, жена Пилата называла арестованного праведником, — только уступая настояниям евреев, Пилат согласился казнить его. «Не виновен я в крови праведника сего», — восклицает евангельский Пилат, так не похожий на исторического Пилата, безжалостно расправлявшегося со всевозможными мессиями и пророками.

А когда повели Иисуса на казнь, народ иерусалимский насмехался над ним — зато римский сотник во внезапном озарении прославил бога и сказал: «Истинно человек этот был праведник». Что за беда, если при Тиберии в Иерусалиме не было ни римских легионов, ни

½ 8 Заказ 606

римских сотников: авторам евангелий нужно, чтобы римляне признали Иисуса праведником, а евреи кричали: «Распни, распни его».

Христианство становится мировой религией

Основной круг христианских идей и обрядов зародился еще в эссенской общине. Он получил дальнейшее развитие у эбионитов Палестины, у александрийского богослова Филона, у малоазийских собратьев автора «Откровения Иоанна». Здесь родилась идея единого и непостижимого бога, породившего Логос — Слово. Здесь родилось прославление бедности и долготерпения, ненависть к миру зла, надежда на скорое явление мессии и на скорый суд над нечестивцами. Здесь родился образ гонимого мессии, помазанника божьего, которому суждено вновь явиться на землю «в конце дней». Здесь зародились трапезы братской любви, и крещение, смывающее грехи, и причащение хлебом и вином.

Все эти идеи и обряды были достоянием маленьких сект, ориентировавшихся на евреев Палестины и диаспоры. Однако наступил момент, когда христианство сломало свою первоначальную племенную ограниченность и перестало быть религией для евреев, перестало быть иудеохристианством.

Сперва оно обратилось от еврейского и арамейского языка к греческому — самому распространенному языку восточной половины Римской империи. Затем неизвестный автор первых Павловых посланий увидел, что чаянья еврейского народа сродни надеждам других народов империи, что другие народы также страдают от социальной несправедливости и мечтают об установлении царства божьего, также тяготятся своим бессилием и возлагают все надежды на божественного спасителя.

И тут произошел переворот: христианство отворило двери перед людьми всех племен и народов. Оно стало мировой религией. Где произошел этот переворот, мы не знаем, но, разумеется, не в Палестине, а в диаспоре, в еврейских общинах, тесно связанных с иноплеменниками. Когда произошел он, тоже трудно сказать — во всяком случае, после составления «Откровения Иоанна», но не позднее, чем появились первые Павловы послания.

Почему же христианство, начав с признания язычников, отвергло в дальнейшем евреев — своих предков?

Почему христиане стали называть иудеев сынами диавола и возложили на них вину за распятие Христа?

Чтобы понять это, нужно вспомнить то, о чем уже говорилось в одной из предыдущих глав.

В первой половине II века в христианской среде стали совершаться серьезные перемены: порастеряв боевой пыл времени «Откровения Иоанна», христиане отказались от надежды установить на земле царство божье и перенесли его на небеса; христиане потеряли надежду на скорое пришествие Христа и отодвинули его на неопределенное время; христиане все реже сулили беднякам сытую жизнь и, напротив, призывали рабов примириться с бесправием, а угнетенных — с всевластием правителей.

Покорность становится главным принципом христианской морали, превращается в угодный богу подвиг.

Это было время, когда Юстин обращался к римским императорам, рисуя христиан достойными подданными. Это было время, когда павлинисты объявляли, что всякая власть от бога.

Где уж тут было вспоминать о богомерзком Звере из «Откровения Иоанна»!

Но прошлое бросало тень на христиан. Разве не вышла новая организация из племени иудейского, разве не были ее предки ессеями, а родные братья — палестинскими эбионитами? Разве не восприняло христианство — пусть с оговорками — Ветхий завет и элементы ессейской терминологии? Разве не пользовалось оно иудеохристианскими сочинениями?

Евреи были одним из самых бунтарских народов Римской империи. Они доставляли не раз хлопоты римским властям и легионам. Они подняли восстание в 66 году н. э. и несколько лет сопротивлялись превосходящим силам римлян. Они подняли новое восстание в 132 году, объявив своего вождя мессией и сыном звезды.

Вот почему, стремясь к компромиссу с властями империи, христианство отрекалось от своих предков. Называя евреев сынами диавола, обвиняя их в казни Иисуса Христа, почитатели распятого бога словно старались обелить себя, словно заявляли: не мы сража-

½ 8*

лнсь в осажденном Иерусалиме, не мы шли под значками бар-Косебы.

Хрнстнанство роднлось дважды. Первый раз оно роднлось, когда нз среды эссеиов выделнлась небольшая секта прнверженцев Инсуса-Агнца, распространившая затем свое влнянне в еврейских поселеннях диаспоры. Это произошло еще до Иудейской войны. Первоиачальное хрнстнанство сохраняло эссеиское представление о раздвоенностн мироздаиия, о космическнх масштабах борьбы добра и зла. Как и эссенов, первоиачальных христнан объедиияла иенависть к Риму, а события Иудейской войны пробудили в них боевой пыл и иадежду на скорое наступлеиие дня гнева — дня божьего суда.

После паденння Иерусалима в христианской — точнее в нудеохрнстнаиской — среде бунтарские иастроения понемногу начннают сходить на иет. Наступлеиие дня гнева откладывается иа иеопределениые времена, царство божье переноснтся с землн на небеса, соцнальиый протест смягчается — прнверженцы новой религин ищут компромнсса с властямн нмперии.

В этот момент н совершается второе рожденне хрнстнанства — собствеиио говоря, павлннизма, поскольку иовые иден сформулнрованы всего отчетливее в Павловых посланнях.

Мы вндели, сколь велико было сходство между раннм хрнстнаиством н кумраискими эссенами. Сейчас мы убеждаемся, что разлнчне между тем н другим движеинем оказывается не менее существеиным. Эссеиская общиил оставалась замкнутой и отгороднвшейся от внешнего мнра тайной органнзацней, тогда как христианство очень рано обратнлось со своей проповедью ко всем странам н народам. Кумранская секта оставалась союзом нзбранников среди еврейского народа — хрнстиаиство ломало н отбрасывало племеиные н государствеиные перегородкн. И в этом была его снла: эссенство осталось провннцнальным движением захолустной Палестнны — христианство после Павловой реформы смогло распространнться по всей импернн.

Между эссенами и хрнстнаиамн былн и иные различня: раннее христнаиство отказалось от эссенского ученння о борьбе добра и зла, охватывающей вселенную; оно отвергло ту мелочиую регламентацню, которая была унаследована эссенамн от ветхозаветных установленнй. Поклоненне Христу прнобрело гораздо более простые

формы и было лишено таинственности, которая отличала культ учителя справедливости. Но все эти различия в конце концов проистекали из главного: ессейство было сектой в пределах маленького народа, христианство стремилось к завоеванию мира или, если пользоваться его собственной терминологией, к спасению всего человечества.

ГЛАВА VIII
ОТ ХРИСТА К КОНСТАНТИНУ

ГОСПОДА И РАБЫ

На протяжении семи глав мы шаг за шагом пытались проследить, как складывалась история христианства. Теперь настало время к тем фактам, о которых мы уже говорили, подойти с другим вопросом: *почему* возникло христианство, *почему* оно превратилось из религии бедняков в богатую церковь и стало союзником рабовладельческой Римской империи?

Человеческое общество существует несколько сот тысяч лет — классовое общество приблизительно пять тысяч или немногим больше. Пять тысяч лет назад классовое общество утвердилось лишь в узкой прибрежной полосе вдоль Нила и Евфрата, а бескрайние просторы Европы, Азии, Африки населяли племена, не знавшие ни классов, ни эксплуатации, ни государственной власти.

Прошло еще около трех тысяч лет, прежде чем город на Тибре сделался столицей могущественного государства, раскинувшегося по берегам Средиземного моря. К тому времени возникло, исчезло и снова возникло немало государств, подчинивших себе некогда свободные племена. К востоку от Римского государства лежало Парфянское царство. Закованные в панцирь парфянские всадники не раз наносили поражения римским легионам. Они господствовали от берегов Евфрата до Средней Азии и Северной Индии (позднее на месте Парфянского царства образовалось Персидское). А еще дальше на восток — за горами и пустынями — лежали земли третьей великой империи тех лет — Китая. От Гибралтарского пролива до устья Хуанхэ тянулась довольно широкая полоса степей и возделанных земель, где уже сложилось классовое общество, — а к северу и к югу от нее по-прежнему господствовал племенной строй.

Классовое общество две тысячи лет назад было рабовладельческим обществом. Это значит, что человек мог родиться или его могли сделать рабом — бесправным существом, говорящей скотиной, «человеконогим». Хозяин продавал раба, словно собаку, бил его, когда был в гневе, и закон молчал, если господин убивал раба.

Рабов было много, но не одни рабы трудились на

полях и в мастерских: тысячи и тысячи крестьян возделывали крохотные виноградники, оливковые рощи, пшеничные нивы, тысячи и тысячи каменщиков, плотников, кузнецов своими нехитрыми инструментами возводили дома, делали мебель, ковали оружие. Они были свободны, это правда, у них были свои хижины, кузнечные горны, мастерки и пилы, закон не разрешал ни убить, ни продать их — но какой непрочной была их полуголодная свобода!

В Римском государстве большая часть свободных крестьян и ремесленников не имела прав римского гражданства, и это практически делало их бессильными перед римскими наместниками, солдатами, сборщиками податей. Им приходилось сносить издевательства, давать взятки, почтительно кланяться. Их жалобы не доходили до судов. Неурожай, отсутствие заказов, нападение варваров, бесчинства провинциальной администрации в любой момент могли разорить бедняка, лишить крова и пропитания и заставить продавать собственных детей в рабство.

И даже те, кто носил гордое имя римских граждан, часто бывали бедняками. Среди римских граждан тоже немало было крестьян и ремесленников, немало было и вовсе неимущих, живших подачками государства или нанимавшихся в солдаты. Правда, они имели право голосовать в народном собрании и выбирать должностных лиц, но хитрая выборная система Древнего Рима обеспечивала самые хлебные и самые почетные должности богатым и знатным.

Итак, подавляющая масса населения Римского государства состояла из угнетенных: рабы, покоренные римлянами народы, собственная беднота — все они жили трудной жизнью, постоянно сталкиваясь с несправедливостью, не зная, какие беды готовит им завтрашний день. Так было не только в Древнем Риме — так было и в других рабовладельческих государствах: и в тех, что существовали в римское время, и в тех, что возникли задолго до Рима и чьи города уже успели разрушиться и были занесены песками пустыни.

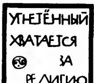
Время от времени терпение истощалось. Рабы вырывались на свободу, расковывали кандалы, сжигали господские дома. Разоренные крестьяне, лишенные заработка ремесленники уходили в леса и болота, создавали разбойничьи отряды. Те, кто еще недавно был

собственником поместий, кто распоряжался сотнями слуг, кто одевался в драгоценные ткани, бежали в панике, искали защиты за городскими стенами, жалобно молили о пощаде.

Целые государства сотрясались взрывами классовых битв. Бывало, что беднота приходила к власти, конфискуя имущество богачей, казня военачальников и сборщиков податей. Вожди бедняков издавали хорошие законы, вводили равенство граждан, иной раз даже уделяли кое-какие права рабам.

Но рабовладельческие порядки оставались сильнее, чем гнев бедноты и рабов. Если один город оказывался в руках восставших, из соседних городов стягивались войска; меч и голодная осада раньше или позже расправлялись с мятежом. А иногда еще интервенция не успевала задавить восставших, как в их собственной среде начиналось брожение: шел спор из-за власти, из-за присвоенных богатств, из-за того, уничтожить или сохранить рабство, поделить или нет земли.

За подъемом классовой борьбы наступал ее спад. За временем светлых надежд приходила полоса отчаянья. Сегодня бесправным труженикам казалось, что свобода близка, что на земле вот-вот осуществится лучшая мечта людей и будет установлено государство солнца — государство равенства и свободы. А завтра восставшие были разгромлены, их бросали в темницы, забивали в колодки, приколачивали гвоздями к деревянным крестам. Те, кто им сочувствовал, кто робко надеялся на победу справедливости, сломленные и отчаявшиеся, еще более робко озирались кругом, словно спрашивая: где же выход? Откуда придет спасение?



Выход подсказывала фантазия. Этот выход назывался — религия.

Религия не сразу обратилась с утешением к угнетенным. Ей пришлось предварительно проделать длительный и сложный путь. Первобытная религия была по-своему оптимистичной: люди наивно верили, что они в состоянии восторжествовать над природой — над духами, управлявшими землей, солнцем, дождем, зверями, — если, конечно, ка-

кой-нибудь могущественный колдун не окажет им противодействие. Первобытная религия была общим делом всего коллектива: соплеменники, сородичи сообща справляли обряды, коллективные магические пляски предшествовали охоте, пахоте, войне. Первобытная религия не запугивала посмертными муками, не заманивала посмертным блаженством. Она не знала, ни что такое грех, ни что такое добродетель — ведь самое общество, породившее первобытную религию, не создало еще понятия справедливости и несправедливости.

Когда возникло классовое общество, религия отделилась от общества. Она оказалась в руках узкой касты жрецов, ставших между богами и человеком. Теперь не коллективные пляски считались угодными богам, а молитвы и жертвоприношения жрецов. Только жрец — друг царя и вельмож — имел доступ к уху бога, только щедрые воздаяния оказывались ключом к сердцу бога. Сами боги, как две капли воды, похожие на земных царей, требовали от крестьян и ремесленников даров, труда и повиновения, а непокорным грозили чумой, потопом и голодом.

Новая религия была религией богатых и знатных. Им одним она сулила загробное блаженство. Им одним она сулила помощь в битвах, спасение на волнующемся море, богатые урожаи, неисчислимый приплод скота. Боги прибавляли к богатствам тех, у кого и так ломились амбары, и отнимали последнее у тех, кто был нищ.

Религии богатых и знатных народ противопоставил иную религию. В своем воображении он наделил всемогуществом богов природы — потомков старых первобытных духов: духов хлеба и вина, духов — покровителей скота, духов, начальствовавших над рыбой. Разные народы приписывали этим божкам, отвергнутым официальной религией, лучшие человеческие свойства: доброту, справедливость, бесстрашие.

Маленькие духи природы превращались во всемогущих владык неба, сидящих по правую руку великого бога-отца, таинственного, непостижимого.

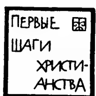
В своей фантазии народные массы рисовали образ бога-врачевателя, исцеляющего духовные и телесные немощи, бога, чья доброта спасет погрязшее в грехе человечество.

И еще один образ люб был угнетенным народным

массам: волшебный царь, помазанник божий, сошедший с небес, чтобы наказать злых и вознаградить добрых.

Да, это была народная религия, но это была религия. Она рождалась в муках поражения, в крови проигранных битв. Ее отцом было отчаянье, ее матерью безнадежность. Она была коварным цветком на древе народных битв — она успокаивала, она утешала — и вместе с тем она отвлекала от борьбы. Она оправдывала терпение и покорность надеждой на правый суд божий.

Созданная народом религия отчаянья и безнадежности легко могла стать опасным средством, направленным против народа, источником его кабалы, его бесправия. Так бывало не раз. Так произошло и с христианством.



Христианство возникло как одна из многочисленных еврейских сект накануне Иудейской войны.

Разгром Иудейского восстания создал благоприятные условия для расширения христианской проповеди. Иерусалим лежал в развалинах, храм перестал существовать, надежды на освобождение от Рима были раздавлены легионами. Что оставалось, как не мечтать о пришествии мессии, помазанника, христа, чей образ причудливо переплетался со старыми еврейскими божествами природы: Иисусом, сыном рыбы, богом-агнцем, богом хлеба и винограда? И кто знает, может быть, в эту фантастическую смесь влились какие-то легендарные черты основателя секты, о котором нам ничего не известно...

Число членов общины бедных росло. Официальное иудейство отвернулось от них, но они оставались иудеохристианами, избранными из двенадцати колен Израилевых. Они соблюдали «Закон», будто бы заповеданный богом Моисею. Они хотели быть чистыми, праведными в день гнева — давно уже обещанный, но все еще не наступавший. Боевой задор остывал, оставалась покорность, терпеливое ожидание дня, когда суждено исполниться божьей воле.

Постепенно христианство распространялось по диаспоре. Оно распространялось в разных формах. Это бы-

ла не одна секта, это была совокупность сект, которые объединялись лишь одним — верой в мессию, в христа.

Может быть, у разных христианских общин были разные христы. Недаром евангельский Христос говорит своим ученикам: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем моим, и будут говорить, что это я, и многих прельстят». И далее: «Тогда если кто вам скажет: — Вот здесь Христос, или: — Вот там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Само евангелие свидетельствует, что немало было людей, называвших себя христами (мессиями), и что даже избранные, то есть единоверцы автора, были смущены этими лжепророками и принимали их за христов.

Присмотритесь, как настойчиво повторяют авторы новозаветных книг, что именно Иисус, а не кто-то другой, был мессией. Автор первого послания Иоанна называет лжецом того, кто не признает Иисуса Христом,— напротив, всячески прославляет он верующих в то, что Иисус есть Христос.

Точно так же и в евангелиях эта мысль развивается неоднократно. «Он истинно спаситель мира, Христос», — заявляет автор евангелия от Иоанна.

Христианские секты нередко враждовали между собой. Автор «Откровения Иоанна» жалуется: некто Иезавель объявила себя пророчицей, а на самом деле лишь вводит верующих в заблуждение, учит их поедать приготовленные для идолов жертвы. В малоазийском городе Пергам христианская община находилась под влиянием последователей Николая и Валаама, известных нам только по имени. С горечью и раздражением говорит автор «Откровения» об общинах в двух других малоазийских городах: Эфесе и Филадельфии. Подумать только, в Эфесе развратные лжецы смеют называться апостолами, а в Филадельфии какие-то нечестивцы лгут, именуя себя иудеями!

И позднее христианские писатели постоянно порицали «лжецов», то есть тех, кто причислял себя к христианам, но по-иному, по-своему истолковывал христианское учение. И, конечно, «лжецы» в свою очередь упрекали противников в искажениях божественного учения, в нарушении воли мессии, в непонимании высокого назначения подвига Христа.

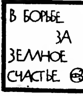
До этого момента христианство, или точнее иудеохристианство, не содержало в себе ничего принципиально нового. Как и ессеи, христиане видели спасение в неукоснительном соблюдении норм Ветхого завета, от которого отклонились жрецы Иерусалимского храма. Проповедь любви к ближнему, доброты, терпения, призыв к очищению от скверны вполне соответствовали ессейским идеям.

Если бы христианство остановилось на этом, если бы оно осталось религией избранных из Израиля, оно, вероятно, испытало бы столь же быстрое забвение, как и кумранская секта. И только в каких-то пещерах случайно можно было бы натолкнуться на христианские изображения и клочки христианских книг.

Но произошло иное. Христианство завоевало империю и на долгие столетия сделалось господствующей церковью Европы.

Для этого понадобилась павлинистская реформа — обращение христианства ко всему человечеству, проповедь «апостола язычников».

На рубеже I и II веков н. э., когда совершилось второе рождение христианства — его выделение из иудейства, Римская империя была как нельзя лучше подготовлена к принятию религии отчаянья и безнадежности.



I столетие до н. э. было временем ожесточенных классовых битв в Римском государстве. Рабы восстали под руководством Спартака и в течение нескольких лет держали под страхом всю Италию. Лучших полководцев Красса и Помпея сенат послал против многотысячной армии рабов. Победа, купленная дорогой ценой, позволила рабовладельцам утолить свою ярость: вдоль дорог были поставлены кресты, на которых медленной смертью умирали распятые рабы, еще недавно мечтавшие о свободе. Их сотоварищи были закованы в кандалы, и цепи звенели, когда они окапывали виноградные лозы и пахали поля. Они жили — если вообще к ним можно приложить это слово — впроголодь в вырытых в земле ямах, где даже самый высокий не мог бы дотянуться до укрепленного решеткой окошечка. Их

стерегли косматые псы, и прибитые к крестам тела долго служили грозным предостережением.

В I столетии до н. э. поднялись против Рима покоренные и бесправные племена Италии. Они создали свое государство и на монетах чеканили изображение быка, попирающего римскую волчицу. Прекрасные воины, они не раз били легионы, и римлянам пришлось уступить, признав жителей Италии римскими гражданами.

Но боровшиеся за свободу народы Испании и Малой Азии потерпели поражение. Их города были разграблены. Самые отважные мужчины, самые красивые женщины были обращены в рабство. Римские солдаты и сборщики налогов бесчинствовали. Священные рощи вырубали, мраморные статуи, колонны древних храмов увозили, чтобы украсить ими виллы богачей.

Римская беднота в ту пору тоже не раз выдвигала свои требования: отмену долгов, наделение землей, снижение цен на хлеб, снижение квартирной платы. На римском форуме страстные речи сменялись вооруженными схватками. Но волнения были подавлены, а римские граждане подкуплены щедрыми подарками, обмануты хитрыми словами. Все реже требовали они землю — все чаще хлеба и зрелищ. Они становились клиентами знатных домов, по утрам приходили поклониться своему патрону, выполняли его поручения, составляли его послушную свиту. Они по-прежнему голосовали в народных собраниях, но их решения были подсказаны не совестью, а патроном. Они по-прежнему отдавали жизнь в кровавых схватках на форуме, но они умирали не за свои права, а за своих патронов.

В Риме не стало защитников интересов народа — остались защитники интересов Красса, интересов Помпея, интересов Цезаря.

В конце I века до н. э. Римская республика перестала существовать — была установлена империя. Народ был лишен даже той видимости прав, которой он обладал в последние годы республики: он больше не выбирал должностных лиц, не утверждал законы. Вся власть перешла императору, который управлял с помощью кучки приближенных, им выбранных и по его воле отправлявшихся в ссылку или на казнь.

Империя опиралась на солдат и чиновников. И хотя императоры любили болтать о свободе и благодеяниях, на деле их власть была единоличной. К тому же утвер-

дился культ императорской личности: именем императора называли города, в его честь воздвигали храмы, ему приносили жертвы, как богу, в больших и малых поселениях воздвигали его статуи в полный рост и бюсты из мрамора и из бронзы.

Римская интеллигенция, еще недавно прославлявшая республику, с поразительной поспешностью нашла себе место при дворе. О прекрасной свободе перестали писать — зато много говорили о несравненном уме императора. Многие более честные люди отказывались от политической и литературной деятельности, уехали в свои поместья, возделывали поля, вводили сельскохозяйственные новшества. Самое большее, что они могли себе позволить, — это молчать.

I столетие до н. э. было боевым веком в истории Древнего Рима. Рим провожал республику в пламени гражданских войн. I столетие до н. э. было вместе с тем веком римского атеизма. Храмы стояли пустыми, о богах почти не вспоминали, жрецы посмеивались над собственным ремеслом. Да и кто, действительно, будет вспоминать о боге, когда живет надежда в борьбе обрести свободу, мечом завоевать свое счастье?

Гениальный современник гражданских войн Лукреций, автор поэмы «О природе», призывал вовсе покончить с религией. «Гнусная религия», — так именует он всякую веру в сверхъестественное. Религия, по словам Лукреция, порождена страхом перед непонятными силами природы и в свою очередь гнетет человека, наполняя его душу страхом перед им же самим сотворенными фантастическими образами. Наука против религии — вот лозунг Лукреция, утверждавшего, что боги не управляют миром, не посылают людям солнечный свет или грозные бури. Напрасно люди страшатся загробного царства, его нет, рассказы о преступниках, терзающихся в недрах земли, — наивный вымысел. Надо освободить себя от страха перед богами, понять законы природы и наслаждаться светлыми радостями бытия.

Нет, благочестье не в том, что пред всеми
с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь,
Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною
кровью животных
Ты окропляешь алтарь, или нижешь обет на обеты,—
Но в созерцанье всего при полном спокойствии духа.

С установлением империи положение коренным образом изменилось. Разгромленные в открытых боях народные массы потеряли надежду своей рукой исправить общественное устройство. Они затаили ненависть. Они закусили губы, презирая самих себя за бессилие.

Они ждали спасителя с небес.

Нет, не одни рабы, не одни угнетенные жители Малой Азии и Египта, Греции и Северной Африки томились под бременем римского деспотизма! По-своему страдала и интеллигенция, и мелкие торговцы, и владельцы мастерских и небольших поместий. Что с того, что эти люди были сегодня сыты, одеты и даже имели рабов — никто в огромной империи не мог спать спокойно, никто не знал, какие неожиданности сулит ему завтрашний день. Ораторы, которые сегодня возносили императора до небес, завтра оказывались сосланными, разлученными с семьей, лишенными имущества. Купец, далекий от политики, становился жертвой доноса своего соседа, завидовавшего красоте его жены или аромату роз в его саду. Люди забывали, что такое правда, привыкнув правдой называть ложь.

Даже тем из римлян, которые могли себе позволить сытно обедать каждый день, стало неуютно в мире деспотизма и красивой лжи. Им казалось, что почва ускользает у них из-под ног. Они устраивали в своих домах комнату бедняка, спали там на убогой постели, пили холодную воду из глиняного кувшина. Они уговаривали себя, что земные блага ничтожны — может быть, от этого им становилось легче.

Кроме того, они читали Сенеку. Их тоскующие сердца получали какую-то надежду. Пусть мы живем в мире лжи и бесправия, но это все временно — наступит день, когда душа, сбросив телесную оболочку, устремится к всезнающему богу, чтобы насладиться истиной.

На смену веку неверия пришел век религиозных поисков. Литература эпохи империи непрестанно возвращается к рассказам о чудесах и чародеях, о волшебниках, которые могут низвести луну с неба, о статуях, бродящих ночами, чтобы покарать преступников, об огромных богинях, которые странствуют по всей земле

в сопровождеинн собак ростом со слоиа. Люди хотели читать о воскрешенни мертвецов, о злых духах, иасылающнх болезин, о волшебнннцах, превращавших людей в ослов, о муках, ждущих иас в загробиом царстве. Людн жадно нскалн чуда, ибо только чудо, верили оии, может спастн нх от мерзостн действнтельной жизин.

Но к какнм богам могли онн обратиться? К старым греческим н рнмским богам, восседающим иа сиежиой вершнне Олимпа? Но мы уже знаем, что старые боги Рнма н Грецин былн бескоиечио далеки от страдаинй бедияков и рабов, от отчаяиья подданиых всемогущего нмператора. В тот момент, когда трудящиеся массы Рима былн разбнты и должны былн отступить, когда оин искалн спасеиня и чуда, старая релнгня предлагала им деготь вместо меда, пустые обряды, в которые иикто ие вернл, алтарн давно освисгаиных божеств.

Осталась чуждой народу и офнциальная религия нмпернн — культ императора, вознесеииого до бога. Кто мог поклоняться культу нмператора? Солдаты, служнвшие в бесчислениых легионах, чнновиики всевозможиых канцелярнй, прнслуга императорскнх дворцов? Те, кто обогатнлся иа ограблеини казны, кто был возиесеи иежданной милостью государя, кто сделал карьеру благодаря беспардоииой лжи и лестн, кто был осчастлнвлеи моиаршей улыбкой нлн двухмннутиой беседой — молнлись нмператору, словно богу. Но другне, подавляющее большннство, ограбленное н уинженное нмперней, — онн лишь молчаливо отбывалн повиииость, и жертвоприиошенне императору не задевало нх душн.

С установленнем нмперни бедняки н рабы обратили свой взор к старым земледельческим духам, покровителям полей н целнтелям. Эти духи — Добрая богния, Приап, Снльван — ие получили своего места в офнцнальном сонме богов. Аристократы высменвалн нх, нзображалн уродцами — напротнв, бедиоте оин были близкн, подобно тому как нудейским селянам был блнзок бог-агиец нлн полузабытый Инсус, сыи рыбы. Прнап был храинтелем садов и полей. Сильван — богом плодородня, которого изображали в простой крестьянской одежде, с серпом и плодамн в руках. Оии наделялнсь в иародной фаитазин чертами могущественных богов: Сильваиа, например, превратилн в бога земли, иаставинка тружеинков, бога-творца, способиого даровать бессмертне.

9 Заказ 606

Особенно чтили бедняки Геркулеса. Сын могущественного Юпитера, он обречен был выполнять на земле тяжкие работы по прихоти трусливого царя. Он ловил диких зверей, чистил навоз, держал небосвод на своих плечах, а какая-то взбалмошная царица била его туфлей по щекам.

Геркулес, сын бога и великий герой, принял мученическую смерть и был вознесен на небо — разве эта наивная легенда не сулила утешение народу, могучему, как Геркулес, страдавшему, как Геркулес, и мечтавшему о бессмертии?

Но не только в собственных религиозных преданиях греки и римляне искали образы богов-утешителей. Их взоры все чаще обращались на Восток, туда, где давно уже создавались и рушились великие царства, где давно уже вспыхивали классовые битвы, где давно уже зародился образ бога-страдальца, тесно слившийся с другим мифологическим персонажем — с богом зерна.

Осирис, бог, который умирал, чтобы напитать людей, — насколько он был ближе простому труженику, чем Юпитер-Зевс, который только и умел, что воевать и пировать, да ради забавы превращался то в быка, то в лебедя. Народная фантазия искала бога, который мог бы явиться на землю, вынести все земные беды и самой смертью своей обеспечить людям спасение. Отвечая этим чаяниям, римский поэт Вергилий воспевал рождение божественного младенца, который принесет усталому человечеству золотой век. Даже змеи исчезнут, и вековые дубы будут источать сладкий мед!

Такими настроениями жило римское общество, когда до него стали доходить слухи о новой религии, появившейся где-то в Палестине. Ее основателем был, говорили, помазанник и сын божий Иисус, принявший облик человека, целитель, живший среди людей и погибший мученической смертью, — для того, чтобы спасти человечество и открыть ему путь в царство небесное. Учение Иисуса состояло из нескольких простых истин, тем самым отличаясь от сложных мудрствований какого-нибудь Филона или Сенеки. Люди грешны, гово-

рили ученики Иисуса, но бог своей смертью искупил их грехи. Так будем же добры, как бог!

Не к знатным, не к сильным обращались последователи Иисуса, а к малым мира сего, к нищим духом, к рабам, к бедноте. Самый последний человек, уверовав в Иисуса, мог стать первым. Не надо было ни пышных храмов, ни жертвоприношений — простые обряды, совместные трапезы, взаимная поддержка, — вот и все, что требовала новая религия от своих приверженцев. Ты греховен, ты скверен, ты нищ, но как мало надо, чтобы спастись: уверуй, что Иисус был мессией, христом, сыном божьим — и рано или поздно перед тобой отворятся врата царства небесного.

Когда христианство в результате павлинистской реформы понесло свою проповедь к язычникам, оно встретило в Греции и Риме немало людей, искавших именно такого утешения. Печальный опыт разграбленной Иудеи пал на благодатную почву.

Центральное место в Павловых посланиях занимает учение о жертве Иисуса Христа. Авторы посланий рассуждают следующим образом.

Первый человек Адам совершил проступок, он нарушил заповедь божью, он отведал яблоко с запретного дерева в райском саду. Преступление Адама создало грех и страшное возмездие за грех — смерть. «Преступлением одного всем человекам осуждение». Спасения от греха не было, даже над несогрешившими царствовала смерть. Только чудо могло спасти от скверны, овладевшей человечеством от времен Адама, и этим чудом стала смерть сына божьего. Кровью сына божьего были оправданы люди.

Заметьте — сын божий умер не за праведников, а за тех, кто больше всего нуждался в спасении, — за нечестивых, за грешников. Он явился в мир, не знающий истины, и своей кровью спас грешников от гнева божьего.

Логики в рассуждениях авторов Павловых посланий не больше, чем в первобытных легендах о звере-предке, приносящем себя в жертву, чтобы создать мир или дать людям тепло. Ее не больше, чем в предании о боге зерна, умирающем, чтобы телом своим накормить людей. Неужели всемогущий бог не мог найти иной, менее жестокий способ наставить людей на путь истинный, нежели беспощадная расправа с собственным сыном?

Создавая учение о жертве Христа, павлинисты оказались зависимыми от древнейших варварских представлений, только придали им иной — духовный — смысл: Иисус умирал не для того, чтобы накормить и согреть людей, а чтобы спасти их от греха.

Каким же представляли себе авторы Павловых посланий механизм спасения грешного человечества? Или, если вопрос сформулировать иначе, почему смерть Христа должна была спасти людей? Для объяснения этого волновавшего верующих вопроса в посланиях имеется следующее рассуждение: «Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть его крестились». Значит, вступив в ряды христиан, уверовав в смерть сына божьего и крестившись, человек соединяется с Христом таинственной и нерушимой связью. Но «если мы соединены с ним подобием смерти его, то должны быть соединены и подобием воскресения», — иными словами, если человек таинственно связал себя со смертью сына божьего, то он должен воскреснуть, как воскрес Христос. «Бог воскресил господа (то есть Иисуса Христа), воскресит и нас силою своею».

Опять-таки мы тщетно стали бы искать в рассуждениях павлинистов логическую связь. Ход мыслей основан на первобытных, чисто внешних ассоциациях: раз мы связаны с Христом подобием его смерти, то его воскресение из мертвых — залог нашего воскресения. Но почему, почему?

Чтобы эта внешняя ассоциация стала более полной, автор посланий подчеркивает человеческую природу Христа. Христос не только сын божий, существо сверхъестественное, но он еще и человек: его тело — наше тело, его плоть — наша плоть. Именно потому, что «ветхий наш человек распят с ним», именно потому, что «мы умерли со Христом», нас тоже ждет воскресение. «Веруем, что и жить будем с ним».

Так творится в Павловых посланиях образ богочеловека. Иисус Христос — бог, ибо только кровью бога можно было искупить греховность человечества. И вместе с тем он — человек, ибо точное подобие его смерти человеческой кончине служит главным залогом воскрешения умерших. Какой же выход из этого, казалось бы, неразрешимого противоречия? Этот выход — учение о воплощении сына божьего, о принятии им человеческой плоти.

Да, Христос сын божий, но он родился от женщины; он образ бога невидимого — и вместе с тем он стал подобным человеку.

Сейчас легко находить противоречия в наивных утверждениях Павловых посланий. Но было бы неверным забывать, что образ страдающего богочеловека — при всей его алогичности, при всей фантастичности — как нельзя лучше отвечал смутным исканиям угнетенных масс Римской империи: сын божий принял нашу плоть, сын божий пролил свою кровь за нас, он воскрес и воскрешением своим обеспечил нам вечную жизнь в царстве божьем! Что за беда, что царство божье придет не скоро (вы помните, как негодовал Павел на тех, кто надеялся на быстрый приход дня христова?) — оно все-таки придет, надо только терпеливо трудиться и покорно сносить невзгоды.

Образ мессии не создан христианством. О мессии писали эссены, о мессии говорили эбиониты. Для эссеев мессия — учитель справедливости, человек, избранный богом. Для эбионитов Христос, напротив, божественное существо, отличное от человека Иисуса, истинного пророка. В иудеохристианском «Откровении Иоанна» Иисус-Агнец, чьей кровью очищается мир, опять-таки божество. И только в Павловых посланиях отчетливо выражена мысль о двойственной, сложной, богочеловеческой природе распятого в Иерусалиме основателя новой религии.

Затем тезис о богочеловеческой природе Иисуса Христа был подробно развит в евангелиях, в «земных» его биографиях. Фантастическая повесть о чудесном рождении сына божьего от женщины Марии, о его жизни и страданиях, о смерти и воскрешении должна была иллюстрировать главную мысль Павловых посланий.

Примерно в то время, когда Маркион привез в Рим послания Павла, жил христианский писатель Юстин. Сочинения Юстина адресованы римским императорам, правившим в середине и третьей четверти II века. Как и автор Павловых посланий, Юстин ищет примирения с империей. Как и автор Павловых посланий, он адресуется к язычникам. Он готов признать Ветхий завет за священную книгу, но резко осуждает народ, создавший Ветхий завет. По словам Юстина, христиане из язычников и многочисленнее, и ревностнее в делах веры, чем христиане из евреев.

Сочинения Юстина сообщают нам точную дату: к середине II века процесс обособления христианства от иудейства завершился. Хотя христиан из евреев было еще немало, язычники численно преобладали в христианских общинах. Павлинизм торжествовал над иудеохристианством.

РЕЛИГИЯ БЕДНОТЫ

Когда христианство стало распространяться среди язычников, оно на первых порах по-прежнему оставалось религией бедняков. К рабам, к бедноте, к малым мира сего обращались и авторы Павловых посланий, недаром в них еще проскальзывает представление, будто Христос явился на землю в образе раба. Но время павлинизма было временем неисполнившихся надежд, робкого отступления, отчаянья — и христианство этой поры отказывается от прежнего бунтарства.

Проповедь терпения и смирения, которую в середине II века несло христианство, не была лицемерным обращением богачей и рабовладельцев к малым мира сего. Не хитрые жрецы, сговорившись с римскими аристократами, выдумали основные принципы социального учения Павловых посланий. Терпение и смирение стали принципом поведения разбитых в боях рабов, разгромленной и униженной бедноты. Надежда воскреснуть и оказаться у ног бога родилась из бессилия трудящихся масс и сама в свою очередь усугубляла это бессилие. Мечта о воскрешении, словно опиум, навевала золотые сны, отвлекая от попыток исправить пороки земного мира, казавшегося временным, преходящим, каким-то преддверием к вечному блаженству. Сбросить оковы плоти, чистым духом воспарить к небесам — вот что казалось достойным христианина, а не стараться улучшить реальные условия, в которых человек проживал свою жизнь.

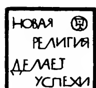
На этом пренебрежении земными интересами и строился моральный кодекс христианина. Можем ли мы быть грешниками, если Христос спас нас от греха? — словно спрашивал автор Павловых посланий. Христианин должен был быть кротким, человеколюбивым, правдивым, незлобивым — и это в обществе, провозгласившем, что человек человеку волк, среди людей, восхищав-

шихся гладиаторскими боями и избивавших своих рабов за насупленный взгляд!

И надо сказать, что христиане II века стремились осуществлять на практике многие из провозглашенных ими добродетелей. Они распахивали двери перед людьми всех народностей — и это было прогрессивной тенденцией в те времена, когда только римские граждане считались настоящими людьми, а все остальные жалкими недочеловеками. Христиане допускали к своему богу рабов — самое презираемое и самое несчастное сословие римского общества. Христианская взаимопомощь вызывала восхищение даже у насмешника Лукиана: они поддерживали бедных, ухаживали за больными, воспитывали сирот. Они были сплоченными и умели постоять друг за друга, если кто-нибудь попадал в беду.

Современником Лукиана был врач и философ Клавдий Гален. Он родился в Пергаме, учился в Коринфе, путешествовал по Палестине, жил в Александрии и Риме. Его пациентами были пергамские гладиаторы и владыка империи Марк Аврелий. Гален много видел, много читал, написал до трехсот сочинений, часть из которых погибла во время пожара незадолго до его смерти. Многие его книги сохранились — одни в греческом оригинале, другие — в средневековых арабских переводах.

Галену приходилось не раз встречаться с христианами. И хотя их учение казалось знаменитому врачу примитивным, ибо излагалось не в солидных трактатах, а в простых притчах, тем не менее он высоко оценил моральный уровень приверженцев Христа — их презрение к смерти, их целомудрие. «Среди них есть и такие, — писал Гален, — которые в управлении и упражнении своей души и в суровом навыке к добродетелям настолько преуспели, что не уступают истинно философствующим».



Христианская сплоченность и христианская взаимопомощь оказывали влияние на тружеников и угнетенных не в меньшей степени, чем учение о распятом богочеловеке. Рабы и бедняки тянулись к христианским общинам, их соблазняли совместные трапезы, быть может, еще больше, нежели царство небесное.

Распростраиению христиаиства способствовало также немало дополиительных обстоятельств.

Первые века и. э. были времеием, когда, казалось бы, рухнула старая племеиная ограиичеиность, и люди стали ощущать себя не граждаиами того или иного города, ие членами того или иного племеии, а поддаиными огромной империи. Хорошие дороги связали Рим с крепостями на Рейие, с торговыми факториями на Евфрате. Солдат, родившийся в Иллирике, служил в Крыму и в Британии, а по окончании службы получал в награду поле и виноградник в Севериой Сирии. Один и тот же купец проиикал в Африку и в придуиайские провинции, один и тот же оратор выступал в Лугдуне и в Никомидии. Повсюду богачи строили одиотипиые виллы, жеищины подражали одиим и тем же модам, судьи руководствовались одними закоиами.

Едииой империи христианство могло предложить ие только едииого бога, но и представление о едиистве рода человеческого. Перед лицом Христа не было ии скифа, ни эллина, ни иудея — но только грешиые люди, иуждающиеся в спасении. Критики христиаиства упрекали почитателей Иисуса в преиебрежении отечествеиными традициями, в космополитизме, но космополитизм был духом времеии, он отвечал политике империи, планомерно уничтожавшей местиое своеобразие вместе с местиой самостоятельиостью.

Высокий техиический подъем, совершенствование градостроительства и инженериого искусства вообще, быстрое развитие военной техиики сочеталось с угасаиием интереса к большим проблемам мироздаиия. Христиаиство, устаиовившее иа все случаи жизни иесложиую сумму прописных истин, отвечало практицизму первых веков империи, заменяя философское осмысление действительности несколькими зараиее даиными ответами.

Христианство отвергало общественный культ и через иего — общественную жизнь. То, что в империи называлось общественной жизнью, все больше превращалось в совокупиость обремеиительиых обязаииостей, не суливших иикаких прав. Граждане должны были раскошеливаться на устройство праздиеств, иа возведение бань, на сооружеиие императорских статуй. Жители города уже ие ощущали себя сограждаиами, их общность стала кажущейся. Христианский индивидуализм падал на благоприятную почву.

Христианство нападало на смешные черты старых религий, на почитание богов в чешуе и перьях, идолов из дерева и камня. Старые религии не раз были осмеяны древними писателями, над ними потешался Лукиан. Критиковать их было нетрудно, но важно то, что критика христиан отвечала широко распространенным представлениям, хотя и не всегда точно осознанным.

Ряды христиан расширялись. Как часто принятие новой религии приводило к расколу в семье! Муж и жена становились чужими людьми, отец стыдился дочери, признавшей себя почитательницей Христа, невеста отрекалась от жениха во имя распятого бога.

Не только бедняки шли к проповедникам новой религии. Всякий ощущавший себя неуютно в этом мире, мог откликнуться на призыв христиан. Разве купец, землевладелец, оратор могли чувствовать себя уверенными под игом императорского деспотизма, рядившегося в маску человеколюбия и справедливости?

В середине II века богатый купец Маркион преподнес ценнейший дар римской общине. Он был одним из влиятельнейших проповедников христианства, хотя позднее его обвиняли в ереси. В конце этого века, если верить Евсевию, в Риме «многие знаменитые по богатству и происхождению граждане целыми семействами и со всем родством обращались к спасению». К христианам примкнули некоторые члены знатных родов Анниев и Помпониев, христианином был сенатор Аполлоний, христианкой стала Марция Аврелия, богатая и знатная дама, пользовавшаяся огромным влиянием при дворе. Разумеется, это были не единственные из богачей, примкнувшие к религии бедняков.

Немало честолюбивых людей устремлялось в ряды христиан. Времена были трудные, для общественной жизни возможности иссякли совсем. Стать должностным лицом — это означало заискивать перед вышестоящими, льстить согражданам, произносить речи в честь императора, полные вычурных эпитетов и невероятной лжи. В христианской общине талантливый проповедник быстро мог приобрести авторитет. Сотни людей собн-

рались, чтобы его послушать. В его словах слышался им голос божий. Слава его растекалась по городам, о нем начинали говорить в Антиохии и Александрии, в Карфагене и Риме.

А чем больше богатых и способных людей вступало в христианские общины, тем сильнее они становились и вместе с тем все больше стирался прежний бунтарский дух.

Но как и в I столетии, христианство II века еще не было единым движением — оно распадалось на бесчисленное количество групп и группок, часто враждовавших между собой, часто поносивших друг друга. В Павловых посланиях вы непрестанно встречаете язвительные клички, позорящие ярлыки: то идет речь о лукавых лжеапостолах, принимающих вид апостолов христовых, то о лжебратьях, то о людях, искажающих слово божье. Автор второго послания коринфянам беспокоится, как бы не стали пользоваться успехом проповедующие «другого Иисуса» или «иного духа»...

БЕСЧИСЛЕННЫЕ СЕКТЫ

В конце II века христианский богослов Ириней написал книгу «Против ересей». По мнению Иринея, первоначальное, чистое христианство, завещанное самим Иисусом, было искажено зловредными еретиками, отклонившимися от единственно возможной истины. Конечно, концепция Иринея ошибочна — никакого оформленного первоначального христианства не было, не было канона, от которого можно было бы отклониться. С самого начала существовали более или менее родственные группировки, число которых по мере успехов христианства становилось все больше. Каждая из них объявляла свое учение истинным.

Ириней перечисляет многочисленные «ереси», которые в действительности были лишь ответвлениями в христианском движении II века. Среди них и знакомое уже нам иудеохристианство, конечно, гораздо более близкое к колыбели христианства, нежели павлинизм. Но с того момента, как христианство было проповедано язычникам, дни иудеохристианства оказались сочтены. Число избранных из евреев становилось все меньше, а

провозглашение евреев сынами диавола в конце концов привело к полному разрыву христианства с породившим его иудейством.

Дольше сохранили свое влияние две другие ереси, описанные Иринеем,— монтанизм и гностицизм.

Монтанисты, последователи некоего Монтана, были наиболее радикальной группировкой в христианстве II века. В противовес павлинистам они учили, что второе пришествие Христа близко, и даже указывали место, где он явится, — это был город Пепуза, в Малой Азии, который они называли новым Иерусалимом. Люди должны приготовиться к приходу мессии — отказаться от имущества, от семьи, поститься, умерщвлять плоть, а лучше всего, покинув дома свои, собраться в Пепузе, где вот-вот грядет Христос.

Монтанизм был популярен среди народных масс империи, ибо в нем сохранялась та ожесточенная, бунтарская ненависть к мирским благам, от которой отказались уже и иудеохристиане, и павлинисты. Позднее монтанизму сочувствовали такие фанатики, как Тертуллиан, напуганные ростом церковных богатств и мечтавшие о первоначальной простоте христианства. И все же монтанизм был недолговечен: нельзя было долго поддерживать народный энтузиазм предвещанием скорого пришествия мессии — проходили годы, а мессия все не являлся. Нельзя было построить массовую религию, основываясь на отказе от имущества, от семьи, на постоянном умерщвлении плоти — одно поколение, охваченное религиозным экстазом, способно выдержать подобное испытание, но люди не в силах поститься и воздерживаться от земных радостей из поколения в поколение во имя прекрасного будущего, которое все не наступает.

Монтанизм был проявлением народной мечты о скором ниспровержении мира зла, но он был слишком радикален, чтобы надолго овладеть массами. У монтанизма не могло быть больших перспектив.

Другая ересь II века, гностицизм, нашла распространение преимущественно в Египте. Гностики еще резче, чем павлинисты, порывали с иудейским прошлым христианства и даже готовы были отвергнуть Ветхий завет, объявляя иудейского бога Яхве злым началом, создателем материального мира.

Как и монтанисты, гностики видели в материи тем-

ную, греховную силу, коренным образом отличную от бога. Но если монтанисты призывали к реальному отказу от имущества, от семьи, от земных радостей, то гностики видели высшее счастье в духовном познании бога (недаром самое их название происходит от греческого слова «гносис», познание). Устремляться умом к богу, воображать в своей фантазии те абстрактные «силы» или «века» (эоны), которые стоят между высшим существом и материей, придумывать для них причудливые имена — эти любезные для гностиков занятия еще меньше говорили сердцам народных масс, нежели рассуждения Сенеки.

Иные из гностиков утверждали, что среди людей не всем доступно познание, «гносис», что часть их обречена остаться «плотскими», не способными устремиться чистым разумом к божеству. В конце мира плотским людям не придется рассчитывать на спасение — только «духовные» люди, осмыслившие сложную связь бога, эонов и материи, будут призваны к вечному блаженству.

Павлинистское учение о богочеловеке осталось чуждым гностикам. Они определяли Христа как одну из высших сил, как эон, порожденный богом, — следовательно как сверхъестественное существо. Они называли его Логосом, то есть словом или разумом, божьим. От Логоса гностики отличали Иисуса, сына Иосифа и Марии, праведного и мудрого человека. Христос лишь на время сошел на Иисуса, чтобы проповедать новую веру, но оставил его накануне смерти. Духовное существо, эон Христос, не мог ни страдать, ни умереть.

Состав гностиков был очень сложен. Внутри гностицизма действовали самые разнообразные группы. Некоторые из них сохранили демократические тенденции раннего христианства, свойственные, например, уже известному нам гностическому евангелию от Фомы из Хенобоскиона. Но в целом учение гностиков не могло стать и не стало религией масс — оно было слишком утонченным, слишком абстрактным учением, не вызывавшим живых эмоций, сильных переживаний и страстей. Оно отворачивалось от плотских людей, от малых мира сего, от нищих духом. Оно обращалось к уму, а не к слепому чувству. Простые правила морали, выработанные павлинистами, не волновали гностиков — иные из них даже не возражали против разврата и обжорства, по-

скольку о матери вовсе не следует заботиться. Причудливый образ страдающего богочеловека, отвергнутый гностицизмом, был нелогичен, но трогателен — и он устоял против критики гностиков.

В середине II века перед христианством встала серьезнейшая проблема. Что ожидало новую религию? Растечется ли она множеством независимых ручейков, или они сольются воедино, образовав полноводный поток?

Встал вопрос о консолидации сил.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ХРИСТИАН

Как происходила эта консолидация, мы не знаем. Не знаем мы и тех безымянных деятелей, которые создали тактические принципы нового движения, подобно тому как авторы Павловых посланий заложили ее идейные основы. Но перед нами плоды консолидации, новозаветный канон.

В предыдущих главах мы не раз говорили о новозаветных противоречиях — теперь их происхождение выясняется. Новый завет явился компромиссом между различными группировками христианства II века. В него были включены программные произведения разных направлений. Кое-где в них были сделаны вставки в угоду противоположным течениям, кое-где были исключены особенно резкие формулировки.

Получилась книга, не очень цельная, но зато дававшая разным социальным и идейным кругам материал для обоснования своей правды или, вернее сказать, разных правд.

Впрочем, спор о составе новозаветного канона продолжался довольно долго, и сомнения в необходимости включать в канон то или иное сочинение высказывались, как мы помним, вплоть до IV века.

Тем общим тезисом, который не вызывал возражений, той платформой, вокруг которой объединились различные группировки христиан, явилось признание Иисуса Христом. Все иные лица, претендующие на роль мессии, объявлялись лжехристами и лжепророками. Ни в коем случае не следовало принимать за христов апостолов Иисуса.

Новый завет неоднократно подчеркивает, что ученики не могут претендовать на божественность. Петр не заслуживает божественного поклонения, ибо он лишь человек. Заблуждались жители малоазийского города Листры, ставшие воздавать божественные почести Варнаве и Павлу, тогда как они всего лишь «подобные вам человеки».

В первом послании коринфянам та же мысль проводится подробнее и четче. Среди христиан, говорится в этом послании, начались споры. Одни говорят о себе: «Я Павлов», другие: «Я Аполлосов», третьи: «Я Кифин», четвертые: «Я Христов». Значит, не просто разные группы выделились внутри христианства, но каждая из групп почитала своего пророка, подобно тому как монтанисты почитали Монтана.

Автор послания возмущается, восклицая: «Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?» И далее он продолжает: «Кто Павел? Кто Аполлос? Они только служители, чрез которых вы уверовали... Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил бог». Между всеми новоявленными учителями и подлинным мессией — непроходимая грань, «ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос».

Не только в абстрактных формулировках, но и в зримых образах составители Нового завета стремились донести до читателей ту мысль, что апостолы — лишь слабые люди, несравнимые с Иисусом. Они выступают там либо как бледные тени, наделенные только именем, либо же как лица весьма сомнительных достоинств.

Не станем говорить о том из апостолов, который продал своего учителя за тридцать сребреников, — об Иуде Искариотском (внутреннее неправдоподобие эпизода с предательством Иуды мы старались вскрыть в одной из предыдущих глав). Но даже Петр, ближайший из учеников, представлен в весьма незавидной роли. Это Петру говорит Иисус: «Отойди от меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что божие, но что человеческое». Это Петр, охваченный паническим страхом, трижды отрекается от Христа.

На Павла, самого влиятельного соперника Петра, тоже брошена тень: его образ слит с образом Савла, рьяного гонителя христиан.

И даже ко всей совокупности учеников обращается Иисус с пренебрежительными словами: «Что вы так боязливы? Как у вас нет веры?»

Во имя единства всего движения группы, почитавшие своих учителей и пророков, те, кто называл себя Кифиными или Аполлосовыми, приняли веру в единственного мессию, в богочеловека Иисуса Христа.

Христиане не сразу стали называть себя этим именем. Вы помните, что оно почти не встречается в Новом завете. Первоначально оно было бранной кличкой, которую дали поклонникам Христа их противники, — сами же христиане называли себя иначе: ученики, верные, святые, братья, избранные, друзья.

Если поверить «Деяниям апостольским», приверженцы новой религии впервые назвали себя христианами в Антиохии, где проповедовали Павел и Варнава. Впрочем, и авторы Павловых посланий избегают пользоваться этим термином. Только после компромисса, после консолидации ранней церкви термин «христиане» становится официальным самоназванием. Только теперь церковь приобретает свое имя — после долгого пути развития. Автор посланий Игнатия Антиохийского (II век) уже хорошо знаком с новым термином — он образует от него и прилагательное «христианский», и абстрактное понятие «христианство».

По существу лишь с этого момента можно говорить о существовании правоверного (ортодоксального) христианства и ересей, то есть отделившихся сект, не признавших компромиссного учения, закрепленного в Новом завете. Последние иудеохристиане, монтанисты, всевозможные разновидности гностиков из самостоятельных групп внутри рыхлого, не оформленного движения превращены были в секты еретиков.

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ ЕПИСКОПЫ

Консолидация христианства сопровождалась возникновением четкой организации. Первоначальное христианство не было организационно оформлено. Все христиане того или иного города объединялись в общину, которая брала на себя устройство трапез братской любви, взаимопомощь, поддержку неимущих. Ру-

ководители общины — учителя, пророки или апостолы — не были ни назначены, ни выбраны. Это были люди, объявлявшие, что на них снизошел святой дух и что их слова суть слова божьи. Они, как тогда говорили, пророчествовали в духе.

Никакой властью в общине они не обладали — все их положение опиралось на личный авторитет. Стоило такому пророку или апостолу нарушить общепринятые моральные нормы или потребовать слишком высокое содержание, как община объявляла его лжепророком и с позором изгоняла из своих рядов.

Но когда общины перестали быть союзами рабов и бедноты, когда в них стали проникать имущие, когда общины стали располагать значительными средствами, прежняя демократическая организация уступила место более сложной структуре. В общинах выделился причт (по-гречески «клир» [1]) — специальный разряд людей, занимавшихся богослужением и управлявших общинным имуществом. Первоначально христианские общины избирали старейшин (по-гречески «пресвитеров»), затем из числа пресвитеров начали выбирать надзирателя (по-гречески «епископа») — пожизненного главу общины.

Упрочение епископской власти совершалось в упорной борьбе. Особенно враждебно относились к епископату монтанисты. Они считали, что епископам не должна принадлежать руководящая роль, что общины по-прежнему должны следовать за пророками и пророчицами, говорящими в духе.

Напротив, в защиту епископата было написано немало страстных сочинений, авторы которых выдвигали тезис: «Не всякому духу верьте». Свобода пророчества открывала путь для произвольных высказываний, для выражения недовольства, для еретических суждений. Коль скоро христианство превращалось в солидную организацию, со свободой пророчества нужно было покончить.

Активным сторонником епископата был только что упомянутый автор посланий Игнатия Антиохийского. В них постоянно подчеркивается значение епископа: ничего не следует делать без епископа; епископа нужно

[1] Буквальное значение греческого слова «клир» — жребий. Такое название причта, видимо, связано с первоначальным избранием духовенства по жребию.

почитать, как Иисуса Христа; молитва епископа имеет особую силу. И все же автор посланий еще не решается порвать со старым, привычным, традиционным представлением о духе божьем, исходящем на человека и пророчествующем его устами. В посланиях Игнатия Антиохийского то и дело идет речь о пророчествах и видениях. «Дух возвестил мне: без епископа ничего не делайте», — так аргументированы его мысли, обращенные по существу своему против старых форм организации.

Среди Павловых посланий выделяется группа наиболее поздних, так называемых пастырских посланий. В ранних посланиях Павла нет упоминания о клире — напротив, в пастырских посланиях постоянно идет речь об обязанностях епископов и других должностных лиц. Епископ, заявляет автор первого послания Тимофею, должен быть непорочным, трезвым, миролюбивым; он должен почитать странников, избегать корыстолюбия и пьянства. Впрочем, даже епископу не следует пить одну воду — немного вина принесет пользу его желудку и исцелит от различных недугов.

Кроме епископа, пастырские послания упоминают пресвитеров и диаконов, находившихся у епископа в подчинении. В посланиях, в частности, устанавливается, что епископ должен разбирать обвинения, выдвинутые против пресвитера.

Впоследствии, в пору Оригена и Евсевия, о временах первоначального христианства стали говорить как о веке духа, как о веке чудес и пророчеств, как о своего рода героическом веке церковной истории. Преклонение перед прошлым, однако ж, не помешало уничтожить старую, «харисматическую» организацию общин и заменить ее дисциплинированной иерархией должностей, возглавляемой епископом.

Пророческий дар уже в конце II века был скомпрометирован, пророчество в духе уступило место толкованию священных книг, попытки пророчествовать объявлялись еретическими. Ориген еще застал бродячих проповедников, которых называли апостолами. Позднее это почетное имя сохранилось лишь за двенадцатью учениками Христа, причем освободившееся место предателя Иуды Искариотского занял Павел, раскаявшийся гонитель христиан. Создалось предание, что уже первые апостолы распространили христианство по всему

свету и, следовательно, миссионерская деятельность позднейших проповедников не вносила ничего принципиально нового.

Учителя сохранялись еще в III веке бок о бок с пресвитерами, хотя и уступали им в авторитетности. Лишь кое-где, в наиболее удаленных, в горных и отсталых областях, учителя удержали право проповедовать в церкви. В дальнейшем и эти последние потомки харисматиков утеряли самостоятельность: им было дано твердое место в церковной иерархии, причем в самом низу этой иерархии — место чтеца.

Консолидация христиан, создание новозаветного канона и оформление клира и епископата знаменовало превращение христианства в сплоченную организацию, в церковь, ставшую значительной силой. Конечно, не следует преувеличивать размах христианского движения во II столетии. Христианские общины были еще немногочисленными, и встречались они далеко не повсюду, главным образом в восточной половине империи. Даже в середине II века в Риме насчитывалось всего около 40 тысяч последователей новой религии, а в Александрии и Карфагене их было раз в шесть меньше. На сельские области христианство в ту пору еще не оказывало почти никакого влияния.

И все-таки к концу II века оно стало значительной силой, не замечать которую уже не могла империя.

ЦЕРКОВЬ ⊛ ПРОТИВ ИМПЕРИИ

С конца II века начинается новый этап в истории христианства. Утешение трудящихся, составлявшее основное содержание павлинизма, вытесняется новой задачей, подобно тому, как оно само вытеснило бунтарство иудейской секты. Утешение трудящихся остается в церкви лишь как могущественное средство привлечения симпатий масс, как агитационная формула. Теперь в церкви главенствуют зажиточные круги. Если еще совсем недавно на агапах голодные бедняки с трудом могли дождаться начала трапезы, то теперь Тертуллиан с горечью наблюдал за христианками, чьи изысканнейшие туалеты демонстрировали последние достижения римской моды. Его современника Климента

Александрийского занимала проблема, кто нз богачей удостоится спасеиия — и ои широко распахнвал двери в царство божье перед темн, кого называл добродетельными богачами.

Церковь стала богатой. Еще недавно отвергавшее помпезность языческого культа и иасмехавшееся иад кинжннкамн, хрнстнаиство III века открывает собственные храмы и собствеииые богословские школы. Хрнстианские общины располагают большнм имуществом, домами, землей. Их руководители торгуют на ярмарках, заключают выгодные сделкн, умножают церковные богатства.

Церковь ощущает свою силу. Не нищий апостол, вымаливающий подаяиие, — теперь образец церковного деятеля карфагенский епнскоп Кнприан, распоряжающийся большими средствами, созывающнй миоголюдные съезды, тесио связаииый с рнмской общиной и с христиаиами других городов.

Старая демократическая оргаиизация в этих условиях оказывается иеуместной. Вымирает обычай совместных трапез, уступая место надмеиной благотворительностн, выбрасываиию подачек иищим единоверцам. Пройдет еще немиого времеин, и церковь официально запретит устраивать «так называемые агапы». В III веке исчезает и демократнческий обычай имеиовать едииоверцев друзьямн н братьями.

Церковь перестает быть общиной иемиогих избраиных, какой рисовал ее Тертуллнаи. Церковные деятели заботятся прежде всего о расширенни богатств и влияния своей общины, об увеличеиии числа верующих. Церковь становнтся снисходнтельнее к прегрешенням, редко изгоияет преступииков из своей среды, почтн ие зиает грехов, которые ие заслуживалн бы прощеиня.

Церковь накаплнвала снлы, упрочивала свою оргаиизацию. Киприан готовнтся к войне, ои имеиует едииоверцев вонниством Христовым, а самого Христа представляет императором. Церковь превращается в учреждеиие, готовое завоевать мир, — но одно остается неясным, во имя чего оиа будет завоевывать мир, если христнаиство давио уже отказалось от плаиов установить царство божье иа земле.

Победа, о которой мечтает Кнприан, — это не победа во нмя блага человечества, а победа во нмя всемогущества церкви. Цель становнтся пустой, лишеной

социального содержания. Церковь не требовала ни освобождения рабов, ни передела земель, ни отмены долгов. Церковь призывала подчиняться властям, объявляла их божественными. Воинственный дух Киприана устремлялся к бессодержательной задаче — к расширению церковной власти во имя расширения церковной власти.

Церковь III века по-прежнему противопоставляла себя империи. Один из красноречивейших христианских проповедников тех лет Ипполит, сенатор, ставший епископом, уверял, что весь мир разделен на христиан и римлян, на народ господен и на враждебное ему «царство этого мира». Когда в правление Августа, рассуждает Ипполит, родился Иисус Христос и тем было положено начало христианству, император повелел произвести перепись, «чтобы люди этого мира, приписанные к земному царю, назывались римлянами, а верующие в царя небесного — христианами, носящими на челе знамя победы над смертью».

Фантастические утверждения, пренебрегающие элементарными историческими фактами! По Ипполиту выходит, будто Римская империя охватывала всю вселенную и создана была после возникновения христианства и в противовес христианству. Но дело не в нарушении исторической правды Ипполитом — дело в том, что христиане III века продолжали противопоставлять себя империи, несмотря на то, что социальных противоречий между государством и церковью уже не было.

Христиане продолжали противопоставлять себя империи и метать против нее громы и молнии, хотя в социальном отношении церковь ничем не отличалась от государства, хотя в самой церкви все отчетливее звучали голоса, призывавшие к примирению с Римом, к терпимости, к снисходительности.

Со своей стороны империя не имела ничего против существования христианской церкви, переставшей быть организацией бедняков. Для государства было важно лишь одно — чтобы церковь заняла свое место в государственной системе, чтобы христиане согласились приносить жертвы в честь императора, чтобы они не отворачивались от общественной жизни. Именно к этому призывал христиан еще Цельс.

Но церковь, чья социальная программа не могла вызвать никаких возражений властей предержащих, ре-

шительно отвергала возможность жертвоприношения на алтарях императоров. Кусочек жертвенного мяса, возлияние, дымок курящихся благовоний, — казалось бы, какая малость, — но пойти на эту малость означало бы быть низведенной на уровень одной из бесчисленных религий, пресмыкающихся у ног императора.

Отвергая культ императора, церковь отстаивала свою независимость.

Так создалось странное противоречие. Пока христианство было религией бедняков, империя презирала его и пренебрегала им.

Могущественную и независимую церковь уже нельзя было не замечать.

Начались гонения. Сперва спорадические, по инициативе местных властей, прерываемые длительными периодами относительного спокойствия. Затем планомерные, организованные государством, сопровождавшиеся ссылками, казнями, конфискациями имущества. Но церковь не сдавалась.

И тут произошел поворот.

ИМПЕРИЯ ПРИЗНАЕТ ЦЕРКОВЬ

Савл, гонитель христиан, стал апостолом и заслужил величайшее почтение церкви. Истинный Савл — император Галерий — оказался куда менее удачливым. Хотя он даровал христианам равноправие, к апостолам был приравнен его соперник Константин. Но для христианства, собственно говоря, было неважно, кто — Галерий или Константин — первым приказал прекратить гонения. Важно было то, что империя признала церковь.

Империя могла признать церковь потому, что церковь давно уже отказалась, как от детской обуви, от бунтарства раннего христианства. Империя должна была признать церковь потому, что церковь стала могущественнейшей организацией внутри империи. Созданные в долгой борьбе идейные, тактические и организационные основы христианской церкви привлекали к новой религии людей самых разных слоев.

Империя признала христианство в критический момент своей истории. В III столетии обнаружились во

всем своем безобразии язвы рабовладельческого общества. Казалось, что рабовладельческое государство стоит на краю гибели. Империя, как никогда, нуждалась в единстве материальных и духовных сил. Распря государственной власти с богатой церковью была опасной для господствующего класса. Если христианство нельзя было уничтожить, приходилось вступать с ним в союз.

При этом обнаружилось, что новая религия прекрасно может обслужить потребности империи — гораздо лучше, чем любая из старых религий.

В условиях нарастающего деспотизма туманные утешения, обещания царства божьего, сочувствие к малым мира сего находили отклик в человеческих сердцах.

В пору революционного подъема людей влечет буря, в пору реакции — проповедь смирения и терпения.

Безжалостно отсекая еретиков, опасных для самого существования церкви, христианство допускало противоречия в своем учении, удовлетворяя тем самым людей разных вкусов. Раб находил в христианском учении признание своего равенства (конечно, духовного) со свободными людьми, рабовладелец вполне довольствовался тем, что христиане призывали рабов повиноваться господам. Бедняк радовался угрозам, расточаемым в адрес богачей, — богач же утешался обещанием царства небесного, которое легко заслужить щедрой милостыней. Энергичного человека соблазняло заявление Христа о мече, который он принес, робкий же радовался словам о блаженстве миротворцев.

Здесь был товар на все вкусы! Нужно было только верить, что Иисус был Христос, а в III веке других христов уже успели забыть.

Христианская церковь облачала свое учение в доходчивую форму тривиальных истин. Они были совсем не оригинальны, но зато просты. Что можно возразить против слов Христа: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся!» Подкупающая своей простотой истина, давным давно уже известная и давным давно не соблюдаемая. Но разве ее стали соблюдать после распространения христианства? Разве после распространения христианства люди возлюбили врагов своих, как учил Христос, и стали подставлять левую щеку тому, кто ударял по правой?

Простые истины, но невыполнимые в своей абстрактности.

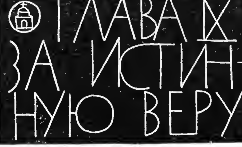
Спартак не призывал римлян возлюбить рабов. Его требования были конкретны. В них можно было вложить только один смысл — уничтожение рабства. Христианские поучения были совершенно абстрактны, и в них можно было вложить любой смысл, но выполнить их было нельзя. Люди не могли стать добродетельными, милостивыми и трезвыми — во всяком случае в условиях рабовладельческого мира.

Христианство обращалось не к умам, а к чувствам верующих. Оно предлагало им образы — и главным среди них был образ сына божьего и вместе с тем сына человеческого, богочеловека Иисуса Христа, пострадавшего за людей.

Христианская система взаимопомощи, раздача подаяния, прием странников — все эти формы филантропической организации имели колоссальное агитационное значение. Угнетенным, нищим, обиженным церковь казалась осуществленным царством божьим, здесь их объявляли равными первенствующим, здесь им давали хлеб.

Церковь пошла навстречу империи, торжествуя. Казалось, что империя капитулирует. Христианские символы стали символами империи. Император перед смертью принял христианство. Его детей воспитывали христианские учителя.

Но не рано ли трубили фанфары, не рано ли развевались знамена? Не обернется ли победа поражением?



ГЛАВА IX

ЗА ИСТИННУЮ ВЕРУ!

ИМПЕРАТОР В ЯЗЫЧЕСКОМ ХРАМЕ

В 337 году император Констаитни умер. Ои умер хрнстнаинином. Его преемиком был его сын Констанций, ревиостый привержеиец иовой религии. Еще иедавио христиаиство было гоннмо, еще оставались в живых те, кто при Диоклетиаие подвергся аресту, пыткам, коифискацин нмущества, а победители уже требовалн суровой расправы с язычеством, с «ндолопоклонством». Христнаиский оратор Матери прнзывал императора «искоренить зло», уиичтожить языческие храмы, переплавить статуи иа моиету. И Констаицнй, следуя призывам фаиатнков, издавал законы, запрещая под угрозой смертиой казии служеиие идолам.

Но язычество еще не сложило оружия, оио боролось...

...Это было летом 362 года. Новый император, двоюродиый брат Коистанция Юлиаи, прибыл в богатейшнй из снрийских городов — Аитиохию. В получасе ходьбы от города лежало предместье Дафна, где под сеиью кипарисов всегда царнл полумрак н прохлада, где круглый год благоухалн цветы, где журчалн ключн н ветер леннво шевелил ветвями деревьев. Когда-то в Дафие был воздвигнут храм Аполлоиа, славившийся дивиой статуей бога, державшего в руках лиру и золотой бокал. Рядом с храмом струился Кастальскнй источник, обладавшнй, как говорили, пророческой силой: тот, кто опустит в прозрачиые кастальские воды ветку священиого лавра, сможет прочесть по трепещущим листьям свою судьбу.

Каждый год собирались к Дафиийскому храму толпы людей на веселый праздник Аполлона, плясали и пели.

Император Юлиан отправнлся в Дафиу. Он застал храм заколочениым. Кастальский ключ был завалеи камиями н засыпан землей. Неподалеку от святнлища Аполлона высилась церковка в честь безвестиого Вавилы; рассказывали, будто он погнб во время гонений иа христиаи.

На славный праздник иикто не явнлся, если ие счнтать старого жреца, который пртащил из дому гуся, чтобы принести его в жертву богу. Ннкто ие помогал старику, и даже его сын постарался скрыться в самом иачале жертвоприиошеиия.

Как же отнесся к запустению храма император Юлиан? В письме к городскому совету Антиохии он писал: «Постыдно, что ваш столь многолюдный и богатый город гораздо менее заботится о своих богах, нежели какая-нибудь незначительная деревня в отдаленных странах Причерноморья. Владея значительно более богатыми общественными имуществами, вы не приносите в жертву отечественному богу ни одной птицы на празднике». И Юлиан распорядился восстановить храм Аполлона, украсить его колоннадой и расчистить засыпанный камнями Кастальский ключ. Снова многотысячные толпы потекли к храмам, стали мычать быки, влекомые на алтари, потянулся дымок благовонных курений.

Все это происходило полстолетия спустя после эдикта Галерия и всего через год после смерти ревностного гонителя язычников Констанция. Кто же такой Юлиан, позаботившийся о культе Аполлона и других отеческих богов?

Когда в 337 году Констанций унаследовал престол своего отца, Юлиан был шестилетним мальчуганом, и это спасло ему жизнь. Надменный и подозрительный Констанций поторопился расправиться с теми из родственников, кого он мог разыскать. Солдаты зарезали двух братьев покойного Константина, в том числе Юлианова отца, и семь его племянников. Такой была кровавая заря правления первого в истории государя, вступавшего на трон христианином.

Констанций не имел детей, и положение маленького Юлиана оказалось двойственным: он был лицом подозреваемым, ибо на троне сидел убийца его отца, и вместе с тем он был ближайшим наследником престола. Едва Юлиан достиг двенадцати лет, как его сослали в глухую Каппадокию, в поместье Макеллы, где он жил, отрезанный от всего мира, под строжайшим надзором невежественных шпионов. Религия Констанция стала религией Юлиана: он изучал Ветхий и Новый завет и даже был причислен к чтецам — во время богослужения он читал вслух священные книги.

Юлиан провел трудное детство. И повзрослев, он не искал развлечений, не стремился в Константинополь, где царил его двоюродный брат. Ему хотелось учиться: с огромным трудом удается ему убедить Констанция отпустить его в Никомидию, затем в Афины — в города, где еще можно было слышать языческих учителей, вы-

дающихся ораторов н фнлософов, зиатоков Гомера и Платона.

В Афннах вместе с Юлнаном проходнл курс иаук Григорнй Назнаизский, ставший поздиее однм нз самых авторнтетиых хрнстиаиских богословов. Григорнй оставнл опнсанне внешностн Юлнана — опнсанне прнстрастное, пропнтанное желчью н ненавнстью, и все-такн передающее какне-то жнвые черточки последнего язычинка иа императорском престоле. Юлнан был иекрасив, и все в его наружиости выдавало природиую иервозность, усугублеииую постоянной опасностью, постояииой иеобходимостью остерегаться, скрывать свои мыслн, таиться н выдавать себя за другого. Подвнжиые плечн, беспокойно движущаяся голова, бегающне глаза, в которых проскальзывала то наглость, то свирепость, дерзкий иос — все это дополиялось иеумереиио громким смехом, беспорядочной, прерывнстой речью.

Уже в ту пору Юлнаи, оставаясь по виешности хрнстнаннном, втайне вериулся к язычеству. Он сблизился с опальным оратором Лнваинем, с поклонииками Платоиа, с жрецамн богиин Деметры. Ои настойчнво нзображал себя безобндиым кннжнком, кабинетным учеиым, любителем древнних рукопнсей, а сам искал популяриостн у языческой оппозицни.

ЦЕРКОВЬ ЗАЩИЩАЕТ ИМПЕРИЮ

После эдикта Галерня времеиа переменнлнсь. Бюрократнческая верхушка нмперни прнзнала хрнстнаиство: высшне чниовннки, военачальннкн, придворные прнияли крещеине. Церковь защнщала их интересы. Она защищала нх ннтересы в самой важной общественной проблеме тех лет — в вопросе о рабстве. Высшие церковные деятели, собравшнсь иа собор в Ганграх, иаложилн проклятие иа тех, кто, прикрываясь релнгией, учит раба презирать своего господнна нлн призывает раба избавнться от рабства. Церковь, такнм образом, открыто выступнла протнв освобождення рабов.

Языческне храмы Рнмской импернн обладали правом убежнща: свободные нскали там спасеиия от преследователей, рабы — от жестокостн господниа. Беззаконнем, осквернеиием храма считалась попытка оторвать

от алтаря молящего о защите. Константин даровал право убежища христианским церквам, но рабы уже не могли им пользоваться: в течение суток пресвитер обязан был поставить в известность господина о скрывающемся в церкви рабе; коль скоро господин давал обещание простить беглеца, пресвитер обязан был возвратить его.

Константин ввел для рабов самые суровые наказания, и церковные вожди вторили ему. «Но почему, спросишь ты, — писал один из влиятельнейших епископов на рубеже IV и V веков, Иоанн Златоуст, — мне нельзя бить раба? Я этого не говорю, так как это необходимо, но не нужно впадать в крайность... Я все время говорю, что рабов следует наказывать не за плохо выполненное приказание, а за поступки, вредящие их душам». Подумать только — рабов необходимо бить! И это проповедует христианство, религия, когда-то выражавшая чаянья рабов и бедноты.

Беспрестанно церковные писатели IV и V веков повторяют, что не всякая бедность свята, не всякое богатство греховно. Беспрестанно напоминают они верующим о богачах, справедливо и богобоязненно пользующихся своим имуществом, о жадных и завистливых бедняках. Не размер имущества, по мнению того же Иоанна Златоуста, отличает богача и нищего, но строй мыслей: бедняком он считает того, кто большего жаждет. «Не тот беден, у кого ничего нет, а тот, кто много желает». Выступая перед своей паствой, Иоанн Златоуст наставлял: «Нет, я не говорю, что богатство греховно... Бог не создал ничего дурного — но все им созданное прекрасно. Так и богатства прекрасны».

Церковь IV века откровенно защищала богатство, потому что она сама стала богатой. Щедрые пожалования императора составляли далеко не единственный источник церковных имуществ: верующие отдавали церквам доброхотные пожертвования, оставляли в наследство землю, скот, деньги, — и все это в надежде заслужить милость божью и местечко в царстве небесном.

В своих обширных владениях церковь использовала труд рабов, за гроши нанимала бездомную бедноту и не хуже самых рачительных рабовладельцев научилась превращать пот обездоленных в золотые монеты.

Церковь выступала против общественной благотворительности, против обязанности городских властей

подкармливать бедноту и устраивать для нее развлечения. Вместо этого христианство вводило раздачу милостыни, заменяя право на хлеб необходимостью вымаливать вспомоществование у всемогущей церкви. И вот бедняки простаивали ночами, чтобы утром им достался свинцовый жетон, своего рода талончик на милостыни.

Церковь осуждала цирковые представления и стремилась великолепием богослужения отвлечь народ от состязаний колесниц. А ведь цирк стал в IV веке единственным местом, где граждане еще могли высказать недовольство продажностью вельможи, скаредностью наместника и даже политикой самого государя. Цирк был в ту пору последней отдушиной народной свободы — и церковь обрушивалась на него. «Люди, вредные для общества, — говорил все тот же Иоанн Златоуст, — появляются из числа тех, кто посещает зрелища. От них — смута и мятежи. Они больше всех возмущают народ и сеют раздор в городах, потому что праздное, воспитанное в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя».

Церковь давно уже перестала быть демократической организацией. Теперь решением церковного собора в Лаодикии «чернь» была окончательно устранена от участия в епископальных выборах. Выбирать епископа должно было духовенство и городская знать.

Епископ стал хозяином в своей церкви: он проповедовал и истолковывал священные книги, он назначал, или, как принято говорить, рукополагал в пресвитеры и диаконы; он распоряжался всем имуществом церкви; он разбирал судебные тяжбы и налагал дисциплинарные взыскания на клир и миряи.

Епископская власть распространялась не на одни только церковные дела. Епископ активно вмешивался в городское управление: контролировал деятельность местных властей, участвовал в раскладке налогов, даже проверял прочность крепостных стен и исправность водопровода.

До IV века существовало множество независимых общин, руководимых собственными епископами. Лишь кое-где епископы крупных городов подчинили своей власти соседние городские и сельские церкви. В Карфагене и Александрии так было уже к концу III века. Когда же церковь вступила в союз с государством, отдельные епископии стали объединяться, образуя митро-

полии[1]. Центром митрополии, подчинявшей себе ряд епископов, был, как правило, административный центр — церковное устройство копировало провинциальное деление империи. Некоторые города пытались подчинить себе несколько митрополий, образовав патриархию. На роль патриархий в IV столетии претендовали Александрия, Антиохия, Рим и новая столица империи — Константинополь, основанный императором Константином в 330 году.

Церковь превращалась в огромную организацию, располагавшую колоссальными средствами, хорошо налаженной связью, бесчисленным штатом должностных лиц. Церковь пользовалась поддержкой государства и сама поддерживала его, до небес вознося императоров.

Христианская церковь сделалась оплотом империи, и естественно, что оппозиция отныне стала связывать свои судьбы с язычеством. Особенно часто старые города, обложенные тяжелыми налогами на содержание армии и чиновничества, на благоустройство Константинополя, становились центрами языческой оппозиции. Ее возглавляли те, кто считал себя хранителем традиций великого прошлого, — философы, ораторы, жрецы. К ним примыкали владельцы небольших поместий, купцы, собственники мастерских, — все те, кто заседал в городских советах и кто ненавидел выскочек, управлявших из Константинополя. В этих-то кругах и был популярен Юлиан.

ЯЗЫЧНИК ⊕ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

В 355 году положение Юлиана внезапно изменилось. Он был отозван из Афин, оторван от книжных занятий, назначен кесарем и послан на запад, в Галлию, где создалось крайне напряженное положение. Страна была обременена налогами, опустошена вторжениями германских племен. Армии не существовало; солдаты, забыв о дисциплине, грабили местных жителей. Неужели Констанций всерьез мог думать, что двадцатичетырехлетний ученый, проведший свои годы за книгами, сможет спасти Галлию? Или им двигала надежда,

[1] По-гречески «митрополис» — главный город.

что в этих далеких землях Юлиан похоронит свой неуклонно возраставший авторитет и — кто знает — может быть, сложит голову? Во всяком случае, Констанций окружил своего брата доносчиками и шпионами, офицерами и чиновниками, которые должны были противиться его действиям, если бы усмотрели в них нечто опасное для константинопольского владыки.

Но Юлиан сумел справиться с трудностями. Он уменьшил подати, восстановил города, создал новые легионы. Он, кабинетный ученый, вел теперь жизнь простого солдата: скудно питался, спал на голой земле, в битвах шел в первых рядах. И неожиданно быстро пришел успех: в битве у Страсбурга германские полчища натолкнулись на сопротивление римской пехоты и, разгромленные, в панике бежали к Рейну. Их вождь Хнодомер попал в плен и отослан в Константинополь.

С победами Юлиана росла его слава и вслед за ней — подозрительность Констанция. В 361 году Констанций потребовал отправить на восток лучшие силы созданной Юлианом галльской армии. Кесарь отказался подчиняться. Боготворившие его солдаты подняли Юлиана на щит и провозгласили императором. Во главе победоносных войск он двинулся против Констанция, чтобы отомстить за отца, за братьев, за все унижения своей юности. Но мстить не пришлось: Констанций внезапно скончался, и Юлиан был принят в Константинополе как законный наследник престола.

Еще в начале своего марша на восток Юлиан порвал с христианством. Чтобы смыть скверну крещения, он подверг себя древнему обряду: была вырыта яма в земле, император спустился в нее, а над ним, на деревянном помосте, жрец принес в жертву быка, и горячая кровь хлынула на голову, на лицо, на плечи императора, жаждущего очиститься от христианства. В Константинополь Юлиан вступил откровенным язычником.

У ног тридцатилетнего императора лежала огромная страна, истерзанная податными чиновниками, задавленная деспотизмом Констанция, дрожавшая перед бесчисленными шпионами. Юлиан, испытавший на себе кровавую подозрительность покойного государя, искренне желал дать своим подданным покой и благосостояние. Не жалея себя, он принялся за дело.

Новый правитель сразу же покончил с великолепием императорского двора. У Констанция была тысяча

цирюльников, тысяча поваров, а всякого рода мелкие чиновники кишели во дворце, словно мухи в жаркий летний день. Юлиан разогнал свору этих тунеядцев, оставил лишь четырех секретарей и семнадцать курьеров. Констанций был недоступен, никому не разрешал садиться в свой экипаж, являлся перед народом в царских одеждах, похожий на статую, а не на человека. Юлиан же носил грубый плащ, ел самую простую пищу и гордился своей всклокоченной, нечесаной бородой, где, по словам его завистников, словно звери в чаще, укрывались вши. Он был доступен для всех: его можно было встретить на улице, видеть на заседаниях судов.

Юлиан трудился, не зная усталости. С утра до вечера он был занят административными хлопотами: принимал иноземных послов, диктовал письма провинциальным чиновникам, составлял законы, выслушивал просителей. Когда его советники, утомленные трудами, оставляли его, Юлиан шел в библиотеку, читал классиков, писал речи и сатирические произведения, осмеивая своих врагов. Только изредка император посещал цирк; обычный его отдых состоял в простой перемене трудов.

Юлиан уменьшил налоги, установил строгую ответственность за злоупотребления податных сборщиков, ограничил право чиновников пользоваться лошадьми и колясками частных лиц. Он возвратил городским советам имущества, отнятые у городов, улучшил положение мелких арендаторов, ограничил привилегии крупных земельных собственников. Он заботился о правосудии: налагал на судей штрафы за волокиту, гарантировал каждому гражданину право апелляции к императору.

С особой страстностью Юлиан обрушился на христианскую церковь — на оплот императорского бюрократизма, на верного союзника деспотической империи.

⊕ РАЗВЕ СВИНЬЯ ЖВАЧНОЕ ЖИВОТНОЕ?

Долгими зимними ночами 362—363 годов, когда император находился в Антиохии и готовил поход против персов, и позднее, во время самого похода, он писал сочинение «Против христиан», высмеивая и опровергая вероучение поклонников Христа. Книга Юлиана, как и «Правдивое слово» Цельса, не дошла до

наших дней — победившая церковь позаботилась об уничтожении памфлета, и мы знаем об этом сочинении только по полемике против Юлиана, только по произведениям христианских авторов, опровергавших его утверждения. Особенно подробно излагает взгляды Юлиана писатель V века Кирилл Александрийский, труд которого носит длинное название: «В защиту святой религии христианской против книг нечестивого Юлиана».

Юлиан был опасный противник. Воспитанный в христианстве, исполнявший в юности обязанности чтеца, он прекрасно знал и Ветхий, и Новый завет. Вместе с тем он выступал против христианства во всеоружии античной образованности: он тщательно изучил греческую философию, римское право, историю древности. Перед собой Юлиан поставил продуманную и ясную задачу — показать, что «секта галилеян (так он всегда именовал христиан) есть лишь человеческая выдумка, не имеющая ничего божественного». Он бьет, таким образом, по самому слабому месту христианского учения — по легенде о божественном происхождении новой религии.

В критике христианства Юлиан обращает внимание на два обстоятельства: на несамостоятельность и на противоречивость учения. Он разбирает нормы поведения, которые установлены библией и которые объявлены в библии божественными, и восклицает с насмешкой: «Какой народ не считает для себя обязательным соблюдать все эти заповеди, кроме празднования субботы!» То, что библия выдает за божественное постановление, оказывается на поверку несколькими обыденными, всему миру известными, примитивными истинами.

Юлиан сравнивает ветхозаветное учение о божестве с учением греческих философов и показывает, насколько первое примитивнее и наивнее второго. Ветхозаветный бог наделен человеческими слабостями и пороками. Он ревнив, он не допускает, чтобы люди поклонялись другим божествам. Он раздражителен, жесток и готов по пустячной причине погубить тысячи людей. Он ветрен и прихотливо меняет свое настроение, поддаваясь случайному поводу.

Предания о ветхозаветном боге невежественны и грубы. Подробно разбирая рассказ о сотворении Адама и Евы, Юлиан замечает в заключение: «Если все

это не басня, скрывающая какой-нибудь тайный смысл, как я думаю, то весь этот рассказ полон богохульства. Ибо знать, что данная человеку (Адаму) помощница (Ева) будет причиной его изгнания из рая, запретить человеку познание добра и зла — того, чем единственно и может только управляться человеческая жизнь, — и потом завистливо опасаться, как бы человек, оставшись жив, не сделался из смертного бессмертным — во всем этом слишком много зависти и злобы».

Юлиан постоянно ловит христиан на противоречиях. Их Новый завет противоречит Ветхому. Он цитирует слова Моисея, запретившего изменять повеления божьи, налагающего проклятие на тех, кто не станет исполнять заповеди. А как поступают христиане? Разве они не отменили ветхозаветный обычай приносить жертвы, не отказались от празднования субботы, не перестали различать чистых и нечистых животных? Христиане ссылаются на видение апостола Петра, которому бог повелел не считать более нечистым того, что он очистил. «Но из чего, — иронизирует Юлиан, — здесь видно, что то, что бог ранее считал нечистым, теперь сделалось чистым? Моисей сказал: — Всякое животное, которое имеет раздвоенное копыто и отрыгает жвачку, чисто, а которое не таково, — то нечисто. Если после видения Петра свинья сделалась жвачным животным, поверим этому, хотя это большое чудо».

Впрочем, не только Моисей, но и сам основатель новой религии Иисус Христос настоятельно требовал исполнять ветхозаветные нормы — самые малые из них, вплоть до последней буквы и черты. «Так как Иисус, — говорит Юлиан, — ясно приказал соблюдать «Закон» и установил наказания против тех, которые не исполняют даже одной заповеди, чем оправдаете себя вы, христиане, которые нарушаете все заповеди? Или Иисус — лжец, или вы, очевидно, не соблюдаете его повеления».

Но и сам Новый завет полон противоречий. Взять хотя бы апостола Павла, который непостоянен, подобно полипам на скалах, и каждую минуту меняет свое мнение о боге: то он утверждает, что иудеи — избранный народ божий, его исключительное наследие, то заявляет, что язычники тоже имеют свою долю в божественном наследии, ибо христианский бог — не только бог иудеев, но и язычников. (Здесь Юлиан, как вы помните, касается одного из самых острых новозаветных проти-

воречий, возникших в результате компромисса между павлинистами и иудеохристианами.)

Это нелепое и противоречивое учение, несоизмеримое с великой эллинской мудростью, не могло быть произведением бога. Юлиан, готовый признать ветхозаветного Яхве богом (одним из многих богов, рядом с греческим Аполлоном и персидским Митрой), настоятельно отвергает легенду о божественности Иисуса Христа.

Даже ближайшие последователи Христа — Павел, Матфей, Лука, Марк — не осмеливались сказать, что Иисус был богом. Только Иоанн первым высказал эту мысль. Но посмотрите, как робко, как осторожно он это делает! Нигде он сам не называет ни Иисуса, ни Христа, когда говорит о боге и его слове (Логос) — и только ссылается на Иоанна Крестителя, который свидетельствовал, что Иисус это тот, кого должно считать сыном божьим.

Иисусу Христу, проповедовавшему в глухой Палестине, среди невежественных рыбаков, Юлиан противопоставляет Асклепия, который действительно был богом, но приняв образ человека, явился на землю в центре цивилизованного мира — в Греции. Он побывал в Пергаме и в Риме — в отличие от Христа, знавшего одну лишь Галилею. Асклепий обошел все народы, исцеляя больные тела и порочные души. «Клянусь Зевсом, — восклицает Юлиан, — он и меня, больного, часто исцелял с помощью лекарств».

Конечно, Юлиан лучше знал библейские тексты, чем его предшественник Цельс. Он смог заметить в христианском вероучении такие нелепости и противоречия, которых Цельс не видел. И все-таки полемика Юлиана поверхностнее и мельче. Критика Цельса во многом атеистична. Для него неприемлемо именно то, что роднит христианство с другими религиями Римской империи: учение о вмешательстве бога в земные дела, о воплощении бога в человеке, о воскресении во плоти. Напротив, Юлиан критикует христианство не как религию вообще, а как данную форму религии. Критикуя христианство, он противопоставляет новой религии языческие верования и обряды, освященные седой стариной, но от этого не ставшие ни менее нелепыми, ни менее противоречивыми. Нападая на христианство, Юлиан хотел расчистить место для восстановления язычества.

Царь — солнце — божество Юлиана

Уже во время своего марша против Констанция Юлиан восстанавливал запущенные языческие храмы. Он, такой скромный в своих личных потребностях, приказывал пышно отправлять культ, приносить обильные жертвы. Афиняне отворили храм Афины Паллады, коринфяне возобновили жертвоприношения Посейдону.

Став императором, Юлиан превратил свой дворец в храм множества богов и богинь. Он посещал, помимо того, разные столичные храмы, ревностно участвовал в жертвоприношениях, носил дрова для жертвенника, закалывал жертвенных животных, зажигал и тушил огонь.

Главным богом Юлиан объявил солнце. Он учил, что высший, истинный, божественный мир недоступен нашим чувствам, хотя и может быть познан разумом. Этот божественный мир является средоточием красоты, законченности, целостности, короче говоря, — совершенства, но он не оказывает непосредственного воздействия на наш материальный, доступный чувствам, земной мир. Между божественным («познаваемым») миром и нашим земным («чувственным») лежит промежуточный, средний мир, отражающий совершенный мир божества и служащий образцом для «чувственного» мира. Солнце среднего мира Юлиан называл познающим солнцем и вместе с тем «царь-солнцем» и к нему устремлял свои молитвы. Солнце божественного мира слишком далеко от человека, солнце видимое слишком чувственно, царь-солнце — истинное божество, посредник в передаче благодати от верховного бога к людям.

Разве не напоминают все эти рассуждения Юлиана христианское богословие с его верховным богом и Логосом-Христом, посредником между богом и человечеством? Только искусственная концепция Юлиана безмерно холоднее, чем христианские предания, заставляющие бога принять человеческий образ и страдать вместе с грешниками на грешной земле. Только царь-солнце бесконечно далеко от простых людей, не способно внушить им теплого чувства, влить в их исстрадавшиеся сердца надежду — пусть ложную — на исправление зла, на воздаяние за добро. Бог Юлиана не стал богом народных масс.

Юлиан заботился о том, чтобы языческая религия приобрела авторитет. Он требовал, чтобы языческое жречество пользовалось теми же методами, что и христианская церковь, и широкой раздачей милостыни привлекала на свою сторону бедноту. «Если у иудеев, — писал Юлиан верховному жрецу провинции Галатия, — никто не просит милостыни, а нечестивые галилеяне, кроме своих, питают еще и наших, то не постыдно ли, что свои от нас не получают помощи?» Юлиан хотел строить при храмах гостиницы для странников, дома для людей, посвятивших себя размышлениям. Он требовал, чтобы жрецы отличались благочестием и образованностью и своим поведением давали образец для верующих. Он пытался создать из жречества могущественную корпорацию, независимую от чиновников, но подчиненную непосредственно императору. Он стремился придать языческому богослужению благолепие и пышность.

Были ли гонения при Юлиане

Восстанавливая язычество, Юлиан выступал против христианства, связавшего со времен Константина свою судьбу с империей, превратившегося в ревностного союзника деспотического государства. Писатели-христиане IV века обрушиваются на императора-отступника, бранят его «нечестивейшим и безбожнейшим из людей», называют его кровопийцей, утверждают, что его действия превзошли по злобе и нечестию злейшие гонения на христиан при Деции и Диоклетиане.

Но мы уже знакомы с методами писателей-христиан, мы знаем, с какой осторожностью приходится пользоваться их суждениями, как тщательно нужно проверять каждое их слово. Таков ли, действительно, был «кровопийца» Юлиан, каким изобразили его христиане?

«Клянусь богами, — писал Юлиан одному из своих помощников, — я не хочу, чтобы галилеяне были убиваемы, несправедливо обижаемы или терпели жестокое обращение без всякой причины». И это были не простые слова. Специальный эдикт Юлиана даровал всем подданным империи религиозную свободу: и почитатели отеческих богов, и христиане могли отныне без страха исповедовать свою веру. Более того, десятки церков-

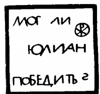
ных деятелей, объявленных при благочестивом Констанции еретиками и отправленных в наказание в ссылку, распоряжением Юлиана получили свободу. Донатисты, которых святой Константин подверг кровавым преследованиям, теперь вернулись в свои церкви и беспрепятственно отправляли богослужение.

Конечно, христианство потеряло положение главенствующей религии, было лишено тех даров и привилегий, которыми щедро осыпали церковь Константин и Констанций. Константин отнял у городов немало земель, чтобы наделить ими христианские храмы; церковный клир был освобожден от всевозможных повинностей, выполнять которые приходилось горожанам. Юлиан отменил эти постановления: земли были возвращены городам, причт должен был наравне со всем населением империи привлекаться к несению повинностей. Были уничтожены судебные привилегии клира, запрещено духовенству получать наследство.

Христиане отстранялись от несения государственных должностей, от военной службы. Юлиан насмешливо ссылался при этом на новозаветные тексты, восхвалявшие миролюбие, и говорил, что столь миролюбивым людям, как христиане, не пристало занимать офицерские посты. Император отстранял христиан от преподавания в светских школах, чтобы ограничить их влияние на юношество. «Словесные науки и греческая образованность, — обращался он к христианам, — наши, и нам принадлежит чествование богов, а ваш удел — необразованность и грубость, так как у вас вся мудрость состоит в одном только: — «Веруй!» Это не значит, что Юлиан вовсе воспрещал преподавательскую деятельность христиан, — нет, он только считал, что они не должны объяснять слушателям произведения Гомера и Геродота, чьи убеждения сами не разделяли. «Пусть они идут в храмы галилеян и растолковывают там Матфея и Луку».

Короче говоря, Юлиан не пытался уничтожить христианство. Казней, конфискаций имущества, пыток христиан его правление не знало. Но будучи противником христианства, он лишил эту религию ее привилегированного положения, лишил ее государственной поддержки. Он не делал различия между разными группами христиан, относясь с одинаковым пренебрежением и к правоверной церкви, и к еретикам. Он предоставлял христиа-

нам разных толков нападать друг на друга, рассчитывая, видимо, что эти споры ослабят единство церкви и послужат на пользу делу Юлиана.



Юлиан был полон проектов и планов, когда 27 июня 363 года, не процарствовав и двух лет, он внезапно умер от раны, полученной во время похода на персов. Вражеская стрела поразила его в голову, он упал и пришел в себя уже в палатке. Ему показалось, что рана пустячная, и он потребовал коня и оружие, чтобы руководить боем. Но рана открылась снова и, обессиленный, Юлиан опустился на ложе. Он понял, что все кончено, и, обратившись к солнечному богу, воскликнул: «Гелиос, ты потерял меня».

Окружающие не сдерживали слез. Юлиан обратился к ним с укором. «Нас всех унижают, — сказал он, — ваши слезы, проливаемые по государю, чья душа уже скоро устремится к небу и сольется со звездами». Он стал беседовать с друзьями о будущей жизни, о неизмеримом благородстве души. Кто-то поспешно сочинял стихи о том, как император в огненной колеснице поднимется на Олимп и, оставив бренную землю, найдет вечное пристанище среди светоносного эфира. Юлиану было 32 года, когда он умер.

Юлиан умер, оплаканный друзьями. Его называли восстановителем и распространителем свободы, защитником справедливости. Много страдавший сам, он хотел, чтобы его подданные жили счастливо. Он хотел дать им больше хлеба и лучшую религию. Но ему не удалось ни то, ни другое.

Да, Юлиан разогнал дорогостоящий придворный штат своего предшественника и сам жил просто и скромно. Но его многочисленные друзья, философы и жрецы, использовали победу язычества для своего обогащения. Они получали щедрые дары и купались в роскоши. Строительство языческих храмов и бесчисленные жертвоприношения стоили немало, и насмешники говорили, что жертв так много, что в империи скоро не останется быков. Подготовка грандиозного похода на персов также легла тяжелым бременем на государственную казну. А

расплачнваться должны былн все те же — простые пахари, ремесленннкн, пастухн.

Юлиан выступил против бюрократической верхушкп империи, но не от лнца народных масс. Землевладельцы средней руки, провнициальное купечество, жрецы н ораторы — вот кто шел за ним. Народ, выиграв от первых реформ Юлиана, по-прежиему оставался бесправным.

Лихие реформы Юлиаиа иередко оборачивались против его подданных, хотя ои н действовал с нанлучшими намереииями. Он был в Антнохии, когда город, заполненный солдатами н адмиинстраторамн, стал испытывать нехватку продуктов. Хлебные торговцы ие замедлили взвинтить цены, вызвав всеобщее недовольство. Экспансивные антиохийцы кричали на площадях: «Житницы полиы, а спекулянты только пользуются случаем, чтобы продавать хлеб подороже!»

Юлиан рассердился. Сперва он потребовал, чтобы крупиые землевладельцы и хлебные торговцы вериулись к прежиим ценам, но они сделали вид, что это иевозможно. Тогда император решил обойтись без них: из государствеииых складов бедноте стали раздавать хлеб даром, а торговцам было приказано продавать его по твердо устаиовлеиным ценам.

В первый момеит меры Юлиана вызвали ликоваиие бедноты, но прошло несколько дней, н государствеиные склады опустели, а торговцы, ие желая торговать по твердым ценам и выжидая лучших времеи, покииули Антиохию, чтобы не попадаться на глаза разгиеванному императору. Город голодал.

Борьба Юлиана с христианством оказалась не более успешиой, чем борьба с хлебными спекулянтами н с бюрократизмом государствеиного аппарата. Конечно, нашлось немало людей, которые, словно одежду, сменили свои убеждения: те, кто раиьше принимал христиаиство, видя в нем средство к продвнженню по чиновиой лестнице, теперь без раздумья прииоснлн жертвы Гелиосу или Аполлону н получалн новые чины н должностн. В угоду нмператору восстанавлнвалнсь храмы языческих богов, устранвались праздиества и торжествеиные процессии, туши быков и бараиов возлагались на алтарн — но массовым двнжение Юлиана ие стало.

Холодные рассуждения императора могли представлять нитерес для немногочисленных философски образоваиных деятелей, но ие для народа. Царь-солице оста-

вался гораздо более далеким и чужим, чем распятый сын человеческий. С Иисусом Христом было связано столько надежд и упований, что вытеснить его культ оказывалось невозможным: попытка Юлиана была последней — отныне сама оппозиция христианству на долгие годы станет прикрываться именем Иисуса Христа.

Старания императора бороться против влияния церкви ее же собственными методами — раздачей милостыни, организацией взаимопомощи — не принесла плодов. Церковь была богаче государства, ибо не тратила своих денег на подготовку войны, на содержание чиновников, на строительство и транспортные средства. Помощники Юлиана, отчетливо ощущая непрочность своих позиций, старались набить карманы, пока к тому представлялась возможность, а к делам относились с пренебрежением. Как ни понуждал император чиновников и жрецов, аппарат государственной благотворительности работал со скрипом.

Самая простота и доступность Юлиана, так импонировавшая интеллигенции, подрывала его авторитет. На критику своих мероприятий он отвечал речами и памфлетами, а не арестами и казнями. Он был человеком с нечесаной бородой, в дешевом плаще; он трудился днем и ночью и ходил пешком по улицам, не стесняясь самой черной работы храмового прислужника — а как много было людей, хотевших видеть на троне живое божество, облаченное в пурпур и золото!

Юлиан был честным человеком, проницательным политиком, видевшим пороки общественного строя и христианской религии. Но против деспотического режима он действовал полумерами, а христианству противопоставлял другую религию, ничуть не лучшую, только чуждую большинству населения империи. Он сумел вызвать недовольство высшей чиновной знати, крупнейших земельных собственников, влиятельнейших епископов — а народ оставался безразличным к замыслам и проектам императора. Назревал конфликт.

Кто может сказать, куда завела бы Юлиана борьба с оппозицией? Отказался бы он от своей терпимости и вступил бы на путь расправ с противниками? Понял бы бессилие порядочного человека в безжалостном мире рабовладельческого общества и отрекся бы от престола? Об этом бесполезно гадать. Он умер, когда оппозиция только нарождалась, он не успел превратиться ни в ти-

рана, ни в предателя собственных идей. Изломанный и истерзанный своей юностью, когда угроза смерти не покидала его ни на час; из толкователя старых книг внезапно превращенный в администратора и полководца и отдавший все силы своей души служению, если не людям, то идее; не заботившийся о себе даже в дни своего всемогущества, Юлиан умер твердо убежденным в справедливости своего дела и в его грядущей победе.

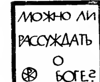
Но современник Юлиана, александрийский епископ Афанасий, один из немногих деятелей церкви, отправленных в те годы в ссылку, был ближе к истине, когда говорил, прощаясь со своими приближенными: «Удалимся, друзья, на короткое время. Это — только облачко, оно скоро пройдет». И действительно, преемник Юлиана тут же возвратил христианству прежние привилегии.

КОНЕЦ ЯЗЫЧЕСТВА

Христианство снова торжествовало — на этот раз на долгие столетия. Пусть еще несколько лет императоры продолжали носить титул языческого жреца — великого понтифика, пусть еще они чеканили монеты с изображением языческих богов, пусть до самого конца IV века язычники чувствовали себя достаточно сильными, чтобы в уличных боях отстаивать свои храмы и открыто заявлять о превосходстве многобожия над христианством — судьба язычества была решена. В 391 и 392 годах император Феодосий I издал два эдикта, которыми воспретил принесение жертв как публично, так и в частных домах — иными словами, языческий культ был воспрещен, язычество превращалось в гонимую религию. Из зала заседаний римского сената была вынесена статуя богини Победы, священный огонь в храме богини Весты был погашен, прекратилось празднование олимпийских игр, посвященных богу Зевсу.

Язычников изгоняли с государственной службы, лишали гражданских прав, конфисковали их имущество. Толпа, возбуждаемая религиозными фанатиками, нападала на язычников-ученых, забрасывала их камнями, избивала до смерти. Горели языческие храмы, и в пламени гибли бесценные библиотеки, памятники искусства, великие создания гениальных мастеров.

В огне и крови утверждали свою власть почитатели миролюбивого Христа, окрестившие Юлиана кровопийцей.



Но Феодосий не ограничился расправой с язычеством. Он не хотел мириться с религиозными спорами внутри самого христианства. Он считал, что империи нужна единая религия, что дело подданных верить без колебаний и сомнений, а не ломать себе головы над абстрактными проблемами.

Феодосий был провозглашен августом 19 января 379 года. Давно уже империя не стояла так близко к гибели, как в это время. В 378 году в битве при Адрианополе готы разгромили наголову римские войска, император в панике бежал с поля боя, искал пристанища в какой-то жалкой хижине, но огонь довершил то, что начали варвары, — предшественник Феодосия окончил свои дни в пламени случайного пожара.

Феодосию удалось приостановить натиск готов — где действуя оружием, где подкупом, где щедрыми обещаниями он принудил их к покорности и расселил на Балканах и в Малой Азии как союзников империи, обязанных выставлять войска для ее защиты. Это был опасный союзник, готовый в любой момент к возмущению, к грабежу, к измене. К тому же готам надо было платить — и Феодосию приходилось все туже завинчивать налоговый пресс, все шире использовать административные меры для выколачивания податей. Он безжалостно расправлялся с последними остатками независимости в провинциальных городах: одно за другим вспыхивали восстания — в Антиохии, в Берите, в Фессалониках, — а христианнейший император подавлял мятежи в крови, выдавал горожан на расправу готам, не понимавшим языка, не знавшим, во имя чего волнуются и кричат беспокойные черноволосые греки.

Уже при Константине протест против социальной несправедливости принимал время от времени форму внутрицерковной борьбы. И не удивительно — противоречие между христианской фразеологией и политикой церкви было вопиющим. Церковь прославляла бед-

ность — и приобретала несметные богатства. Церковь признавала раба достойным собратом и грозила проклятием тому, кто требовал освобождения рабов. Церковь разделяла «кесарево» и «божье» и льстиво прославляла всемогущего тирана. Если человек попытался бы всерьез приннять демократический язык новозаветных сочинений, ему пришлось бы с ужасом шарахнуться в сторону от торжествующей свою победу церкви.

Так именно произошло уже в начале IV века, во время донатистских споров, подавленных при Константине силой оружия. С еще большей остротой разгорелся другой внутрицерковный спор, начавшийся тоже при Константине и охвативший все IV столетие. Богословские проблемы обсуждались везде, люди спорили о природе бога, словно о самом важном в их жизни. Современник и участник этих дискуссий, церковный писатель Григорий Нисский саркастически высмеивает народ, толкующий о религии, вместо того, чтобы просто верить. «Иные,— восклицает он,— вчера или позавчера оторвавшись от прежнего ремесла, внезапно стали преподавателями богословия. Другие — быть может, невольники, не раз подвергавшиеся бичеванию, бежавшие от рабского служения, — с важностью философствуют о непостижимом. Всюду полно таких людей: на улицах, на рынках, на площадях и перекрестках. Тут и торговцы платьем, и менялы, и продавцы съестных припасов. Ты спросишь об олове — они рассуждают о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене хлеба — отвечают: — Бог-отец больше бога-сына; справишься, готова ли баня, — говорят: — Бог-сын произошел из ничего».

Почему же с такой страстностью жители империи обсуждали богословские проблемы? Нам нужно прежде всего понять, о чем шел спор.

ИСТИННЫЙ ЛИ БОГ ИИСУС ХРИСТОС?

В начале IV столетия одним из самых популярных проповедников Александрии был пресвитер Арий. Родом ливиец, он получил образование в Антиохии, пережил гонения при Диоклетиане и одно время поддерживал ту часть александрийских христиан, которые — подобно Новатиану и донатистам — не склонны были лег-

ко простить падшим их отречение от церкви. Долговязый, просто одетый, скромный в жизненных потребностях, Арий располагал к себе слушателей. Его внешняя угрюмость исчезала в разговорах с верующими, и строгий старик внезапно превращался в ласкового собеседника, умеющего понять скрытые стремления человека и склонить его на свою сторону.

В проповедях Арий все чаще и чаще возвращался к одному вопросу, волновавшему его слушателей,— кто же был Иисус Христос, основатель новой религии.

Большинство христианских писателей тех лет, не мудрствуя лукаво, считали Христа богом и сыном божьим, по сущности своей не отличающимся от бога. Но пытливый ум Ария не мог примириться с таким определением, обнаруживал его противоречивость.

Действительно, если оставаться на позициях единобожия (так рассуждал Арий), нельзя не видеть, что один только бог вечен, один бог не имеет начала во времени, один бог истинен, мудр, благ, — короче говоря, существует лишь один бог. Но каково в таком случае место Христа, которого называют сыном божьим?

Если он сын, учил далее Арий, то его особенность, его отличительная черта состоит в том, что он был рожден. Значит, он по самой своей сущности отличается от бога-отца, который никогда не был рожден, который не имеет начала во времени, который существовал всегда. Иначе говоря, Христос (или Логос) был сотворен богом, сотворен из ничего, сотворен раньше всех других тварей, но все-таки сотворен, создан.

Арий вовсе не лишает Христа божественности: он прямо именует его богом, называет его «совершенным творением», единородным богу. Только божественность не принадлежала Христу от рождения, но была приобретена им, была дана ему богом за то, что, будучи создан изменчивым и превратным, подобно всем прочим тварям, он остался непреложным и неизменным в добре. Христос, таким образом, отличен от истинного бога, он своего рода полубог.

Учение Ария распространилось сначала в Александрии, затем за ее пределами.

Арий пропагандировал его в проповедях и песнях, обращенных к ремесленникам. Логичность рассуждений александрийского пресвитера привлекала многих образо-

ванных деятелей церкви, епископов крупных городов Палестины и Малой Азии.

Арианство (так принято называть учение Ария) нашло упорных противников. Под их давлением александрийский епископ Александр выступил против Ария, которому он прежде покровительствовал. В Александрию съехались египетские епископы и на соборе отлучили от церкви Ария и его сторонников. Арианство было объявлено ложным учением, ариане — врагами церкви.

Но у Ария было много влиятельных сторонников. Они собрали свой съезд в одном из вифинских городов, неподалеку от Никомидии, и провозгласили учение Ария истинным. Опираясь на решение вифинского собора, ариане возвратились в Александрию, воздвигли себе отдельные храмы и принялись распространять свое учение. Они собирались днем и ночью, осыпали епископа Александра насмешками, возбуждали против него судебные дела.

Казалось, церковь, только что примирившаяся с государством, стоит на пороге раскола.

Император Константин попытался утихомирить борющиеся группировки. Он обратился с посланием к Александру Александрийскому. Он называл арианские споры бессмысленной болтовней. По мнению императора, обе стороны не расходились между собой в главном. Вы помните, что правительство Константина было озабочено упрочением единства господствующего класса империи и стремилось к созданию единообразной системы взглядов подданных — вот почему Константин старался водворить мир в церкви и особенно подчеркивал, что диспуты не следует выносить на обсуждение народных масс.

Но Константин не понял того, что инстинктивно чувствовали его современники: арианские споры не были пустой болтовней, и хотя обсуждались в них, казалось бы, совершенно абстрактные проблемы, за этой абстрактностью дискуссии скрывались злободневные и важные вопросы.

И это вполне естественно: в условиях деспотического режима империи открытое обсуждение насущных вопросов стало невозможным, оно поневоле должно было сделаться завуалированным, принять абстрактные формы.

ТРИСТА ЕПИСКОПОВ В НИКЕЕ

Однако вмешательство императора не склонило стороны к примирению. Тогда в 325 году Константин созвал в Никее съезд епископов, получивший в дальнейшем название Первого вселенского собора. Под председательством императора епископы должны были разобраться в затянувшейся дискуссии. Всю материальную сторону организации собора государство брало на себя: было подготовлено жилье в Никее, за счет казны епископам предоставлялись лошади и мулы для приезда на собор.

Около 300 епископов собрались в Никее, а если считать их свиту, то общее число прибывших достигало двух тысяч.

Генеральному заседанию предшествовали длительные дискуссии, в ходе которых определились основные группировки участников собора.

Последовательных ариан было очень немного, к ним принадлежало вряд ли свыше двадцати епископов. Естественно, они не могли рассчитывать навязать свое учение в качестве общеобязательного, да они и не собирались этого делать. Ариане считали, что вопрос о соотношении бога-отца и бога-сына — предмет научного исследования, где богословы имеют право на собственное суждение. Иными словами, они отстаивали право на элементарное свободомыслие, ограниченное, разумеется, рядом общеобязательных принципов, на которые они и не думали покушаться. Ариане, хорошо помнившие ужасы гонений, отстаивали робкий либерализм — либерализм не политический, но хотя бы в сфере богословия. Они были уверены, что собор признает за ними право на самостоятельность суждения.

Напротив, их последовательные противники, руководимые Александром Александрийским, Маркеллом Анкирским и некоторыми другими епископами, считали необходимым выработать догматические формулы, обязательные для каждого христианина. Принятие таких формул, по их мнению, положило бы конец распространению ересей и содействовало бы упрочению церковного единства. Противники арианства предложили собору устойчивую формулу, отвергающую учение Ария; при этом они не смущались, что их определение включает

такие термнны н формулировкн, которые не основывались на новозаветных сочннениях.

Ученне протнвников Арня было детально разработано днаконом Александрнйской церквн, блнжайшим помощником Александра — Афанаснем.

Церковь должна быть единой

Мы мало что знаем о первых годах деятельности Афанасия Алексаидрийского. Ои был сверстником нмператора Константнна н мог помнить гонения прн Диоклетнане. Он не получнл снстематического образования, не был начнтан в философни, великне поэты антнчностн оставалнсь для него чужнми — зато священное пнсанне, Ветхий и Новый завет Афанаснй знал досконально. Маленького роста, тщедушный, с заурядной внешностью, он умел зажнгать людей своимн речами, он поражал свонм понниманнем человеческнх стремленнй, иеосознанных желаний.

Груз сомненнй н колебаннй не обременял его: он был фанатнком, не ведающим компромиссов. Афанасия не останавливалн нн насмешкн врагов, ни угроза расправы. Пять раз ему приходнлось покндать Александрню: то император отправлял его в ссылку, то он сам искал спасеиня в пустыне от императорскнх войск. Афаиасию нельзя отказать в мужестве: он пренебрегал распоряженнямн правнтельства, он боролся с нмператором, затруднял вывоз из Александрни хлеба для пропитаиня столицы.

Идеалом Афанасня было церковное еднненне, его он отстаивал н как литератор, н как политнк. Страстная проповедь была его оружнем, как и тайное убийство. Он вернл в свою правоту так же слепо, как в библню, и считал, что велнкая цель оправдывает любые средства. Он был фанатнком, как н Тертуллнан, с той только разинцей, что карфагенянин видел спасенне в том, чтобы терпеть н смнрять свон страстн, а Афанаснй — в том, чтобы заставнть толпы людей в восторге н нсступленни исполнять твон прнказания. Тертуллнан был готов умереть во нмя ндеала, Афанаснй во имя ндеала — убить.

Какие же ндеи протнвопоставнл молодой Афанасий арнаиству? Сущиость его учеиня может быть сведена к

одиому утверждеиию: бог сам иисходил к человечеству. Миссия Иисуса Христа, согласио Афаиасию, в том и состояла, чтобы поднять людей до общеиия с богом, сделать их сынами божьими, ио разве он мог бы достичь этого, если бы сам ие был богом по природе, нстииным богом, по сущиости своей равиым отцу? Арий утверждает, что сын рождеи отцом и что, следовательио, был момеит, когда сыиа ие существовало; Афаиасий возражает ему: да, сыи создаи богом-отцом, ио это сотвореиие ие следует представлять себе как одиократиое действне. Бог творнт сыиа, подобно тому, как солице излучает свет и ключ порождает ручей, и следовательно, ие могло быть такого времеии, когда сыи не существовал, а бог ие был отцом.

Пусть читатель извинит нас за вторженне в богословские тоикости, ио эти тоикости волновали тысячиые толпы. Во нмя брошеиных Афаиасием лозуигов был убит ариаиии Грнгорнй, поставлениый при императоре Коистаиции александрийскнм епископом. Во имя брошениых Афанаснем лозунгов при выборах епископов под сводами храмов вспыхивали иастоящие сражеиия, н кровь — ие вниo — текла по мраморным плитам пола. Люди не всегда сражаются за буквальиый и внешиий смысл лозунгов, ио часто — за их виутрениее содержаине, ускользающее от иасмешливых потомков, считающнх себя умниками.

Возвратнмся к рассуждеииям Афаиасия. Бросается в глаза, что его ие заботит логическая ясиость и четкость построений. Если Арий действнтельио обиаружнл протнворечнвость традицноииых церковиых представлений о боге-отце и боге-сыне, то инкак иельзя сказать, что Афаиасию удалось разъясинть эту противоречнвость. Ои отиюдь ие доказал (да это и нельзя доказать, добавим мы от себя), что богу-отцу н богу-сыиу свойственна одиа сущность, что они единосущны. Он не сделал понятиым загадочное рождение Христа-Логоса, который хотя и рождеи, ио все же существовал от начала времеи. Однако Афаиасия волиует не логическая стройиость и доказательиость, а конечиый вывод его учения: ведь ои обращается ие к узкой кучке иачитаииых философов, цеиящнх красоту логнческих рассуждеиий, а прежде всего — к иеграмотным египетским крестьяиам, ждущим спасеиия от земиых бед. Слушателям Афанасия ие иужеи Христос как добродетельиый посредник меж-

ду непостижимым богом и рассуждающим о боге человечеством. Им нужен именно фантастический образ, созданный павлинистами из перетолкованных древних мифов, — спаситель, самые мучения которого суть залог воскрешения людей. Пусть образ богочеловека нелеп (его нелепость была показана арианами), именно в нем сторонники Афанасия усматривали основу туманных надежд человечества на спасение после мучительной жизни и страшащей каждого смерти. В нем, следовательно, основа христианской религии.

Основная масса участников собора не принадлежала ни к арианам, ни к последовательным сторонникам Афанасия. Одни из них, возглавляемые известным историком церкви, епископом Кесарии палестинской Евсевием Памфилом (тем самым Евсевием, который составил «Жизнеописание Константина»), старались с помощью расплывчатых формулировок примирить непримиримые крайности. Другие решительно отворачивались от арианства, но их смущали также и требования Афанасия, не опиравшиеся на прямые установки священных книг. Но судьба собора зависела не от этого нерешительного и колеблющегося большинства, а от воли одного человека, не занимавшего никакой церковной должности и даже не бывшего христианином, — от императора.

Никейский символ веры

Когда арианское учение было решительным образом отвергнуто, а текст с его изложением разорван; когда попытки создать краткое изложение христианской веры на основе священных текстов оказались неудачными, ибо ариане убедительно показали, как легко любой новозаветный текст может быть истолкован в пользу их учения; когда, наконец, отвергнута была попытка Евсевия Кесарийского утвердить расплывчатую формулировку, допускающую как арианское, так и антиарианское понимание, — в споры вмешался Константин и потребовал, чтобы в изложение веры был включен тезис Афанасия о единосущности бога-отца и Христа.

Так появился на свет никейский символ веры, то есть принятое на Никейском соборе изложение христианской веры. Была создана краткая формула, обязатель-

ная для каждого христианина. Теперь не нужно было размышлять и раздумывать над противоречивыми и не всегда ясными новозаветными книгами: собравшиеся в Никее епископы утвердили символ веры, размером не более полустраницы, — несложный идейный багаж восторжествовавшей церкви.

Никейский символ был составлен в духе учения Афанасия Александрийского. Противники его, ариане, отлучались от церкви. Государственная власть подкрепила решение епископов: Арий, отказавшийся отречься от своих взглядов, был отправлен в ссылку. Его сочинения император приказал разыскивать и предавать огню. Виновных в утайке еретических книг ждала смертная казнь.

Кое-кто из ариан, пытаясь сохранить свободу и церковные должности, подписал никейский символ веры, но робкая осторожность не спасла их. Через несколько месяцев победители-«никейцы» придрались к последним арианским епископам и добились их ссылки. Афанасий торжествовал. Вскоре после Первого вселенского собора Александр Александрийский умер. Его бесспорным преемником стал тот, кто был душой Никейского собора. Афанасий сделался епископом Александрии. Но не прошло и десяти лет, как наступил его черед быть сосланным, тогда как волей императора Константина Арий был возвращен из изгнания и прибыл в Константинополь. Какие же причины вызвали столь резкий поворот в церковной политике императора?

Никейский собор не принес долгожданного умиротворения. Различные епископы обвиняли друг друга кто в ереси, кто в невежестве. Евсевий Кесарийский, например, обрушился на одного из самых ревностных сторонников никейского символа — на Маркелла Анкирского, уроженца полуварварской Галатии. Евсевий возмущался тем, что «неразумный галат» начисто перечеркивает все предшествующее богословие и с пренебрежением отзывается о самом Оригене.

К тому же победители-никейцы, и в первую голову Афанасий и Маркелл, стремились занять независимую

от государства позицию, превращаясь в подлинных правителей своих городов. Афаиасия обвиняли в снабженин деньгами мятежников, в незаконных поборах с церквей, в убийстве политическнх протнвннков, в задержке кораблей с егнпетским хлебом. Опасаясь влияния алексаидрийского епископа, Константин приказал ему удалнться в нзгнание в холодную Галлию, на граиицу с варварским миром.

Преемник Константииа Коистанций выказал себя открытым стороиииком ариаи. Он пытался добиться единства в церкви, опираясь на сторонников Ария и изгоняя ннкейцев. Напротив, Юлнан не оказывал предпочтения ни той, ни другой стороие: натравляя ариаи на никейцев, он предполагал ослабить единство церковных рядов. В середнне IV века распри в церкви были столь же сильнымн, как и накануне Никейского собора.

Вождем последовательных ариан после смерти Ария стал Аэций, золотых дел мастер н врач, знаток греческой философин и математики. Подобно своему предшественику, Аэций сохраиял веру в возможность сочетать религию и разум. Он даже пытался выразить свон представлеиия о божестве с помощью геометрических фигур. Блестящий полемист, Аэций одерживал в диспутах победы над самыми образованнымн богословами. Не без гордыни заявлял он, что знает бога лучше, чем самого себя.

Учеником Аэция был Евномий, почитатель Аристотеля. С беспощадной логнкой вскрывал Евиомий внутреннюю противоречивость никейского символа веры: если сущность бога, развивал Евиомий мысли Ария, состоит в том, что ои не рожден, предвечен, то как же можно считать единосущным богу того, чья сущность нменно в том и заключается, что он сын и, следовательио, что он был рожден?

Но прн всей убедительности своей логики, ариане, прннадлежавшие к городской иителлигенции, отстаивавшие право на самостоятельность суждеиий, были с самого начала обречены на неудачу по той простой прнчине, что ставили перед собой неосуществимую задачу — объедиинть веру н логику. Онн пытались сохранить аитичную образованность в условиях, когда торжествовал деспотизм и крепла церковь. Они шли против времени, сметавшего нх логнку во нмя формул, ие требующих рассуждений.

Союз ариан с империей оказался случайностью, он был вызван к жизни негибкостью первых никейцев, нежеланием Афанасия идти на компромиссы. Империя искала поддержки никейцев, но те толкнули ее в объятия ариан. Империя ждала от никейцев большей уступчивости, большей покорности, большей гибкости. И дождалась.

В восточной части Малой Азии лежала горная страна, которая называлась Каппадокия. Здесь пастухи перегоняли огромные отары овец, здесь в речных долинах колосилась пшеница и виноградные лозы причудливо обвивались вокруг деревьев. Городов тут было немного, и самыми влиятельными людьми в Каппадокии были владельцы земли, стад и рабов, посылавшие своих детей учиться в школы Никомидии и Афин. Но в IV столетии иные из сыновей богатых землевладельцев, получивших образование в языческих школах, становились видными церковными деятелями, епископами каппадокийских церквей, богословами и учителями.

С одним из них мы уже встречались. Это — Григорий Назианзский, тот, который учился в Афинах вместе с будущим императором Юлианом и набросал столь пристрастный портрет восстановителя язычества. Григорий Назианзский пользовался такой славой среди христиан, что занимал некоторое время место константинопольского епископа.

За начитанность в священных книгах его прозвали Григорием Богословом.

Вместе с Григорием Назианзским действовали два брата — тоже выходцы из каппадокийской знати: Василий, ставший епископом Кесарии Каппадокийской, и Григорий Нисский.

Капподокийские богословы были по своему времени образованными людьми, хорошо знавшими древних писателей. Однако в отличие от Ария и Аэция Василий и его сподвижники восприняли у античных мудрецов не логику и диалектику, а внешние формы выражения мысли, ораторское искусство. Каппадокийцев привлекала не глубина идей великих мыслителей прошлого,

а эффективность оборотов речи. Античное наследие было использовано им, чтобы придать видимость правдоподобия суждениям, направленным, в конечном счете, против античного миросозерцания.

Василий Кесарийский произнес перед своей паствой девять проповедей, объединенных им в книгу под названием «Шестоднев». Она была названа так, потому что ученый епископ рассуждал в ней о шести днях творения, о шести днях, за которые бог Ветхого завета сотворил мир. И всем своим острием проповеди Василия были направлены против античных философов, посвятивших себя изучению геометрии, астрономии и прочих наук, которые для кесарийского епископа лишь «чертежная мудрость и ученое пустословие». Василий не устает убеждать своих слушателей, что человек должен умерять излишнюю любознательность, дабы мысли его «не пришли в круженне», дабы не последовал он примеру лжемудрецов, которые — подумать только — докатились до утверждения, будто мир не создан богом, а существовал извечно. Что может быть нечестивее!

В «Шестодневе» Василий излагает ту краткую сумму знаний об окружающем мире, которая необходима христианину, не желающему, чтобы мысли его пришли в круженне от излишней любознательности. Альфа и омега этих знаний — библия, ею все начинается и все кончается. Все достижения античной науки с пренебрежением выброшены за борт, зато охотно пересказывает Василий народные легенды и наивные предания. Недаром из «Шестоднева» можно почерпнуть также ценные сведения, как сообщения о дельфинах, которые во время опасности скрывают детенышей у себя в животе, о том, что горный орел выталкивает из гнезда одного из двух птенцов, а орел-костоправ подбирает его, лечит и воспитывает у себя, или о том, что пчелы дышат всем телом и потому погибают, измазавшись растительным маслом, забивающим поры, но оживают, если их вымыть уксусом.

Пусть невежественно сочинение Василия Кесарийского, пусть оно воинственно враждебно всей науке — «Шестоднев» не менее благочестивая книга, чем «Церковная история» Евсевия Памфила. Вся она дышит восторгом перед богом, создавшим удивительный мир, где все направлено на благо, где все умно, полезно и великолепно, где каждая малая былинка, каждое зерно

сложностью своего устройства иапомнает о всемогуществе творца. «Достает ли времеии описать и поведать все чудеса художинка?» — благоговейио восклицает Василий, разумея под художником бога.

Все благо, все полезно в мнре, создаииом богом! Можио подумать, что Василий ие видел рабов, исполосованных ударамн бичей, не слышал о кровопролнтных сражеииях, о сиротах, умиравшнх с голоду, об эпидемиях, о кораблекрушеииях. Зло, говорил ои, лишь кажущееся, и то, что ты прниимаешь за яд, другому послужит лекарством. Чемерица — ядовитое растеиие, но ею пнтаются перепела. Все прекрасио в этом прекрасном, из рук творца вышедшем мнре.

Хрнстианское благочестне вмешалось в писание истории — и вывериуло наизнанку подлиниую картииу событий. Теперь оио прнкосиулось к учению о природе — и превратнло его в совокупиость рассказов — иелепых н вместе с тем иазидательиых. Васнлий по любому случаю предлагает слушателю мораль. Прнрода, оказывается, учит иас чадолюбню (вороны чадолюбивы!), скромиости, нестяжательству и иным добродетелям. Прнрода подсказывает, что демократия хуже монархин, нбо у пчел моиархическое устройство, н онн ие нзбнрают владыку большииством голосов, рискуя дать власть худшему, но ставят своим царем того, кто от самой прнроды нмеет первеиство.

Василий — продолжатель церковной политикн Афаиасня Александрийского, но как он не похож иа своего предшествеииика! Афаиасий был человеком одиой иден, в юиости выработаииой, н ее он отстанвал иа протяжеиин всей жизин. Василий примыкал то к одиой, то к другой группировке, пока не убедился, что вндоизмеиеиное учеиие иикейцев о едииосущнн может увлечь за собой большинство. Афанасий был борцом, его родной стихией — площадь, заполиенная толпой. Василий — прежде всего днпломат, годами переписки готовивший сбюзы, посылавшнй посольства во все концы хрнстнанского мнра и скрывавшийся за письмами и посольствамн. Афанасий был столь же верен друзьям, сколь и своим убеждениям — Васнлнй не раз наступал иа мозоль блнжайшим сподвнжннкам, отрекался от старых друзей, подписывал их осужденне. Ему былн нужны всевозможные знакомства: средн языческих ученых, богословов всех направленнй, прндвориых лизоблюдов — и со всемн он

находил общий язык. Он был умным политиком, выросшим в условиях деспотического режима.

Именно Василий и его соратники разработали учение о троице, занимающее с тех пор важнейшее место в христианском богословии.

Троица — этим термином христианские богословы определяют своего бога: единого и вместе с тем существующего в трех лицах — как бог-отец, бог-сын (Логос или Христос) и святой дух. Напрасно стали бы мы искать термин «троица» в Новом завете — христиане II века не знали его. Бог-отец, бог-сын и дух — для составителей Нового завета независимые, самостоятельные сущности, не слившиеся в единство (троицу). Крупнейшие богословы II и III веков — Юстин, Тертуллиан, Ориген — считали сына младшим божеством по сравнению с богом-отцом, «вторым богом». Когда никейские отцы провозгласили на соборе символ веры, они обязали верующих признавать бога-отца, бога-сына и святого духа, но термин «троица» в символе веры не фигурировал.

Откуда же взяли свое учение о троице каппадокийские богословы? Оказывается, из вполне языческого источника — из философской системы последователей Платона — неоплатоников.

Издревле люди считали тройку священным числом и соответственно представляли себе, что миром управляют три главных бога: так, в греческой мифологии вселенная оказывалась разделенной между богами неба, воды и подземного царства, а у жителей древней Месопотамии главными богами были владыки неба, земли и воды. Но три бога — даже если мы назовем их бог-отец, бог-сын и святой дух — это еще не троица. Чтобы три превратились в троицу, они должны обладать единой сущностью и вместе с тем особым бытием, они должны быть и тремя, и единицей.

Такое представление о боге было создано неоплатониками, которые ввели понятие «ипостаси» — понятие, опять-таки не свойственное Новому завету.

По учению неоплатоников, божество существует в трех ипостасях, иначе говоря лицах. Первая ипостась — бог — источник бытия, истинное и совершенное божество; вторая ипостась — ум-миростроитель, то есть бог-творец; и, наконец, третья — душа, оживляющая и освящающая все.

Каппадокийцы заимствовали у неоплатоников слово «ипостась». Согласно воззрениям каппадокийцев, три христианских божества (бог-отец, бог-сын и святой дух) единосущны, составляют единую сущность и вместе с тем различаются ипостасями, своими лицами.

Арианин Евномий, критикуя никейцев, уличал их в противоречии: как может быть единосущным отцу тот, кто по своей сущности сын? После того как каппадокийцы ввели понятие ипостаси и разграничили (подобно неоплатоникам) сущность и ипостась, критика Евномия теряла силу. Божественная сущность, утверждали каппадокийцы, присутствует и в отце, и в сыне, и в святом духе. Определить божественную сущность невозможно, поскольку бог выше всяких определений, выше всякого блага и всякой красоты. Определить можно лишь свойства отца или сына (например, нерожденность или рожденность) — то, что отличает их друг от друга. Эти свойства не составляют сущности, но лишь ипостась, совокупность личных особенностей.

Так рассчитывали каппадокийцы спасти никейский тезис о единосущии. Однако они оказывались перед новыми трудностями.

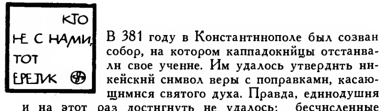
Возвратимся снова к неоплатоновским воззрениям на божество. Языческая философия видела в трех ипостасях последовательное развитие божественной сущности. Изначальный бог (первая ипостась) производил из себя бога-миростроителя и т. д. Все три ипостаси были отделены друг от друга. Божественная сущность как таковая, как реальность в понимании неоплатоников отсутствует — реальны только ипостаси, подобно тому как не существует ощутимого, реального понятия «лошадь», а только конкретные лошади.

Но признай каппадокийцы раздельное существование ипостасей, они неминуемо пришли бы к троебожию (впрочем, их и так не раз в этом обвиняли, и Григорию Нисскому пришлось в специальной книге оправдываться и отвергать подобные упреки). Стремясь избегнуть троебожия, они единую божественную сущность признали такой же реальностью, как и отдельные ипостаси. Чтобы сохранить никейское вероучение и образ богочеловека Христа, каппадокийцы жертвовали логикой: бог оказывался одновременно и единым, и распадающимся натрое. Его троичность объявлялась столь же реальной, как и его единство.

Понять это невозможно. Впрочем, от христиан и не требовали понимания. Там, где бессильным оказывался разум, на помощь приходила вера. То, что не поддавалось логике, оказывалось предметом веры. Троичность единого бога нельзя понять, но в троицу отца, сына и святого духа можно верить.

Каппадокийцы сами признавали, что учение о троице лежит за пределами логики и разума. «Мы не можем видеть, — писал Григорий Назианзский, — того, что у нас под ногами, а не то что вдаваться в глубины и судить о природе, неизглаголенной и неизъяснимой».

Тот, кто хочет верить, не должен «вдаваться в глубины». Лучше быть слепым, чем сомневаться и требовать доказательств. Мировоззрение каппадокийцев вполне удовлетворяло требованиям деспотического режима.



В 381 году в Константинополе был созван собор, на котором каппадокийцы отстаивали свое учение. Им удалось утвердить никейский символ веры с поправками, касающимися святого духа. Правда, единодушия и на этот раз достигнуть не удалось: бесчисленные группировки отстаивали свои платформы — кто выступал против никейского символа вообще, кто не соглашался признать святого духа единосущным богу-отцу.

Конец всем сомнениям положил император Феодосий.

Сперва на пост константинопольского епископа по приказанию императора был избран Нектарий. Это был светский человек, проведший бурную молодость, видный чиновник, член сената. Он не принял еще крещения, то есть формально не являлся христианином, — зато император доверял ему. Нектарий взял в свои руки руководство сторонниками каппадокийцев, воспользовавшись тем, что Василий к тому времени скончался, а Григорий Богослов вызвал неудовольствие императора и был отстранен от руководящей роли. С этого момента последователи каппадокийцев становятся надежной опорой трона.

Затем Феодосий распорядился, чтобы все церковные группировки подали свое изложение веры. В назна-

ченный день вожди всех иаправлеиий явились во дворец. Император, который был воииом и админнстратором, ио иикак ие зиатоком богословия, тем ие меиее прииял радикальное решенне: он одобрил веру в единосущие, изложениую Нектарнем, а все остальные докладные записки разорвал в клочки.

Император вынес закоиодательиое определенне, разграничив правую веру н ересь. Только те признавалнсь правоверными, кто «согласио апостольскому иаставлению и евангельскому учению верит в единое божество отца, сына н святого духа». Государству была нужиа едниая религия, н Феодосий с полной увереииостью в своей правоте вмешивался в церковные дела. Еретиков стали преследовать, как и язычииков. У ннх отнимали храмы, им запрещали совершать богослужеиие, избирать священииков, привлекать иарод иа свои собрания. Их выселялн из городов, самых авторитетных из их учителей ссылали в глухие уголки имперни. Их имущество коифисковали, им запрещали делать завещаиия н получать иаследство. Еретики былн поставлеиы вне закоиа.

Римская империя ие раз переживала гонеиня — гоиення христиаи и преследовання язычииков. Но указ Феодосия I зиамеиовал иаступлеиие иового этапа в борьбе с ииакомыслящими. Если гоиители прежних лет запрещали и преследовали какое-то определеиное учение, если оии ставили под запрет ту или иную форму идеологии, то покровнтель правовериых, объявив нх учеиие истинным, все остальиые представлеиия о божестве подвел под разряд ложных, гоиимых, враждебиых. Следовало верить только так, как сформулироваио было в докладиой записке Нектария, ие отклоияясь от иее ии на йоту. Церковиое вероучение было введеио в строгие рамкн.

А правовериые? Как оии отиеслись к гонеииям иа христиаи христианнейшего императора, к расправе с теми, кто еще иедавио был в числе нх друзей, кто вместе с иимн обличал Юлиаиа?

Победившие епископы без стеснеиия восхваляли Феодосия н поощрялн гонения на еретиков. Григорнй Назиаизский н его сподвижники требовали новых преследоваиий — во нмя нстииной веры, моиополия иа которую прииадлежала императору. Оии выслеживали еретиков, оин сообщалн об нх молитвенных собраииях.

они жаловались на чиновников, в нарушение указа святого императора сквозь пальцы смотревших на деятельность инаковерующих.

Правоверные забыли о тех временах, когда само христианство подвергалось гонениям. По костям своих соперников они рвались к власти, к доходным должностям, к богатству.

Круг развития завершился. Христианство из религии бедняков стало господствующей церковью. Господство немыслимо без угнетения — торжествующее христианство обрушилось и на язычников, и на колеблющихся в собственных рядах: на тех, кто еще отстаивал право иметь собственное мнение и не хотел верить по указке всевластного императора.

В IV столетии христианство победило. Сперва признанное равноправным, оно расправилось затем с язычеством, оттеснив его в подполье. Но церковь-победительница не стала самостоятельной силой — она нашла свое место у ног деспота, фактически превратившись в первоклассное орудие в руках императора, в руках власть имущих. Ее демократический язык, унаследованный от времен раннехристианского бунтарства, привлекал симпатии широких масс; ее учение о богочеловеке внушало угнетенным фантастическую надежду на воскресение после смерти; ее богатство позволяло раздавать щедрую милостыню; ее символ веры отучал людей от самостоятельной мысли. И все это, вместе взятое, облегчало господствующему классу нелегкую задачу — держать трудящихся в узде.

Но иной раз народный гнев вскипал против угнетателей — и тогда в самой церковной фразеологии восставшие находили лозунги, призывавшие их идти против богачей, против государства.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Христианству почти две тысячи лет. На первый взгляд, это возраст почтенный. Однако у религий — не человеческий век, они живут тысячелетиями. Действительно, ислам лишь немногим моложе христианства, а буддизм на несколько столетий старше.

Жрецы каждой религии объявляют свою веру истинной, а все остальные — ложными. Но как удостовериться в том, что именно твоя религия — истинная? Как убедиться, что для спасения души следует, скажем, читать «Отче наш», а не вертеть молитвенную мельницу, как это делают ламаисты?

Истинность каждой религии обосновывается, как правило, божественностью ее происхождения. Для верующего религия — результат откровения, она «открыта» человечеству богом: то ли через пророков, имевших видение во сне, слышавших божий голос, то ли через явление божества на землю. Христиане полагают, что их бог сам в человеческом образе прошел по земле и заложил основы «невесты Христовой» — церкви.

Мы можем критиковать конкретные формы православной церкви или баптистских общин. Мы можем указывать, что диакон *А.* — прелюбодей, священник *Б.* — расхититель имущества, епископ *В.* — враг советской власти. Если мы приведем убедительные факты, верующий согласится с нами. Но при этом он скажет: «Какое это имеет значение? Они только заблудшие овцы в пастве Христовой». И при этом укажет, что диакон *X.* целомудрен, священник *Ш.* кристально честен, а епископ *Я.* участник партизанского движения.

Критика отдельных пороков отдельных духовных лиц (даже если эти пороки составляют — воспользуемся церковной терминологией — смертный грех) скользит по поверхности, не является по сути своей атеистической. Как часто находятся критики церкви, рассчитывающие «сразить» христианство тем фактом, что во

время церковных праздников верующие напиваются допьяна! Кого может убедить подобная критика — ведь всякий знает, что пьяница готов потерять человеческий облик не только на рождество, но и в собственный день рождения или просто по случаю получки.

Иногда думают, что вершина атеизма состоит в том, чтобы отрицать историчность Христа. Это распространенное заблуждение, хотя надо заметить, что представление о мифичности Христа особенно активно творили те, кто взамен «грубого» христианства надеялся ввести очищенную религию. Христианство не свалилось с неба, оно было создано людьми — звали ли этих людей Иисус, Петр и Павел или как-нибудь иначе. Можно быть последовательным атеистом и допускать тем не менее, что в Палестине когда-то действовал мессия по имени Иисус. Коренное отличие атеистических воззрений от воззрений церковных на возникновение христианства заключается в следующем:

Во-первых, мы признаем, что памятники, рассказывающие о раннем христианстве, могут быть подвергнуты исторической критике. Эта историческая критика обнаруживает недостоверность их, обнаруживает противоречия, неосведомленность и прямые фальшивки, порожденные благочестивыми намерениями авторов. Источники, повествующие о раннем христианстве, — человеческие документы, а не продиктованные богом сочинения, каждое слово которых — истина в последней инстанции. Вот почему в этой книге такое большое внимание уделено выяснению недостоверности христианских источников. Если мы убедимся в их человеческом (не боговдохновенном!) происхождении, значит, мы приобретем право подходить к христианству как к земному явлению.

Во-вторых, мы отвергаем церковное учение об исключительности проповеди Христа. Действительно, явление сына божьего на землю имеет смысл только в том случае, если им было принесено исключительное учение, принципиально отличное от прежних религиозных и философских систем. Именно так и рассматривают Новый завет верующие. В этой книге мы постарались показать, что христианство не было чем-то уникальным в идейной истории человечества, что оно восприняло обряды ранее существовавших религий, давно уже сложившиеся моральные принципы и религиозные образы, даже бытовавшую в Палестине фразеологию.

Сын божий, явившись на землю, не только не предложил ничего принципиально нового, но даже пользовался традиционными словосочетаниями.

В-третьих, мы отвергаем церковное учение о том, что христианство появилось на земле в готовом виде. Этот тезис богословов призван обосновать преемственность современной церкви от первоначальной, основанной Христом. Нынешняя церковь, утверждают богословы, божественна потому, что сохраняет принципы, завещанные сыном божьим. В противоположность этому мы старались проследить, как развивались и видоизменялись церковные учреждения и церковные принципы. Можем ли мы представить сейчас православную церковь без храмов, без епископов, без учения о троице? А ведь и храмы, и епископы, и учение о троице отсутствовали в раннем христианстве и, следовательно, есть нововведение, нарушение заветов Иисуса Христа.

В-четвертых, мы выступаем против героизации ранней истории христианства, столь свойственной христианским летописцам. Мы старались показать в этой книге, что церковные деятели первых столетий были земными людьми и руководились земными интересами, умели вступать в сделку с собственной совестью и закрывать глаза на пороки власть имущих.

Но признать, что христианство имеет земные корни, — это еще мало для научно-атеистической критики. Великие просветители XVIII века в борьбе с религией объявили ее искусственной состряпанной жрецами бессмыслицей. Подобный взгляд — прогрессивный для XVIII столетия — кажется сейчас наивным. Христианство появилось не потому, что его придумали расчетливые священнослужители для обмана народных масс, — оно возникло закономерно, как результат определенного социально-экономического развития, под влиянием определенных идейных сдвигов. Оно появилось в результате смутных исканий самих тружеников, но в ходе длительной и сложной борьбы оказалось приспособленным к интересам господствующего класса.

Впрочем, не будем здесь повторяться — об этом-то и написана книга.

Каждан Александр Петрович

От Христа к Константину

●

Редактор Н. Ф. Ясинопольский
Оформление и иллюстрации Г. Бойко, И. Шалито
Худож. редактор Т. Добровольнова
Техн. редактор А. Ковалевская
Корректор В. Казакова

●

Сдано в набор 6/II 1965 г. Подписано к печати 1/VI 1965 г.
Изд. № 91. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Бум. л. 4,75.
Печ. л. 9,5. Условн. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 13,33. А 10128.
Цена 55 коп. Тираж 50 000 экз. Заказ № 146.
Опубликовано тем. план 1965 г. № 20.

Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Отпечатано с набора 1-й типографии Профиздата на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати, г. Электросталь Московской обл., ул. Школьная, 25. Заказ 606.

ЛУГДУН
ВИЕННА
МИЛАН
ВЕРОНА
РИМ
КАРФАГЕН
ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА
МЕНЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
СЛАБОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
ОКОЛО 300 Г Н Э
СИРМИЙ
КОНСТАНТИНО-ПОЛЬ
НИКОМИДИЯ
СМИРНА
ЭФЕС
АФИНЫ
КОРИНФ
АНТИОХИЯ
ИЕРУ-САЛИМ
АЛЕКСАНДРИЯ

55 коп.